

9835

633 (изд-во Крым)
е -

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
ОСНОВАНИЯ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ

г. Бахчисарай
1-4 октября 2007 г.

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
ОСНОВАНИЯ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ

г. Бахчисарай
1-4 октября 2007 г.

УДК 069.8
ББК 44.7
С 232

С 232 **Сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня открытия Бахчисарайского музея.** — Симферополь: ДОЛЯ, 2007. — 180 стр.

© Крымскотатарский фонд культуры Автономной Республики Крым, 2007

© Издательство «ДОЛЯ», 2007

ISBN 978-966-366-136-0

ВСТУПЛЕНИЕ

В октябре 1917 года в культурной жизни Крыма произошло знаменательное событие — был провозглашён акт о создании Музея тюрко-татарской культуры. Первое в истории крымскотатарского народа культурное учреждение такого рода было создано на базе бывшего дворца крымских ханов. Директором музея был назначен Усеин Боданинский, известный архитектор, искусствовед и этнограф.

Первая половина 20-х годов XX века — это время становления Бахчисарайского музея. Несмотря на трудное экономическое время, приобретались многие предметы представляющие экономическую ценность, немало было подарено представителями местного населения. Музейная коллекция на октябрь 1924 года насчитывала 2254 единицы.

Двадцатые годы оказались наиболее плодотворным периодом творческой и созидательной деятельности Бахчисарайского Дворца-музея. Огромная заслуга в этом принадлежит первому директору музея — У. Боданинскому. Вот краткая хронология деятельности музея за это время.

Осень 1924 года Бахчисарайский музей совместно с представителем Научной Ассоциации Востоковедов, известным профессором А. С. Башкировым, проводит археологические раскопки на территории татарского кладбища XIV—XV вв. «Кырк Азизлер» в Эски-юрте под Бахчисараем. Активное участие в этом принимают У. Боданинский и О. Акчокраклы. В результате раскопано и атрибутировано более 30 мусульманских надмогильных памятников, показывающих высокий уровень крымскотатарских мастеров того времени.

Весна и лето 1925 года — этнографическая коллекция Бахчисарайского музея демонстрируется на Всемирной выставке в Париже. Экспонаты из далекого городка вызывают огромный интерес. Крымскотатарские вышивки и марама удостоиваются диплома и бронзовой медали.

Летом 1925 года Бахчисарайский музей проводит этнографическую экспедицию по Крыму. За 42 дня преодолён маршрут длиной

500 верст, обследовано 64 населенных пункта. В результате экспедиции собрано 150 этнографических предметов, 50 эпиграфических памятников, записано около 1000 образцов фольклора, сфотографировано 200 памятников, зарисовано 300 объектов.

Во второй половине 1925 года директор Бахчисарайского музея У. Боданинский в качестве главного консультанта участвует в съемках первого художественного фильма из жизни крымских татар — «Алим».

Сентябрь 1926 года — У. Боданинский принимает активное участие в работе тюркско-татарской секции Всесоюзной археологической конференции.

В апреле-мае 1927 года директор музея совместно с руководителем Крымской экспедиции, крупнейшим искусствоведом, художником и реставратором XX века И.Э.Грабарем обследует памятники архитектуры крымских татар на территории Бахчисарайского района.

1927—28 гг. — время плодотворной издательской деятельности музея. Увидели свет следующие научные публикации: «Бахчисарайский музей», «Благоустройство крымских городов», «О археологическом и этнографическом изучении татар в Крыму», «Производство из шерсти у крымских татар» — У. Боданинского, «Новое из истории Чуфут-Кале» — О. Акчокраклы.

В августе 1927 года У. Боданинский по заказу крымско-татарского театра нарисовал эскизы декораций балета «Бахчисарайский фонтан». Перевел поэму О.Акчокраклы, а музыка была написана А. Рефатовым.

Приказом от 17 февраля 1934 года У. Боданинский был отстранен от должности директора Бахчисарайского Дворца-музея. Началась эпоха репрессий. Работавшие после него до периода войны А. Файков, С. Бекчинтаев, В. Дашевский, Б. Зиядинов, К. Байрамов были представителями партийных и советских органов. Как показывает анализ инвентарных книг того времени, эти руководители, мало, что сделали в деле пополнения музейных коллекций.

В последнее время наименование музея неоднократно менялось. В 1991 году на базе Дворца-музея был создан Бахчисарайский историко-культурный заповедник. Он состоит из двух главных филиалов — Музей истории и культуры крымских татар, который базируется в помещениях бывшего Ханского дворца, и Музей археологии и «пещерных городов».

Ныне в фондах Бахчисарайского историко-культурного заповедника хранится около 147000 единиц музейных предметов. В туристическом отношении наше учреждение является одним из самых популярных и посещаемых объектов Крыма.

В рамках чествования 90-летия со дня основания музея с 1 по 4 октября, в Бахчисарае проведена научно-практическая конференция, где были прочитаны доклады из различных спектров исторической науки. География участников говорит сама за себя: Бахчисарай, Симферополь, Днепропетровск, Киев, Одесса, Харьков, Будапешт, Анкара, Саппоро, Осака.

Как и сама конференция, так и культурная программа, по единодушному мнению всех участников конференции, прошли в дружеском духе и на высоком уровне. Об этом говорят многочисленные послания из электронной почты участников конференции.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить наших спонсоров: Комитет по делам национальностей депортированных народов АРК, Крымскотатарский фонд культуры, а также своих коллег и многочисленных друзей музея, содействовавших успешному проведению юбилейной конференции.

Сервер ЭБУБЕКIROV,
директор Музея истории
и культуры крымских татар.

3

*АБДУЛЬВААПОВ Н. Р., старший
преподаватель Крымского инженерно-
педагогического университета*

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ ИЗ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

В июне 1976 года с разрешения Министерства культуры УССР из фондов Бахчисарайского историко-культурного музея (ныне Бахчисарайский историко-культурный заповедник) в фонды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская Национальная библиотека, г. Санкт-Петербург) было передано около 400 рукописных и старопечатных книг на тюркских (крымскотатарском, османском, турецком, татарском, караимском), арабском и древнееврейском языках. Как указывалось в акте передачи, книги передавались на постоянное хранение, целью же было определено пополнение фондов Публичной библиотеки.

После начала массового возвращения крымских Татр на историческую родину и их настойчивых требований по восстановлению прав, в том числе, на веками создававшееся ими культурное наследие, тема коллекции неоднократно ставилась на повестку дня работы служб, занимавшихся соответствующей проблематикой, активно обсуждались на различных общественных и научных форумах, освещалась в прессе.

Особую остроту проблеме придавал факт отсутствия подробного представления о содержании коллекции, поскольку опись, составленная при передаче и подписанная обеими сторонами, была крайне неинформативной (к примеру, треть изданий были указаны как «книги неопределённого содержания»), изобиловала множеством неточностей и ошибок. Более того, опись сама порождала многочисленные вопросы, не давая, в частности, чёткого представления даже о

точном количестве переданных книг. Всё это создавало различные проблемы, в том числе, и в работе по приведению в порядок той части коллекции, которая осталась в фондах Дворца-музея. Необходимо было подробное изучение положения дел на месте.

В 2006 г., в результате многолетних усилий, дирекцией Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника при содействии Государственной службы контроля за перемещением культурных ценностей через государственную границу Украины удалось изыскать финансовые средства, необходимые для проведения командировки в РНБ. Задача последней была определена как изучение обстоятельств передвижения коллекции в РНБ, попредметного нынешнего местонахождения, количественного и жанрового состава и т.д., а также условий сотрудничества с администрацией российской библиотеки на предмет дальнейшей работы с книжным собранием.

Командировка состоялась в ноябре 2006 года, в ней приняли участие сотрудники Научно-исследовательского центра по изучению крымскотатарского языка и литературы при Крымском инженерно-педагогическом университете (г. Симферополь), одной из исследовательских тем которого является изучение истории и нынешнего состояния крымскотатарского рукописного и старопечатного наследия. В течении двух недель была проведена работа по локализации коллекции, индивидуальному поиску книг и составлению их предварительного указателя, знакомству с наиболее ценными изданиями, а также изучению и копированию печатных материалов, в которых каким-либо образом затрагивалась тема бахчисарайского собрания.

Итак, вопрос местонахождения, количественного и жанрового состава коллекции рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из фондов Ханского Дворца-музея в Бахчисарае на хранение в РНБ, в настоящий момент, в целом, можно считать выясненным. Из предполагаемых 301 выявлено 287 томов-книг: 135 рукописных и 152 печатных. Книги находятся, соответственно, в Рукописном отделе и Отделе литератур стран Азии и Африки РНБ. Остаётся невыясненной судьба лишь небольшой части книг, работа над их поиском будет продолжена. Таким образом, коллекция сохранилась, более того, и это касается, прежде всего, рукописной части книг, содержалась и содержится в хороших условиях, частично обработана и описана.

Исследователями, работавшими с бахчисарайским собранием, была дана достаточно высокая оценка уровня. На основании этих оценок, а также личных впечатлений, мы можем с уверенностью говорить о том, что имеем дело с, безусловно, значительным книжным собранием. Собранием, содержащим довольно много ценных и редких рукописных и печатных изданий, происходящих к тому же, из ряда довольно известных крымских библиотек, в том числе, библиотеки Ханского дворца, ведущих духовных учебных заведений, культовых учреждений и др., а также частных книжных собраний. Особый интерес в коллекции вызывают рукописи и печатные издания, содержащие произведения непосредственно крымских авторов, в том числе абсолютно неизвестных, могущих стать открытием завтрашнего дня.

Коллекция поднимает целый массив тем, связанных с историей рукописной и печатной книги в Крыму, историей крымского книгопечатания, практикой формирования различных книжных собраний, роли последних в образовательном процессе, собственно, содержанием этого процесса (в курсах различных образовательных заведений), тем, связанных с научно-религиозным и художественно-литературным творчеством в соответствующую эпоху. Собрание в этом плане достаточно репрезентативно и позволяет найти ответы на множество вопросов истории религиозной, интеллектуальной, художественной и т.д. жизни в Крыму.

Особо необходимо сказать о богатом культурном материале, обнаруживаемом на многочисленных отдельных страницах книг, их титулах, обложках, форзадах и т.д. Самые разнообразные записи, касающиеся истории книг, частной жизни их владельцев, штампы мест прежнего пребывания, оттиски печатей, поэтические фрагменты, различного рода афоризмы и т.п., присутствующие практически в каждой книге, свидетельствуют о длительной и, порой, достаточно драматичной истории того или иного издания. Одновременно, вырисовывается и широкая панорама жизни всего крымского общества того времени – в событиях и лицах, в целом и в многочисленных деталях. Книги коллекции содержат сотни имён – людей, известных, а больше неизвестных, имевших страсть к знанию, образованию, книге, собиравших, переписывающих эти книги, лелеявших их, даривших, жертвовавших... Ими, в том числе, создавалась история Крыма, имена многих из них, возможно, будут вписаны в её анналы.

В связи с последним, нельзя не сказать о вызывающем сожаление факте расчленённости коллекции, т.е. нахождения отдельных её частей в настоящее время в различных местах. Причём эта расчленённость проявляется на самых различных уровнях – как на уровне коллекции в целом, так и отдельных её фрагментов – более частных книжных собраний, являвшихся её составными частями. Разделёнными, таким образом, оказываются книги дворцовой коллекции, Ханской и других известных крымских мечетей, духовных мусульманских учебных заведений Крыма, в том числе медресе Зынджирлы, караимских кенас, ряда частных собраний. Эта расчленённость, как мы указывали выше, проявляется вплоть до отдельных изданий и авторов. Последнее, вообще выглядит алогичным: часть томов издания находится в одном месте, часть – в другом (выше были даны примеры, когда часть томов одного издания оказывались в Санкт-Петербурге, а часть оставалась в Бахчисарае). Непонятна логика отбора. Однозначно же то, что имеет место нарушение целостности коллекции.

Академик И.Ю. Крачковский, описывая бахчисарайскую книжную коллекцию в самый начальный период формирования, заметил, что она «интересна в целом, как показатель уровня духовной образованности в одной из мусульманских провинций» (см. выше). О. Васильева в уже упоминавшейся выше статье прокомментировала эти слова известного востоковеда фразой: «И надо заметить, что этот уровень не был низким».

У нас нет причины не согласиться с мнением О. Васильевой. Даже вышеописанная, ограниченная часть Собрания представляет собой достаточно репрезентативную картину. Перед нами литература, в течение столетий питавшая духовную жизнь крымских татар и караимов, служившая удовлетворению (как, впрочем, и формированию) их разнообразных духовных, интеллектуальных и эстетических запросов, обладающих, несомненно, более того, значительным духовным, интеллектуальным и эстетическим потенциалом. Литература, в настоящее время, к сожалению, практически забытая и известная в лучшем случае лишь специалистам в соответствующих областях. Представляется необходимым подробное исследование всего вышеописанного наследия с целью возвращения в сегодняшний день всего наиболее в нём эстетически и идейно ценного. Чрезвычайно важно, также, введение в научный оборот всего массива заложенных в

коллекции разнообразных сведений – от характеристики издания как предмета материальной культуры до сведений, содержащихся в многочисленных владельческих и читательских пометках.

Особую актуальность необходимости серьёзных исследований коллекции придаёт современная ситуация в Крыму – в связи с возвращением на историческую родину крымских Татар и их стремлением к национальному возрождению, а также значительно возросшим интересом к своей истории, демонстрируемым представителями ещё одного коренного народа Крыма – караимами.

Бахчисарайская книжная коллекция в РНБ – часть крымского рукописного и старопечатного наследия, бесценный фрагмент национального богатства Крыма в целом, и крымских татар и караимов в частности. Богатства, создававшегося многими поколениями крымцев во имя их славного прошлого и достойного будущего. Богатства, должно служить на благо как мировой культуры, так и на благо возрождающейся национальной культуры Крыма!

ЛИТЕРАТУРА: 1. Васильева О.В. *Крымскотатарские рукописные материалы в Отделе рукописей // Восточный сборник. Вып. 5. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 37, сноска, 1;* 2. Васильева О.В. *Турецкие рукописи в фондах Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (худ. литература) // Turcoljgika, 1986. – Ленинград: «Наука», 1986. – С.57, 60, 61;* 3. Васильева О.В., Лебедев В.В. *Бахчисарайское собрание восточных рукописей - Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Сборник научных трудов. – Ленинград, 1983. – С. 131-139;* 4. Крачковский И.Ю. *Отчёт о командировке в Крым летом 1924 г. // Известия АН. Сер. 6, Т.18, Ч. 2, № 18. – Л., 1924 – С. 62-670.*

АЛПАШКИНА О. Н., главный хранитель фондов Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника

БАХЧИСАРАЙСКИЙ МУЗЕЙ — ЦЕНТР КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА В 1920—30-Е ГОДЫ

4 октября¹ 1917 г. по праву можно считать одной из знаменательных дат истории г.Бахчисарая. В этот день приказом Таврического Губернского комиссара Временного Российского правительства г. Богданова художник Усеин Боданинский был назначен заведующим Бахчисарайским ханским дворцом-музеем.

Так случилось, что с рождением нового государства совпало рождение музея в Бахчисарае. Какими были его первые шаги? Безусловно, в сложнейших исторических и политических условиях того времени – нелегкими. В 1917—1920 гг. Крым являлся ареной жесточайшей классовой борьбы, претерпевал многочисленные изменения в политическом управлении, в начале 1920-х гг. был просто истерзан голодом, пик которого пришелся на весну 1922 года. Бахчисарайский район стал одним из наиболее пострадавших районов Крыма – к окончанию голода процент убыли населения из города составил 55 %!

Что представлял собой Бахчисарайский дворец-музей в 1920—1930-е годы – годы своего становления, которым предшествовали революции, войны, разруха и голод?

3 ноября 1917 года в Бахчисарае состоялось грандиозное событие – в городе был торжественно открыт Бахчисарайский государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры, которому суждено было стать поистине островком культуры в те переломные, трудные для всех бахчисарайцев времена.

С 1917 по 1934 гг. в документах музея фигурирует имя его первого директора Усеина Боданинского. К образу этого талантливейшего, горячо болевшего душой за свое детище

человека, весьма применимо и понятие настоящего энтузиаста своего дела. Как свидетельствует У. Боданинский в своих дневниках, написанных в 1920-х гг., «... с 1917 по 1919 гг. дворец отстаивался от всякого рода посягательств и реквизиций:

· в ноябре 1917 г. Зал Суда · от Курулта ;

· в декабре того же года — от штаб-канцелярии 2-го Крымского конного полка и от канцелярии Бахчисарайского отдела Управления Вакуфами;

· в 1918 г. — от штаба 7-го Егерского полка.»²

В первые десятилетия существования Бахчисарайского музея штат его научных сотрудников был более чем скромный — 7-8 человек. Именно эти сотрудники были авторами первых музейных выставок исторического, археологического, этнографического, революционного и других отделов. Именно они являлись также непосредственными участниками ряда археологических изысканий и этнографических экспедиций: в 1924 г. — это раскопки Эски-Юрта совместно с представителями научной Ассоциации Востоковедения при ЦИКе СССР и Крымохриса, в 1927 — исследования Сюреньской башни, Мангупа, Черкез-Кермена и Эски-Кермена. В 1925 г. музей принимает участие в разведывательных работах памятников Солхата, а в июле-сентябре — в работе этнографической группы научной экспедиции КрЦИКа и Крымсовнаркома по изучению татарской культуры в Крыму. Члены этой экспедиции за 42 дня объехали почти весь Крым, посетив 63 населенных пункта.

Научные сотрудники изучают музейное дело в Баку, Москве, Ленинграде, где ищут возможность обмена этнографическим материалом. Ими проводится работа по отбору дублетных экспонатов книг во Всесоюзной библиотеке им. Ленина и библиотеке Государственного исторического музея Москвы. Они выступают с докладами и сообщениями на конференциях и съездах Крыма, Украины: в 1923 году — на III Всекрымской конференции музейных работников в Севастополе, где, кстати, была принята резолюция об оказании всяческого содействия открытию в Бахчисарае Научно-исследовательского института (!) по изучению культуры крымских татар; в 1927 году — на Всеукраинском съезде Ассоциации Востоковедения в Харькове и пр.

Сотрудники музея также работают в колхозах и совхозах республики: изучают там формы хозяйства и быта, проводят фотосъемку, берут над хозяйствами культурное шеф-

ство, мобилизуются в села района, участвуя в хлебозаготовительной кампании. В 1933 г. стараниями членов коллектива музея Бахчисарайский район был достойно представлен на выставке в честь Всекрымской Дервизы.

Музейные работники, работая на селе, становятся активистами ЛИКБЕЗа — кампании, начавшейся в начале 1920-х гг. по всей стране. А начиная с 1930 г. с каждого посетителя музея решено брать 5 коп. на развитие Всеобуча в Крыму.

Музей также оказывает всяческое содействие исследователям культуры, истории и этнографии народов Крыма.

Сотрудник этнографического отдела Русского музея в Ленинграде Г. А. Бонч-Осмоловский, занимающийся археологическими исследованиями Сюреньского укрепления, изучающий быт караимов и цыган и проводивший киносъемки по татарской этнографии — «Свадьба пастуха»; профессор-этнограф Б. Куфтин, исследующий цеховое устройство татар-ремесленников; Председатель Германского географического общества прф. Обст - многие из этих и других исследователей знакомили население Бахчисарая с задачами и результатами своих изысканий в лекциях и докладах.

В музее работают реставраторы книг из Центральных мастерских Главнауки, проходят практику студенты Московского техникума кустарной промышленности, Ленинградского университета и Восточного отделения Крымского университета.

Ведется работа по сохранению памятников — в целях предупреждения бессистемных неграмотных археологических раскопок, сотрудниками музея составлен Проект о порядке производств научно-исследовательской работы на территории республики. Поставлены на учет бани Сары-Гузель, Большая ханская мечеть, Зинджирлы-Медресе и мавзолей Хаджи-Гирея, а также более десятка частных домов приходов Бахчисарая. В декабре 1925 г. Боданинский подает особую докладную записку в музейный отдел Главнауки НКП о предлагаемых мерах по спасению Ешиль-Джами в Бахчисарае, в 1932 г. ему приходится отстаивать историческую роццу в Иосафатовой долине, которую намерен вырубить городской совет Бахчисарая. В 1924—1926 гг. совместно с городским архитектором произведены первоочередные ремонтные работы во дворце.

Пополняются фонды музея — к концу 1923 г. они насчитывают уже более 2000 ед. хр.

Расширяется структура Бахчисарайского музея: в 1938 году по решению правительства Крыма создается Музей пещерных городов, который изначально вместе с музеями Севастополя входит в состав Севастопольского Музейного Объединения. Но в 1939 году начинается его реорганизация в связи с переводом г. Севастополя на особый режим и сокращением посещения музеев за счет курортников и граждан, живущих вне пограничной зоны. В связи с вышесказанным, Совнарком предлагает выделить в самостоятельное учреждение Музей пещерных городов и перевести его в Бахчисарай, т. к. все основные памятники находятся там. Правда, что касается вопроса о степени сохранности всех этих памятников, то, судя по докладным запискам, обращениям и другим документам Наркомата просвещения, на тот период они находятся в угрожающе-аварийном состоянии и требуют на ремонт св. 1 000 000 рублей!

Оставалась еще одна, но большая проблема – помещение для музея. Решение этого вопроса затягивается на несколько месяцев, но, наконец, 19 октября 1939 года Наркомат просвещения докладывает Совнаркому республики о том, что «*в Бахчисарае освободились здания медицинского техникума, которые передаются дому старости. Без всякого ущерба для размещения Дома старости, одно из зданий (дом бывший Гаспринского) можно передать Музею пещерных городов*».³

Основным профилем Музея пещерных городов, является история юго-западного нагорья Крыма со II по XV вв. Музей имеет крепкую связь с Государственным Историческим Музеем г. Москвы и получает от него значительную помощь – к примеру, в работе археологической экспедиции на Мангупе в октябре 1938 года, давшей первые большие поступления археологии в фонды Музея пещерных городов — св. 2000 предметов. Срочно требуется помещение под хранилище, и 28 ноября 1939 года выходит специальное правительственное постановление «О работе музеев в Крыму», в котором говорится о предоставлении музею Большой ханской мечети – самого обширного в городе помещения. Правда, лишь к осени 1940 года все материалы музея пещерных городов были сконцентрированы там, а 7 ноября произошло, наконец, его торжественное открытие.

Особо надо отметить просветительскую и экскурсионно-массовую работу.

Бахчисарайский музей в те годы тесно сотрудничает с

Центральным музейно-экскурсионным институтом и Институтом Методов Внешкольной работы в Москве, доклады Боданинского о научной работе музея звучат в музейном отделе Главнауки и Академии исторической и материальной культуры в Ленинграде.

Сотрудникам музея, но чаще его директору, неоднократно приходилось выступать научными консультантами, причем по самым разным вопросам. Так, в 1923 г. У. Боданинский участвует в организации крымского павильона художественно-промышленного, кустарного и бытового отделов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. В 1924 он стал соавтором памятника и сквера Ленина в Бахчисарае, в 1925 подписывает договор с Всеукраинским фотокиноуправлением о работе в качестве художника-крымоведа в написании сценария «Алим», съемки которого проводились также на одном из кожевенных заводов Бахчисарая. В 1927 г. Боданинского привлекают к обследованию исторических памятников Карасубазара на предмет их ремонта, в 1932 он — соавтор проекта Положения НКП о реорганизации крымских музеев в национальных районах. В 1933 г. Боданинский консультирует крымский радиоцентр по вопросу организации в Крыму Татарского симфонического оркестра, а Крымский государственный театр – по вопросу постановки пьесы «Наступление». В декабре он вновь командирован в Москву для организации промышленной и сельскохозяйственной выставок к отчетному докладу правительства Крыма.

В январе 1925 г. Президиум СНК Крыма выносит решение «... *признать участие Крыма ... желательным*»⁴ в работе Международной выставки декоративных искусств и современной художественной промышленности в Париже. Согласно плану участия Крыма в указанной выставке, в апреле 1925 г. в одном из ее отделов должны быть представлены ок. 100 предметов из Татарской художественно-промышленной школы г. Бахчисарая, художественно-историческую сторону производства, которой корректировал У. Боданинский. Ему же была поручена подготовка эскиза Крымского павильона, а предметы для выставки готовили под его руководством бахчисарайские и симферопольские мастера.

В марте 1925 г. при Наркомате просвещения Крыма проходит заседание Коллегии, на которой обсуждается вопрос о проведении в Крыму Татароведческого съезда, открыть

работу которого планируется 1 июня 1925 года в Бахчисарайском музее.

В 1935 г. экспонаты из Бахчисарайского музея были представлены на выставке иранского искусства и археологии на Международном конгрессе в Ленинграде.

Научные сотрудники участвуют в составлении путеводителя по Крыму, выступают с многочисленными лекциями в школах, колхозах, педагогических коллективах города и района, готовят лекции по истории дворца для радиовещания по городу и району. Они также тесно сотрудничают с учащимися города. (К примеру, в ноябре 1924 г. в одной из городских 9-леток — школе II ступени, проходит вечер художественной самодеятельности, для чего музеем выдаются костюмы!) В 1924 году в учебную мастерскую печатного дела Бахчисарайского Художественно-промышленного техникума У. Боданинским передаются материалы издательства «Терджиман», в ответ благодарные студенты оказывают директору помощь в проведении инвентаризации в музее.

Проводятся экскурсии по городу и окрестностям — уже в 1923 г. музей посетило около 4 тыс. человек.

В 1931 г. Крымский совет Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий пробует организовать экскурсионно-краеведческие маршруты. Одним из таковых стала 10-дневная автобусная экскурсия по городам южного и юго-западного Крыма с двухдневной остановкой в Бахчисарае. Еще одна экскурсия — сельскохозяйственная на тему «Сплошная коллективизация Крыма и развитие пригородного хозяйства», начальный пункт сбора — Бахчисарай. Кроме посещения предприятий кустарной промышленности планируется посещение Музея. Указанная экскурсия пользуется популярностью — за несколько месяцев ее посетило ок. 3000 чел.

Всего же в Бахчисарае освоено несколько экскурсионных маршрутов: 2-х-часовая пешеходная по дворцу-музею; 5-часовая по Чуфут-Кале; 3-х-часовая пешеходная по городу. Особым успехом пользуются экскурсии по ознакомлению с татарским бытом, Дворцом, Черкез-Керменом и Мангуп-Кале. И если в 1927 г. через Бахчисарай прошло только 60 туристов, то в 1932 — уже 4646 человек. С 1929 г. в Бахчисарае существует небольшая (на 65 мест) турбаза, прилегающая к постройкам дворца.

Документальные материалы Бахчисарайского записки рассказывают об открытии в 1924 г. в Бахчисарайском

музее Общества краеведения. В Обществе, которым руководил Боданинский, действовало несколько секций, работа которых заключалась в организации и подготовке коллектива руководителей экскурсиями по Бахчисараю и окрестностям, а также в руководстве этими экскурсиями. Было разработано восемь маршрутов экскурсий. В этом приняли участие следующие краеведы Бахчисарае:

- «Город Бахчисарай и татарский быт» — т. Лятиф-Зоде;
- «Ханский дворец и музей» — т. т. Я. Грозный и А. Ибраимов;
- «Чуфут-Кале и Тепе-Кермен» — т. М. Кустова;
- «Мангуп-Кале» — т. Одинцов;
- «Кустопроизводства» — т. Кушуль.

Кроме экскурсионной деятельности, активисты Общества принимают участие в устройстве в городе вечеров восточного пения, музыки и танцев. Большой популярностью пользуются их лекции и доклады для населения города и района, устраиваемые в городских и сельских клубах, школах, избах-читальнях, учительских конференциях. Спектр тем весьма широк: «Происхождение Крымского полуострова», «Об истории Бахчисарае», «История Древнеегипетского искусства», «Введение в историю монголо-татар» и др. По инициативе Общества в День урожая во Дворце-музее устраиваются сельскохозяйственные выставки и уголок кустарной промышленности Бахчисарае, начаты работы по созданию городской метеостанции.

С лекциями для горожан выступают также приглашенные краеведы — из Москвы, Дмитрова, Ялты, Ленинграда. Среди них, к примеру, ленинградский академик-арабист И. Ю. Крачковский, знакомивший бахчисарайцев с задачами арабистики в Крыму.

Работа музея не лишена неожиданностей и неприятностей, в том числе криминальных. В ночь на 28 октября 1924 г. музей посетили ... грабители, укравшие вышивки и ковры. Начальником милиции составляется акт, подробные телеграммы отправляются в Крымрозиск: Севастополь, Ялту, Джанкой, Феодосию и вечером в 21 час 45 минут приходит ответная телеграмма из Симферополя с лаконичным текстом: «Воры пойманы. Вещи найдены». В связи с таким чрезвычайным происшествием У. Боданинский подает докладную записку в Управление Уполномоченного Музейного отдела Главнауки с предложением об усилении средств охраны — вооружения, электросигнализации и пр.

В те годы — первые годы мирной, послевоенной жизни, уставшее от бедствий и разрухи, охочее до празднеств население Бахчисарая облюбовывает территорию дворцового комплекса для проведения весьма частых концертов, народных гуляний и иных разного рода развлечений. Районный совет профсоюзов устраивает для этого в саду дворца открытую сцену. Все это создавало для музея и его сотрудников немало проблем. О проведении 8 марта 1925 года во дворце торжественного собрания женщин-работниц с грандиозной программой и цирковым представлением Боданинский пишет много и с неудовольствием: «... *Масса безбилетной публики (мальчишек) перелезли через стены вокруг дворца, который от этого понес большой ущерб ... в последнее время молодежь затеяла здесь футбол и гимнастику ... С тех пор, как дворцовый сад перешел в ведение Комунхоза, он пришел в сильный упадок ...*»⁶

Но значительный ущерб может принести не только человек, но и стихия — довольно сильное землетрясение 1927 г. 26 июня в 1 час 41 мин. в Бахчисарае фиксируются подземные толчки силой 5-6 баллов, в результате которых существенно повредились жилые помещения дворца. В ночь с 11 на 12 сентября с новой силой «трясет» Южнобережный Крым и Бахчисарайский район. Как свидетельствует стенограмма заседания Постоянной Строительной комиссии КрымПланБюро, всего музей понес убытков от стихии на сумму 16 663 рубля.

Документы Крымохриса четко указывают на то, что в конце 1920-х гг. довольно остро стоял вопрос охраны и ремонта музея в Бахчисарае. Но администрация и сотрудники были просто не в состоянии осуществлять сохранность объектов истории и архитектуры, что объяснялось немногочисленными, но весьма проблематичными причинами — недостатком средств и отсутствием централизованного руководства.

Действительно, в 1920-х гг. памятники Бахчисарая и района находились в ведении разных ведомств и учреждений, в основном — в ведении Главнауки РСФСР и Наркомата просвещения Крыма. Именно этот фактор — «слабое централизованное руководство»⁷ Наркомпрос Крыма называет основной причиной «неудовлетворительной научно-исследовательской и массовой работы музея»⁸ в письме, адресованном Институту истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.

В этом же письме просто криком отчаяния звучит фраза о том, что музею крайне необходима помощь квалифицированных специалистов: архитекторов, этнографов, археологов. Проблема специалистов — «музейщиков» действительно является насущной в те годы, и не только для Бахчисарая: так, из всех музейных работников Крыма только 4 (!) имели специальную музейную подготовку, из 10 директоров высшее образование имели лишь 7 человек, из 26 научных сотрудников — 20, из 16 экскурсоводов — 7.

Но, безусловно, главным бичом, препятствующим нормальному производству, являлось крайне слабое финансирование Бахчисарайского музея на протяжении 1920-30-х годов.

Каким могло быть состояние памятников, если к примеру, с октября 1925 г. музею из Госбюджета на содержание их отпускается 155 рублей, тогда как смета расходов только на первоочередные ремонтные работы в 1926 г. составляет 9 000 рублей, а в 1937 г. — уже 188 000 рублей. Между тем, наблюдается острая нужда в ремонте ханского дворца с комплексом других сооружений. Так, к январю 1924 г. оказывается практически разрушенным флигель Музея им. Гаспринского, открытого в марте 1921 г. в качестве народной читальни, которая была совершенно не посещаемая после голода 1923 г., когда население Салачика вымерло поголовно. Из-за невозможности проведения ремонта решено было разобрать верхнюю часть. В последствии имущество дома, в т. ч. и музейные экспонаты, неоднократно разворовывалось, поскольку дом сдавался в аренду медицинскому техникуму и школе-интернату, отказавшимся не только платить арендную плату, но и охранять его. В феврале 1924 г. после снежного сильнейшего заноса, под тяжестью тающего снега рухнула Ешиль-Джами, и сотрудникам музея вместе с учащимися Художественно-промышленной школы пришлось «отстаивать детали от разграбления местными жителями на дрова».⁹

В июле 1931 г. в результате ураганного ливня и последовавшего за ним катастрофического наводнения была практически затоплена территория Бахчисарайского дворца. Пострадали дворики, кладбище, мавзолеи, садики: Посольский, Гаремный. Дворец-музей оказался в катастрофическом положении — к югу от дворца (в приходе Сауспан — О.А.) оказались размыты и разрушены плотины, которые должны были ограждать путь протоков на территорию дворца.

Очевидно, что дворец оказался в катастрофическом положении, и отдельным вопросом повестки дня заседания правительства Крыма выносится вопрос «... о мерах по предупреждению гибели Дворца-музея».¹⁰ Общая сумма для проведения первоочередных работ составила 25 тыс. рублей, но была перечислена ЦенКомбанком г. Москвы лишь в 1935 г.

Остро поднимается вопрос о ремонте дворца и в 1937 г., после проведения его исследования и экспертизы архитектором, действительным членом академии Истории Материальной культуры Удаленковым. Заключение академика сводилось к «...острой необходимости ... на ремонта зданий и реставрации в целях предупреждения от окончательного разрушения...»¹¹ Правительство республики в очередной раз обращается в Москву с ходатайством об отпуске средств — 300 тыс. руб на ремонт дворцового комплекса, но получает отказ, поскольку деньги отпущены на строительство Татарского театра в Симферополе.

Таким образом, даже, несмотря на то, что Бахчисарайский музей, как и Херсонесский, состоял на республиканском бюджете, тогда как все музеи Крыма — на местных, вопрос нехватки средств для его сохранения очень остро стоял не один год. По словам У. Боданинского, из-за недостаточности средств работы по охране и восстановлению памятников выполнялись всего на 30 процентов.

И все-таки, из всего сказанного надо признать очевидным: несмотря на всякого рода сложности и проблемы, встававшие перед руководством и сотрудниками Бахчисарайского музея в 1920—30-е гг., в то время он, действительно, был настоящим сосредоточением, центром культурной жизни как Бахчисарая, так, пожалуй, и Крыма. Не будет преувеличением и утверждение о том, что именно эти годы были и остаются ярчайшей страницей в замечательной летописи Бахчисарайского заповедника, празднующего сегодня свое 90-летие.

ЛИТЕРАТУРА:¹ *Здесь-старый стиль*; ² БГИКЗ, КП 9522/Д381, стр. 5; ³ ГА АРК, ФР-20, оп. 7, д. 5, л.101; ⁴ ГА АРК, Р-652, оп. 1, д. 839, л.4; ⁵ БГИКЗ, КП 9522/Д381, стр. 138; ⁶ БГИКЗ, КП 9522/Д381, стр. 183; ⁷ ГА АРК, ФР-20, оп. 7, д. 5, л.119; ⁸ Там же; ⁹ БГИКЗ, КП 9569/Д386, стр. 15; ¹⁰ ГА АРК, Р-652, оп. 4, д. 71, л. 1; ¹¹ ГА АРК, Р-652, оп. 10, д. 152, л. 6.

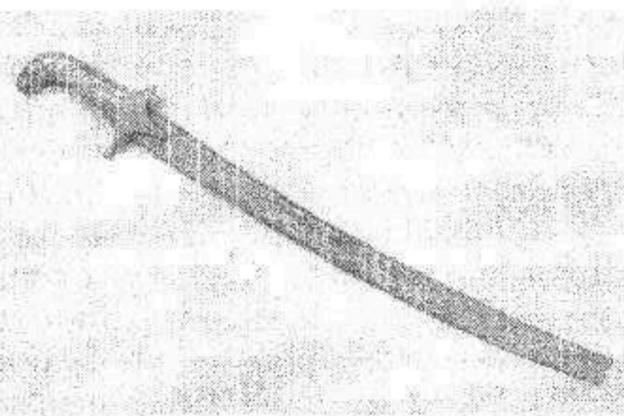
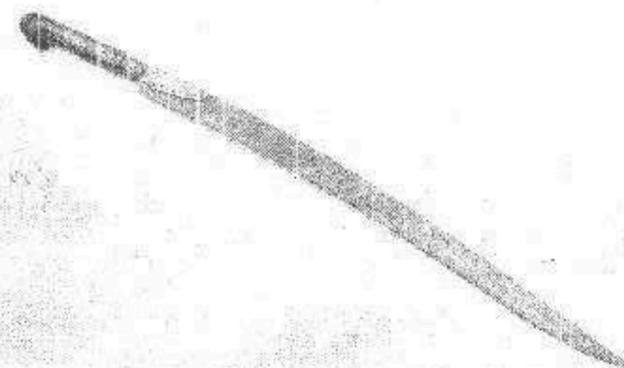
БАДАЕВ Д. В., старший научный сотрудник Харьковского исторического музея

САБЛЯ С ОСТРОВА ЧЕРТОМЛЫК ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ХАРЬКОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В коллекции холодного оружия Харьковского исторического музея целый ряд предметов тесно связан с историей Таврии. Следует упомянуть, в частности, о двух ятаганах «крымского типа» ОС-181

и ОС-187. Само определение «крымский тип», впрочем, существует «неофициально». С ним соотносятся ятаганы со слабовыраженными ушами эфеса. Тот же признак, по свидетельству Э.Г. Аствацатурян, характерен для ятаганов восточноанатолийского типа (преимущественно из района Трабзона). Однако эфесы последних металлические и «несколько напоминают рукояти кавказских шашек» (1, С. 140). Эфесы же ятаганов ОС-181 и ОС-187 костяные и с кавказской традицией не связаны. Длина обоих ятаганов — 61 см.: это

верхняя граница длины основной массы ятаганов ГИМ, принадлежащих к восточноанатолийскому типу. Оба клинка снабжены датирующими надписями, относящими их к 1189 и 1209 годам Хиджры: соответственно 1775 г. и 1790 г. Ятаган ОС-187 сохранил также

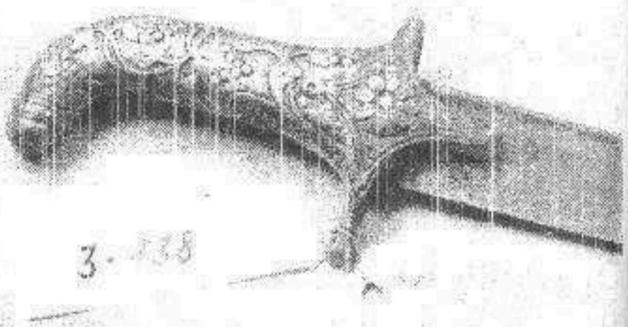
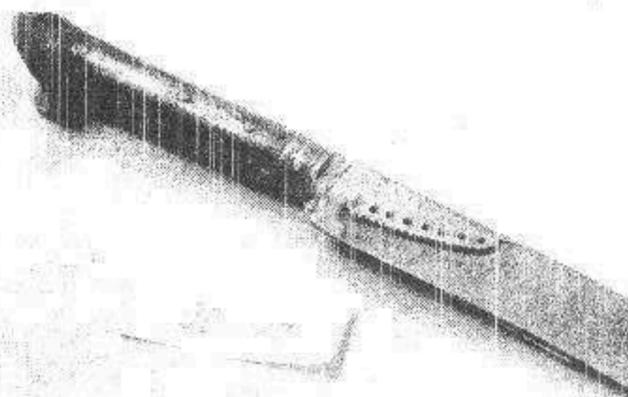
имя владельца: «Хозяин и владыка Хусейн А(С)ЛХР». Перевод надписей на клинках с арабского языка осуществлен преподавателем кафедры восточных языков ХГУ им. Г.С. Сковороды Т.Р. Гнатышиным.

Однако не меньший интерес представляет обломок сабли с острова Чертомлык: ее происхождение связано с Запорожской Сечью, центр которой в 1652—1709 гг. располагался на этом днепровском острове.

В коллекцию Харьковского исторического музея обломок сабли был передан Днепропетровским историческим музеем в январе 1951 г. согласно приказу Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров СССР № 14 от 16.01.1951 г. и акту № 3-а от 30.01.1951 г. Учетный номер предмета 3-138, номер по книге поступлений 12872. Старый шифр — ОС-171, вступительный номер 2600, инвентарный — 7949. Размеры обломка — $57 \times 7,5 \times 2,7$ см.: эфес $13 \times 7,5 \times 2,7$ см., клинок $46 \times 3,3 \times 0,5$ см.

Описание: клинок однолезвийный, выгнутый, двухдольный, обломанный. Вершина изгиба — 1,8 см. (обух) и 4,6 см. (лезвие) в 23 см. от эфеса. Пята отсутствует. Лезвие на выгнутой стороне клинка, двусторонней заточки. Ширина заточки и осевого дола — 1,1 см., прибушного дола — 0,6 см. Толщина обушной плиты — 0,2 см. Долы симметричны с обеих сторон клинка. Верхняя часть клинка украшена гравированным растительным орнаментом. Клинок смонтирован с эфесом ближе к его правой (внутренней) стороне. Между хвостовиком и эфесом — деревянные прокладки. Конец хвостовика расклепан на навершии рукояти бляхой $0,7 \times 0,5$ см.

Эфес $13 \times 7,5 \times 2,7$ см. литой с остаточным швом на стыке

литой формы. Гарда крестообразная $5,3 \times 7,5 \times 2,7$ см. Усы (нижние) — $2,5 \times 3$ см.; ветки гарды прямые $2,5 \times 1,7$ см. (от клинка). Навершие ветки $1 \times 1 \times 0,8$ см. трапециевидное сверху и грушевидное сбоку. Внизу гарда плоская, вверху плавно переходит в рукоять. С левой (внешней) стороны на перекрестье розетка с восьмилепестковым цветком диаметром 2 см., с правой (внутренней) — розетка с растительно-геометрическим орнаментом: выпуклый квадрат $0,5 \times 0,5$ см. в кольце из спиралей. Рукоять прямая $7,5 \times 2,5 \times 2$ см., орнаментирована мелкочаеистым орнаментом, виноградной лозой и гроздьями. Навершие $2 \times 4 \times 2$ см. загнуто в сторону лезвия под прямым углом и заканчивается колпачком шириной 1 см. с орнаментальными полосами.

Сохранность: клинок и одна из веток гарды обломаны. Излом клинка неровный, 2,8 см. длиной. Ветка гарды сломана в 2 см. от обуха, длина излома 1 см. Клинок корродирован и загрязнен, гравировка нечеткая, с левой стороны почти утрачена. Эфес патинирован. Клинок жестко не закреплен.

Вышеприведенные данные позволяют сделать определенные выводы о происхождении и бытовании этого оружия.

В казацком комплексе вооружения сабле отводилась роль оружия самообороны: индивидуального боя, рукопашной схватки. Представляется вероятным, что в украинской казацкой традиции термин «сабля» обозначал также и полусаблю с коротким, до 80 см., клинком — традиционное оружие стрелковой пехоты позднего средневековья и Нового времени, удобное в ношении и использовании для пешего бойца. А именно в этом качестве выступала значительная, если не большая часть Войска Запорожского (2, С. 115). Подобными образцами представлены, в частности, казацкие сабли 17 в. в коллекции Винницкого краеведческого музея — с довольно короткими, 75-78 см. клинками про общей длине 85-88 см. (3, С. 88). Такое оружие часто изготовлялось из сломанных у основания «полномерных» клинков; в Западной Европе оно получило название «кортик».

Судя по специфике (асимметрии) монтажа, радикальному изгибу клинка уже в верхней его части и, главное, по отсутствию пяты, мы можем предположить, что и данное оружие принадлежало к саблям-«кортикам» или «полусаблям», то есть боевому, «черному» оружию запорожцев местного производства — а точнее, было переделкой обломанного клинка, вероятнее всего, после излома на стыке черена и пяты,

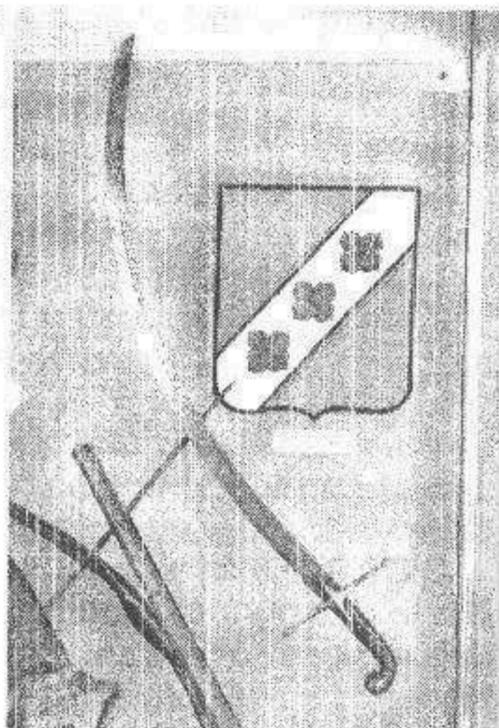
из которой был выведен новый черен.

Сам клинок был, вероятнее всего, изготовлен в Западной или Центральной Европе: Германии, Италии, Венгрии или Польше — основных центрах оружейного производства 17-18 веков, снабжавших клинками оружейников стран Востока, которые ограничивались зачастую монтажом и украшением оружия. Не исключено, что сабля, чей клинок был использован в данном случае, была сломана в бою с запорожцами и досталась им в качестве трофея, но, возможно, и была ими приобретена как готовое изделие, впоследствии пострадавшее в бою.

Еще более ярко свидетельствует о местном происхождении сабли с острова Чертомлык ее эфес. Его форма воспроизводит эфес шемшира (шамшира, шамшера) (4, С 127) — сабли иранского типа с длинным, сильно изогнутым клинком и узким, часто граненым острием, которая предназначалась сугубо для кавалерийской схватки. У казаков преобладали более короткие и прямые, универсальные по тактическому назначению сабли турецких и польских типов (5, С. 225-232). Они же преобладают ныне и в музейных коллекциях среди оружия, восходящего к казацкой эпохе. Шемшир, излюбленное оружие восточной феодальной конницы с клинком дорогого персидского булата «шам», для казаков был оружием редким, элитным, «старшинским», что само по себе могло побудить литейщика — автора эфеса к подражанию, не говоря уже об изяществе и простоте формы рукояти шемшира.

В то же время если эфес шемшира был наборным — навершие-колпачок и гарда металлические, накладки рукояти костяные, — то эфес сабли с Чертомлыка выполнен в европейской технике литья. А характерный для барочной эпохи «виноградный» орнамент свидетельствует о приверженности мастера-литейщика традициям «украинского барокко» 2 половины 17 — начала 18 в.

К этой эпохе относится и существование Чертомлыцкой

Сечи (1652-1709), которая, как известно, была уничтожена российскими войсками в преддверии Полтавской битвы (6, С. 545). Можно предположить, что излом и утрата сабли владельцем могли быть связаны именно с этими драматическими событиями. Таким образом, перед нами своеобразный памятник украинского, а возможно, и собственно запорожского оружейного производства, ярко выражающий его характерные черты и уникальным образом соединяющий традиции оружейного дела Запада и Востока, что, вероятно, можно отметить как общую черту истории и культуры южноукраинского региона. Кроме того, сабля с острова Чертомлык непосредственно связана с историей запорожского казачества, практикой военного дела, видными событиями истории Нижнего Приднепровья и Украины в целом. Сочетание этих обстоятельств превращает ее в один из интереснейших предметов коллекции холодного оружия Харьковского исторического музея.

Следует заметить, что еще три ее сабли с большой долей вероятности могут быть причислены к оружию украинского казачества 17-18 вв.. Среди них — сабля ОС-116, принадлежащая к типу «шемшир», а также сабли ОС-235 и ОС-204, принадлежащие к типу, известному на Западе как «мамлюкский», а в Турции — «аджеми-кылыч» или «турецкий шемшир» (1, С. 103). Они представляют собой великолепные образцы вооружения легкой конницы 18 века: с навершием в виде запятой, широкой крестовидной гардой, легким, сильно и равномерно изогнутым клинком с ножевидным острием, ножнами с высоким прорезным металлическим устьем и двумя кольцами подвески с вогнутой стороны. Первая из них, переданная ХИМ из коллекции Закарпатского краеведческого музея, приписывается «старшине Полтавского полка».

Вторая сабля оказалась весьма сходной с образцами ГИМ 3011 ОР и ГИМ 3021 ОР из коллекции московского Государственного исторического музея. От прочих образцов этого типа их от-

личает несколько более короткий и широкий клинок, сходные элементы декора, а главное — клеймо на пяте клинка в виде трех языков пламени, заключенных в круг. Хранитель коллекции восточного оружия ГИМ Эмма Григорьевна Аствацатурян высказала предположение о «местном», возможно, крымском происхождении этих сабель. Автор выражает надежду, что сотрудничество музейных работников, исследователей традиционной материальной культуры и оружейного дела региона поможет в раскрытии и этой тайны его истории.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. — СПб: Аргус, 2002 — 332 с; 2. Бадаев Д.В. Ручна зброя козацької доби (17-18 ст.) на Слобожанщині (по матеріалах музейних колекцій регіону) // Київська старовина, 2004 — № 2 — С. 115-118; 3. Бадаев Д.В. Списи козацької доби з колекції Вінницького обласного краєзнавчого музею \ Музейний вісник Вінничини — В. 1 — Вінниця, 2005 — С.88-92; 4. Трубников В.Г. Большой словарь оружия — М, СПб: Полигон АСТ, 1997 — 672 с; 5. Свешніков І.К. Битва під Берестечком. — Львів: Слово, 1992 — 304 ст; 6. Українське козацтво: Мала енциклопедія — К: Генеза, 2002 — 568 с.

**БАККАЛ И. Н., младший научный сотрудник
Музея истории и культуры крымских
татар Бахчисарайского государственного
историко-культурного заповедника**

ВКЛАД СЕМЬИ ДУБИНСКИХ В СОХРАНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ БАХЧИСАРАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА

Крымские караимы (караи) всегда большое внимание уделяли «священной колыбели» Кале, или Джуфт-Кале сейчас этот город-крепость известен больше, под искаженным названием Чуфут-Кале.

Вопрос сохранности древних караимских святынь неоднократно поднимался в карайских общинах. Например, на национальном съезде, проходившем в ноябре 1910 г. в Ксанатории под председательством гахана С.Пампулова было указано «на необходимость поддерживать исторический памятник караимского народа и на целесообразность устройства здесь музея, куда могли бы быть собраны исторические памятники и документы. Рассеянные среди отдельных лиц и учреждений, а равно, если возможно поселение нескольких караимских семей...». Съездом было постановлено выделять по 300 руб. в год на поддержание крепости, образовывать фонд для пожертвований на устройство музея и подворья для приезжих.

Результатом работы съезда явилось приглашение на должность смотрителя Джуфт Кале А.Дубинского.

В 1911 г. Абрам (Ибрагим) Дубинский с семьей переезжает в крепость. Семья была многочисленная. Кроме работ по поддержанию крепости А.Дубинский занимался и ведением хозяйства (садоводством, огородничеством, выпасом скота и т.д.)

В начале прошлого века возрос интерес к памятникам

истории и культуры. На Кале стали часто приезжать не только караи, но и организованные экскурсии. А.Дубинский в таком случае был и экскурсоводом, и проводником, и радушным хозяином. Только в 1911 году за лето в крепости побывало 60 групп туристов (в т.ч. и мужская казенная гимназия Феодосии) общей численностью 5-6 тыс. чел.¹ По отзывам посетителей, встречали их радушно, угощали простой здоровой пищей (хлеб, молоко и т.д.). Писали, что кладбище и город содержатся чисто и опрятно. Отзывы были самые хорошие.

На национальном съезде 1917 г. вопрос о поддержании «священной колыбели Кале» был поднят вновь. Строительство здания музея, ремонт дорог и крепостных сооружений, проведение работ по водоснабжению требовал средств. Было принято решение о создании фонда по поддержке Джуфт Кале с необходимой суммой 40 тыс.руб. Народ откликнулся активно. К 1919 г. на счету фонда было уже около 500 тыс.руб. золотом Несмотря на смутное время в Кале продолжали приезжать паломники. Например, в 1918 году в Кале побывал светский и духовный глава крымских караимов Хаджи Серая Хан Шапшал. Вместе с казначеем кенаса Е. Майтопом и другими членами общины он обсуждал вопрос о поправке стен кладбища Балта Тиймэз (в переводе — Топор не тронет) и ворот и др. Но беспокойное время, войны, смена правительств и государств помешала осуществлению этих планов. В советские времена фонд «Кале» был национализирован.

Несмотря на все трудности, семья Дубинских продолжала жить в крепости Кале и сохраняла имущество города. В феврале 1919 г. Дубинский был назначен газзаном Соборной кенаса Кале². Восемь детей уже выросли (первый, Федор, родился в 1888 г., последний, Семен в 1906 г.) и стали помощниками отца. Кроме них в Кале каждую субботу и воскресенье приезжали караи, чаще всего, из Бахчисарая, Симферополя и Севастополя.³ Несколько лет в городе до 1921 г. жил Б.Кокенай — известный караимский деятель.

В 1921 г. пещерные города, и в их числе Чуфут-Кале были объявлены собственностью республики и переданы в полное распоряжение Крымохриса.

¹ Хроника текущей жизни.// Караимская жизнь. — Кн.3-4. — М. 1911. — С.115.

² Приказ.// Известия Караимского Духовного Правления. — Евпатория, февраль 1919. — № 1. — С.1.

³ Архив Полканова Ю.А. Воспоминания Дубинского М.Я.

А.Дубинский с семьей продолжает жить в Кале. Двое из его детей — Эстер и Яков связывают свою жизнь с Чуфут-Кале и с историей Крыма и своего народа.

Эстер родилась 31 января 1904 г. в Симферополе. С 1924 по 1941 г. работала экскурсоводом по Кале. Во время Великой отечественной войны жила в Кале, затем в Бахчисарае. После войны участвовала в восстановлении музейной экспозиции, возглавляла музей пещерных городов. В 1952 г. Эстер Абрамовна уволилась с любимой работы, а в 1955 г. Музей пещерных городов объединили с Бахчисарайским дворцом-музеем. Затем она работала бухгалтером стройконторы до 1964 г. Умерла и похоронена в Бахчисарае в 1985 г. Людям она запомнилась как красивая, добрая, интеллигентная женщина. Теплые воспоминания о ней сохранили родные, близкие и друзья.

Яков Дубинский родился 20 января 1895 г. в Феодосии. Окончил четырехклассное городское училище. С 1936 г. работал в Севастопольском музейном объединении. Он принимал активное участие в раскопках на плато Эски-Кермена и Мангуна (1937, 1938). В годы войны находился в Кале и Бахчисарае. После победы участвовал в восстановлении экспозиции музея, активно занимался археологической деятельностью. Яков Абрамович был участником Бахчисарайского отряда Тавро-Скифской экспедиции Института истории материальной культуры (1946), принимал участие в раскопках открытого им раннесредневекового могильника около Чуфут-Кале (1948—1950); был одним из организаторов Инкерманской экспедиции Крымского филиала АН СССР и Музея пещерных городов, а в 1951 г. — Гурзувитской экспедиции ИИМК. Я.Дубинский открыл Бельбекский и Тибертинский могильники, могильники около Баштановки и Чуфут-Кале.

Журнал «Советская археология» (1959 № 3) так писал о Я.Дубинском: «Работая в экспедициях, Яков Абрамович личным примером самоотверженной работы и исключительного трудолюбия создавал среди сотрудников и рабочих экспедиции атмосферу трудового подъема, живого интереса к делу и бережного отношения к открываемым памятникам».

Яков Абрамович был большим знатоком родного края и его археологических памятников, талантливым краеведом, в которому постоянно обращались за помощью археологи. Все, кому приходилось работать с Я.А.Дубинским, сохраняет о нем светлую память — память о прекрасном и скром-

ном человеке, чутком товарище и неутомимом труженике». Умер Я. Дубинский в 1959 г.

Брат и сестра Дубинские, горячо болея за свое дело, были друг другу помощниками и часто проводили совместные мероприятия. Яковом Абрамовичем и Эстер Абрамовной были «отчуждены все территории теперешних пещерных городов (в количестве 11), т.е. фактически создан комплекс памятников». Они добивались «от местных властей порядка охраны заповедных территорий, строго соблюдая границы территорий, устанавливая межи, охранные доски».⁴

Семьей Дубинских было сохранено имущество дома для приема паломников и гостей, разобранного в 1932 г.⁵, несмотря на тяжелое и беспокойное время.

Особенно интересна страничка истории, связанная с сохранностью экспонатов Бахчисарайского музея в период немецко-фашистской оккупации. Среди караев история о хранении ценностей из фондов музея в пещерах на Кале была легендарной. По рассказам, во время войны Я. Дубинский был хранителем экспонатов. Все, что было дано ему на хранение, было возвращено обратно полностью. Это же утверждает свидетель событий тех дней — М. Дубинский, сын хранителя.

В публикациях последнего времени часто указывается другая информация. Например: «За 2 дня до прихода фашистов в Бахчисарай, ночью, упакованные в ящики наиболее ценные экспонаты, были перевезены в пещеры Чуфут-Кале и надежно спрятаны. О месте хранения знали только несколько человек. В апреле 1944 г., перед приходом крымских партизан в Бахчисарай, место хранения фондов было открыто оккупантам. Ящики с экспонатами были перевезены в музей, вскрыты и разграблены. Предметы нумизматики, оружие, краснолаковая керамика, ковры были вывезены в Германию»⁶.

На научно-практической конференции 2005 г. «Питання повернення втрачених культурних цінностей пам'яток кримськотатарської історії та культури» звучала подобная

⁴ Полканова Т. Основатель музея пещерных городов. Памяти Я.А. Дубинского. // Крымские караимы. Происхождение, этнокультура, история. — Симферополь: Доля, 2005. — С.85.

⁵ Кушуль С. Крымские караимы и историческая связь их с Чуфут-Кале // Мозаика культуры крымских караимов. — Симферополь, 2006. — С.23.

⁶ Золотова Г.И. История. // Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник. — Симферополь: ИПП «Таврия», 200 — С.5.

информация. В справочном материале к этой конференции опубликован перечень предметов, украденных во время нацистской оккупации 1941—1944 гг.⁷, содержащий 283 наименования. Среди прочих подписавших этот перечень и.о. директора Бахчисарайского дворца-музея М. Кустова и и.о. директора Музея пещерных городов Э. Дубинская. Акт зарегистрирован 18.06.1944 г.

Г.И. Золотова — автор вышепротитированной статьи, бывший главный хранитель фондов, указала, что информацию о разграблении экспонатов ей сообщила М. Кустова.

В материалах, хранящихся в БГИКЗ есть акты от 16.06.1944 г. на 283 предмета⁸ и от 29.04.1944 г. на 281 предмет⁹. В актах указывается о разграблении дворца-музея немцами в ночь с 11 на 12 апреля 1944 г. В объяснительной записке к акту по приему инвентарных книг 1945 г. Бахчисарайского дворца-музея 31.05.1946 г. М. Кустова пишет¹⁰: «во время бегства из Бахчисарая, отряд СС ворвался в помещение фондов и расхитил часть экспонатов. После ухода немцев, в апреле месяце 1944 г. была организована проверка, которая установила, что немецкие мародеры расхитили 281 экспонат».

В результате общей проверки дворца-музея в 1946 г. «оказалось, что совершенно пропало часть экспонатов... нет никаких документов на их выдачу или актов о хищении. Всего 495 экземпляров».¹¹ К пропаже этих экспонатов Дубинский не имел никакого отношения по ряду причин. Инвентаризация была сделана уже в 1946 г., т.е. через 2 года после военных событий. Кроме того, в списке указываются многие предметы, вряд ли представляющие ценность для грабителей, например, черепица, часть обшлага рукава, ствол от пистолета и т.д. М. Кустова, принимавшая дела музея, считала, что предметы пропали из-за недолжного контроля за ними «все два с половиной года оккупации».

⁷ Питання повернення втрачених культурних цінностей пам'яток кримськотатарської історії та культури. — Симферополь-Бахчисарай, 2005. — С.5.

⁸ Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг. Акт от 16.06.1944 г. — л. 30-35.

⁹ Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг. Акт от 29.04.1944 г. — л. 43-48.

¹⁰ Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг. Объяснительная записка к акту по приему инвентарных книг 1945 г. Бахчисарайского дворца-музея от 31.05.1946 г. — л. 77.

¹¹ Там же.

да и хранились они не в фондах, а в хозяйственных помещениях дворца.

Семья Дубинских всегда пользовалась большим уважением среди соплеменников и окружающих людей. Дубинские отличались безукоризненной репутацией, «высокой нравственностью, трудолюбием и преданностью национальным традициям».¹²

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, в объяснительной указывается, что расхитили экспонаты из помещения дворца-музея. Во-вторых, во всех актах есть подпись Э.Дубинской, что вряд ли было бы возможным, пропади ценности у ее брата, или при малейшем подозрении его в раскрытии места сохранения экспонатов. В-третьих, Я.Дубинский и Э.Дубинская продолжали активно работать во дворце после войны и не подверглись никаким преследованиям. Некоторые сотрудники, например, хранитель ценностей дворца-музея А.Таков был выселен из Крыма как спецпереселенец¹³. Т.о. мы можем смело утверждать, что место хранения музейных ценностей, находившихся на хранении у Я.Дубинского, не было раскрыто оккупантам, а экспонаты были возвращены.

Кроме части экспонатов, спрятанных в крепости во время войны, Я.Дубинскому удалось сохранить убранство кенаса Кале. На фотографиях немецкого журнала «Сигнал», изданного в Париже в 1942 г. запечатлены Я.Дубинский и отряд немецких военных в Кале и в кенаса. Сохраненные тогда люстры, подсвечники и другие предметы сейчас украшают выставку «Религия крымских караимов» в Малой кенаса и экспозицию музея.

Неутомимый труженик и борец за сохранение культурного наследия Крыма, Яков Абрамович занимал активную жизненную позицию, горячо болея за родной город – Кале и за любимое дело. По поводу сохранности пещерных городов он многократно обращался во все инстанции. В письме в Академию наук СССР 1958 года, он пишет: «Я прожил в Чуфут-Кале сорок лет, охраняя памятники во время гражданской войны, во время гитлеровской оккупации, в самые тяжелые времена. Ни один камень тогда не был тронут.

¹² Полканова Т. Основатель музея пещерных городов. Памяти Я.А.Дубинского. // Крымские караимы. Происхождение, этнокультура, история. – Симферополь: Доля, 2005. – С.83.

¹³ Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг. Объяснительная записка к акту по приему инвентарных книг 1945 г. Бахчисарайского дворца-музея от 31.05.1946 г. – Л.77.

Обидно видеть, когда теперь в мирное время разрушаются ценные для истории памятники.

Отдавши большую часть своей жизни любимому делу – охране памятников — я не могу быть равнодушным свидетелем беспорядков, имеющих место на территории историко-археологических памятников».

Во многом благодаря усилиям Я.Дубинского и членов его семьи, удалось сохранить самый посещаемый в Крыму пещерный город — крепость. Кроме Дубинских, сотрудниками Бахчисарайского музея были в разное время: С.М. Шапшал, А.М. Тэлал, Е.Фуки, М.Я. Чорреф.

Караи – жители Бахчисарая сотрудничали с научными работниками, оказывая помощь при разборе книжного архива караимской кенаса Кале в 1920г., передавали караимские материалы в музей. Жаль, что имена тружеников-энтузиастов редко упоминаются, или забыты вовсе. Крымские караимы помнят о их заслугах перед народом. А вот в сборниках о работе дворца их имен не встретишь.

ИСТОЧНИКИ: 1. Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг. Акт от 16.06.1944 г. – Л.20-35; 2. Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг. Акт от 29.04.1944 г. – Л.43-48; 3. Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг. Объяснительная записка к акту по приему инвентарных книг 1945 г. Бахчисарайского дворца-музея от 31.05.1946 г. – Л.77; 4. Архив Полканова Ю.А. Воспоминания Дубинского М.Я.; 5. Питання повернення втрачених культурних цінностей нам"яток кримськотатарської історії та культури. – Симферополь Бахчисарай, 2005; 6. Приказ.// Известия Караимского Духовного Правления. – Евпатория, февраль 1919. – № 1. – С.1.; 7. Signal № 1 1942г.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Золотова Г.И. История.// Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник. – Симферополь: ИПП «Таврия», 200 – С.5; 2. Кушуль С. Крымские караимы и историческая связь их с Чуфут-Кале// Молочка культуры крымских караимов. – Симферополь, 2006. – С.23; 3. Полканова А. Скромные труженики – хранители прошлого.// Кзырымкзайлар. – Симферополь, 2007. – № 8(81). – С.6; 4. Полканова Т. Основатель музея пещерных городов. Памяти Я.А.Дубинского.// Крымские караимы. Происхождение, этнокультура, история. – Симферополь: Доля, 2005. – С.83; 5.Хроника текущей жизни.// Караимская жизнь. – Кн.3-4. – М, 1911. – С.115.

БОРИСОВ В. Н., главный архитектор
Бахчисарайского государственного
историко-культурного заповедника,
заслуженный архитектор АР Крым.

САН — ДРЕВНЕЕ НАЗВАНИЕ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ КИЕВСКОЙ РУСИ

Главным элементом государственного герба Украины является трезубец. Термин «трезубец» впервые ввел в начале XIX в. российский историк Н.М. Карамзин (1767-1826гг.), автор фундаментального труда «История государства Российского», назвав его знаком Рюриковичей.

Появление этого знака на территории древней Руси уходит в глубокое средневековье и прослеживается с X века. Археологические находки и исторические документы засвидетельствовали трезубец на монетах и печатах, перстнях и бляхах, посуде, инструментах, оружии, товарных пломбах, гривнах — слитках, кирпичках (например, на кирпичках Киевской Десятинной церкви (986—996гг.), на плитах Успенского собора во Владимире-Волынском (1160г.), в гербе французской королевы Анны Ярославовны-дочери Ярослава Мудрого (XI в.), а также в качестве отдельных подвесок, найденных в Киеве, Новгороде (Рюриково городище) и Белгороде.

Практически все исследователи этого знака относят трезубец и его предшественника двузубца, датируемых X—XII вв., к княжеским знакам (рис.1). Одни ученые считают трезубец родовым знаком Рюриковичей, другие — символом государственной (княжеской) власти. Древнее название этого знака неизвестно и не рассматривалось в качестве предмета отдельного исследования.

Автором данной публикации на основании нового прочтения фрагмента известной летописи «Повесть временных лет» (XII в.) устанавливается древнее название этого знака.

В сведениях этой летописи, переведенной с древнерусского языка на современный известный ученым-литературоведом Д.С. Лихачевым, относящихся к 967 году отмечается:

Рис.1. Княжеские знаки Киевской Руси X—XII вв.

«...Отправилась Ольга к Новгороду и установила на Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани. Ложища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней и места ее и погосты (в оригинале текста: «знаменья и места и погосты» — авт.), а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви»(1).

Из приведенного отрывка следует, что княгиня Ольга на наделенных ею землях устанавливала княжескую власть, занималась распорядительной и хозяйственной деятельностью.

Предметом анализа является часть отрывка, содержащая сведения о саних княгини Ольги, стоявших в Пскове. Об этом, как имеющем якобы место факте, указывал российский историк Н.М. Карамзин: «Чрез 150 лет народ помнил о сем благодетельном путешествии Ольги и в Несторово время хранили еще сани (зимнюю повозку на полозьях - авт.) ее как вещь драгоценную»(2). С этим утверждением был согласен и историк С.М. Соловьев, отмечая, что «во времена летописца показывали ее (Ольги — авт.) сани как вещь драгоценную»(3). И.И. Срезневский в «Средневековом словаре древнерусского языка» однозначно определяет слово «сани» как зимнюю повозку на полозьях(4).

Однако внимательное рассмотрение указанного предложения показывает смысловое несоответствие слова «сани» как повозки в контексте всего предложения, смысл которого заключается в том, что автор летописи дает перечень административно - хозяйственной деятельности княгини Ольги. Так причем здесь сани? Зачем их нужно было оставлять в Пскове в середине своего путешествия? Ведь они были необходимы княгине для возвращения в Киев, именно зимой или ранней весной по зимнику. Так, С.М. Соловьев сообщает, что «русские князья в ноябре отправлялись с дружиною к подчиненным племенам на *полюдье* и проводили у них зиму... Обычай полюдья... был для князя *единственный* способ исполнять свои обязанности относительно народонаселения...»(5). Соответственно, князья могли возвращаться с полюдья не позднее ранней весны до начала сезона распутицы, используя единственно возможные тогда средства передвижения лошадей и сани.

Поэтому предполагается, что в приведенном отрывке летописи смысловое значение слова «сани» иное, нежели зимняя повозка. Ответ на этот вопрос находится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, где наряду с традиционным значением слова «сани», как зимней повозки на полозьях, дается иное его толкование в производном варианте: «*Санки, пск. твр. (на псковском и тверском наречиях — авт.) ... челюсти, нижние скулы; // ... дужка, вилка*»(6). Связывая в единое смысловое значение все предложение отрывка летописи, можно полагать, что его автор, описывая путешествие княгини Ольги к Новгороду имел в виду установленные ею *знаменья* (знаки) в виде дужки или вилки под названием *сан, сани* (во множественном числе) или на псковском наречии *санки*.

Дословный перевод отрывка летописи, с учетом проведенного исследования, приобретает следующую логическую форму:

«...Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Месте погосты (сельские приходы или дворы, в которых могли быть оставлены княжеские приказчики — тиуны) и дани; и ловища (установленные места ловли зверей, птиц и рыбы) ее сохранились по всей земле, знаменья (знаки) и места (посады, селения в виде городков) и погосты, и сани (знаки в виде вилки: двузубца или трезубца) ее стоят в Пскове и до сего дня, и по Днепру перевесища (места ловли птиц, где лет птицы и где ставились сети - перевесы) и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши (устроив), возвратилась к сыну своему в Киев, пребывая с ним в любви».

Славянская традиция ставить знаменья (знаки) княжеской власти в поселениях, находившихся в вассальной зависимости, прослеживается и в Крыму. В конце 80-х годов прошлого столетия историком и археологом М.Я. Чорефом в одной из пещер южного обрыва мыса Бурунчак в г. Бахчисарай, на территории средневекового поселения был найден достаточно хорошо сохранившийся трезубец киевского князя Владимира, высотой около 50-ти сантиметров. Он вырублен в скале на стене пещеры в специально подтесанной рамке (фото 1). Этим же исследователем подобные трезубцы были найдены также на скалах на территориях раннесредневековых поселений Качи-Кальен, Эски-Кермен, а также в третьей балке близ с. Глубокий Яр Бахчисарайского района. Их появление М.Я. Чореф объясняет следующим образом. Во время осады Херсона Владимир подчинил и обложил данью небольшие слабоукрепленные населенные пункты округа этого города. И, чтобы зафиксировать этот их статус, он приказал выбить свои хорошо опознаваемые знаки на скалах в особо значимых местах этих поселений(7). Как видим, трезубец мог являться знаком подчиненности населенных пунктов князю Владимиру, занявшему юго-западный Крым во время войны с Византией в 988 году.

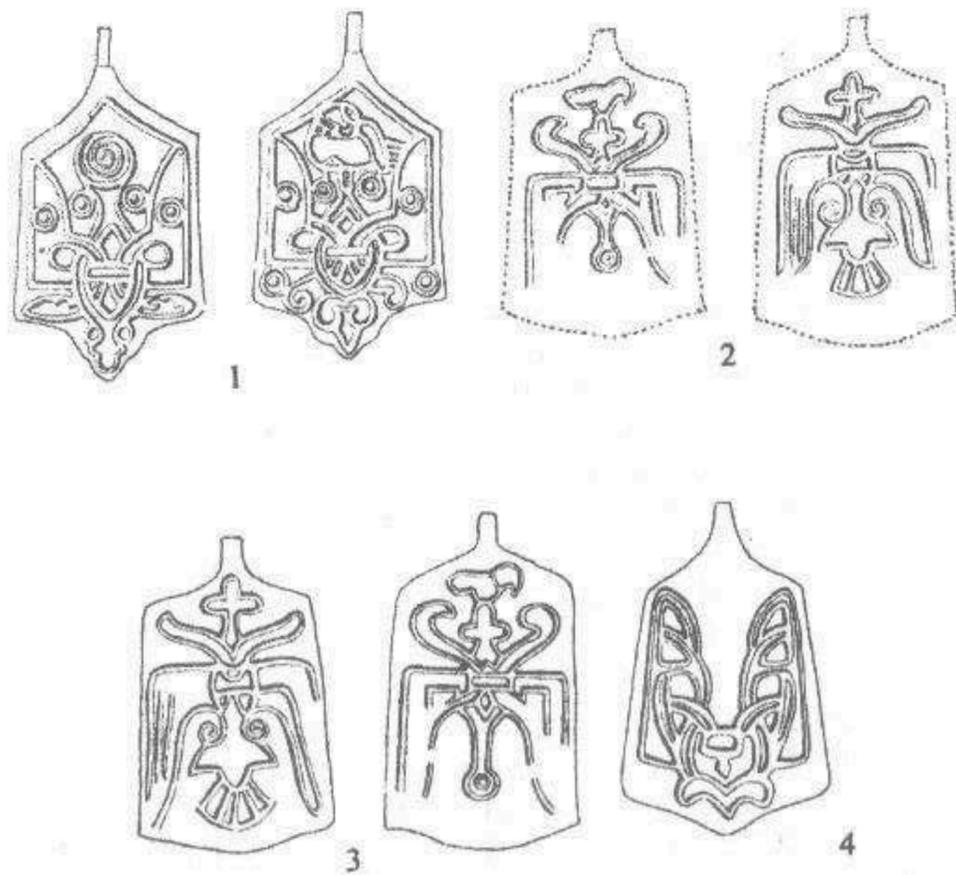
К предмету данного исследования следует отнести известную группу археологических находок, времен Киевской Руси — медных подвесок, содержащих изображения трезубцев, которые были опубликованы Б.А. Рыбаковым (8) (рис.2). Исследователь отмечал, что эти предметы «не могли быть простыми подвесками, например, в ожерелью, так как слишком

40 CM
30
20
10
0
10

Фото 1. Трезубец (сан) киевского князя Владимира, вырубленный в скале на стене пещеры в южном обрыве мыса Бурунчак в г. Бахчисарае.

массивны и тяжелы для этого. Но, несомненно, что они носились на шнуре. Об этом свидетельствуют наличие ушек и потертость всех привесок. Невольно вспоминаются татарские пайцзе, нагрудные знаки достоинства, которые носились чиновниками и доверенными лицами хана. На пайцзе писалось имя хана; на наших подвесках изображался знак кня-

Рис.2. Подвески с княжескими знаками. 1-медная нагрудная подвеска из Киева; 2-подвеска из Белгорода; 3-подвеска из Киева; 4- подвеска из Рюрикова городища близ Новгорода.

ли. И те, и другие имели приспособление для шнура и носились на груди. Подвески с княжеским знаком найдены в крупнейших городах Киевской Руси административно связанных с Киевом и киевским великим князем: в Киеве, Новгороде (Рюриково городище) и Белгороде, любимом городе Владимира Святославовича». Ученый обосновано полагал, что «киевские князья давали эти знаки, своего рода верительные грамоты, своим посадникам, тиунам, вирникам» (9). вполне возможно, что указанные подвески — знаки достоинства, на которых изображен княжеский трезубец, назывались «сан».

Логически следует вывод, что слово «сановник» произошло не только от слова — корня «сан» в известном, вероятно позднем его значении «знатная должность», но, в первую очередь, от названия подвесок - знака княжеской власти, носимых должностными лицами на груди. В дальнейшем, слово «сановник» трансформировалось в «чиновник». Оба

эти слова с одинаковым написанием сохранились в современном русском и украинском языках.

В XIX веке в России была возрождена традиция присвоения определенным должностям должностных знаков, в том числе и в виде подвесок, которые носились на груди при исполнении служебных обязанностей и в торжественных случаях.

Такие знаки, в частности, устанавливались для полицейских служителей (1863г.), статс-секретарей Его Императорского Величества (1872г.), волостных старшин, его помощников, заседателей волостных правлений и сельских старост (1890г.) и других чиновников.

В 1871 году официально введены знаки для лиц, «служащих по городскому общественному управлению»: городских голов, их товарищей (заместителей) и помощников, членов городской управы (10).

В фондах Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника хранятся два должностных знака, в виде подвесок на цепи: Бахчисарайского городского головы (БГИКЗ, Фонды, КП 1255) и члена Бахчисарайской городской управы (БГИКЗ, Фонды, КП 1254), датированных 16 июня 1870 года.

ЛИТЕРАТУРА: 1. «Изборник»: Сборник произведений древней Руси. — М., 1969. — с.47.; 2. Карамзин Н.М. История государства Российского. — М., 1988. Т. I., Гл.VII. — с.101.; 3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинение в 18-ти книгах. — М., 1988. Кн.1 . Т.1. — с.148.; 4. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. Т.3. Ч. 1 (Р-С). — с.258.; 5. Соловьев С.М. Цит. соч. — с.148-149.; 6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1991. Т.4. — с.137.; 7. Чореф М.Я. Наскельні свідчення про перебування військ Володимира Святославовича у Південно-Західному Криму (давньокіпівські тризубці у Тавриці) // Друга наукова геральдична конференція. Проблеми єдиної та камеральної археології: історія, теорія, методика. Випуск 10. — Львів, 1992. — с. 84-85.; 8. Рыбаков В. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // Советская археология, 1940. №6. — с.239.; 9. Там же. — с.239.; 10. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. — СПб.:1894. Т.XII А (кн.24). — с.614.

**Олекса ГАЙВОРОНСКИЙ, заместитель
директора Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника по научной работе**

МОТИВ «БИТВЫ ДВУХ ДРАКОНОВ» НА ВЪЕЗДНОЙ БАШНЕ БАХЧИСАРАЙСКОГО ХАНСКОГО ДВОРЦА

Фасад северной въездной башни Бахчисарайского Ханского дворца украшен весьма примечательным декоративным элементом. В центре стены над въездной аркой вмурована квадратная известняковая плита с барельефом, изображающим двух сражающихся драконов. Каждый из них имеет змеевидное тело с длинным хвостом, пару передних лап, длинные уши и рога на голове.

Рис.1.

Выгнувшись дугой и обернувшись назад, драконы переплетаются шеями и хвостами, раскрыв пасти с высунутыми языками и сцепившись левыми лапами (рис. 1).

Не находя аналогий ни в одном из известных памятников Крыма и будучи расположена в таком заметном месте, как главные врата ханской резиденции, «плита с драконами» неизменно привлекала к себе всеобщее внимание. Необычный сюжет послужил основой, на которой выросла его легендарная интерпретация, призванная разъяснить значение изображенного символа и историю его появления на дворцовых стенах. Сложившись в крымскотатарской среде, эта интерпретация легла в канон местной народной мифологии и отличилась удивительной живучестью, активно эксплуатируясь в Бахчисарае даже спустя десятилетия после

депортации коренного крымскотатарского населения города.

Речь идет о легенде об основании Бахчисарая, впервые записанной в 1938 г. со слов жителя города И. Оксюза. Согласно ей, сын крымского хана Менгли Герая однажды стал случайным свидетелем поединка двух змей на берегах речки Чурук-Су. Одна из них одержала победу, но тотчас была вынуждена продолжить схватку с внезапно напавшей на нее третьей змеей. Тем временем побежденная змея, обесиленная и израненная, отползла в реку, где бегущая вода сразу исцелила ее раны. Восстановив силы, змея покинула место поединка, предоставив двум оставшимся соперницам сражаться далее. Услышав от сына рассказ о его наблюдении, Менгли Герай воспринял это как доброе предзнаменование. Он якобы узрел в образе спасшейся змеи Крым, а в двух оставшихся — Орду и Турцию, борющихся за власть над Крымом. Хан приказал построить на месте схватки змей Бахчисарайский дворец и украсил его фасад изображением знаменательного поединка [Легенды 1996, 80-81].

(Книжная «геополитическая» персонификация змей, всякого сомнения, является произвольной вставкой публикаторов легенды. Очевидно, что оригинальное сказание делает основной акцент на целебных свойствах речной воды — то есть, местности, где должен встать новый дворец. Это подтверждается другой, нигде еще не публиковавшейся, легендой о строительстве Бахчисарайского дворца, где хан Сахиб Герай, сын Менгли Герая, выбирая место для возведения своей новой резиденции, рубит на девять частей баранью тушу и рассылает куски по разным местностям Крыма. Через девять дней обнаруживается, что свежим остался лишь тот кусок, который был положен у берега Чурук-Су. Здесь и строится Бахчисарайский дворец).

Такова мифологическая традиция, связанная с изображением драконов над дворцовыми воротами. И поскольку рассматриваемый памятник, несмотря на свою известность, никогда еще не являлся объектом научного исследования и не получал научного комментария, вышеприведенная легенда по сей день остается единственным «пояснением» сюжета, изображенного на плите.

Как уже отмечалось, в Крыму пока что не найдено других памятников, подобных дворцовой «плите с драконами». Однако если расширить область поиска аналогий за пределы полуострова, бахчисарайское изображение обнаружит

широкий круг очень близких параллелей в искусстве Ближнего Востока — и в первую очередь тех его регионов, которые в свое время оказали существенное влияние на развитие монументального искусства крымских татар.

Изображения сдвоенных ящеров на архитектурных сооружениях известны с III-IV вв. в индийском искусстве [Zwalf 1996, 253-254; Santoro, 2003], а с VII-VIII вв. — в искусстве иранских народов Центральной Азии (рис. 2) [Скульптура... 1959, табл. XXV; Santoro A. 2003]. (Следует отметить, что речь здесь идет строго о мотиве единоборства драконов, поскольку его выраженные в иных формах семантические аналоги и мифологический образ дракона как таковой уходят корнями в еще более давние периоды [Önder 1997; Santoro 2003]).

В исламскую эпоху этот древний мотив был унаследован мусульманской культурой Ирана (в рамках которой известен с XII ст. [Santoro A. 2003]), а также культурами других мусульманских народов, получив особо широкое распространение в тех странах, что пребывали под властью тюркских династий [Azarpay 1978, 366] — в частности, в сельджукских султанатах Анатолии, чьи памятники представляют наиболее многочисленные и разнообразные вариации мотива сражающихся драконов. Большинство подобных изображений приходится на XIII век, хотя хронология отдельных памятников может варьировать от рубежа XI-XII вв. до середины XIV в. [Önde 1969, 193-216].

Сплетшиеся драконы, выполненные в технике лепнины либо резьбы по камню, украшают целый ряд архитектурных памятников Малой Азии. Среди них следует упомя-

Рис.2.

нуть изображения на башне крепости Ани, в нише гробницы Эмир-Салтука в Эрзуруме (рис. 3), на надгробии из Боялыкюя, на арках дворца Ала-эд-Дина в Конье, на порталах мечети Султан-Хан и караван-сарая Каратай-Хан в Кайсери, караван-сарая Сусуз-Хан в Бурдуре, на входах лечебниц в Сивасе и в Чанкыры, на портале медресе Обакой в Алании [Öney 1969, 196-204; Önder 1997; Doğan 1998].

Ведя, прежде всего, поиск прямых аналогов бахчисарайского памятника (то есть, лепных либо скульптурных изображений сдвоенных драконов на архитектурных сооружениях), мы, вместе с тем, не вправе упустить из виду вариации того же мотива, выполненные в других техниках, — как, например, бронзовые дверные молотки мечети Улу-Джами в Джизре (рис. 4), рисунок такого же изделия в рукописи аль-Джазари, чеканка на обороте железного зеркала в музее Топ-Капы, изображение на магической чаше из музея Торонто [Öney 1969, 201-203; Bilici 2003; Ittig, 1982, 79-94] и другие примеры [Bilici 2003, п. 19].

Приведя этот список ближайших параллелей, мы позво-

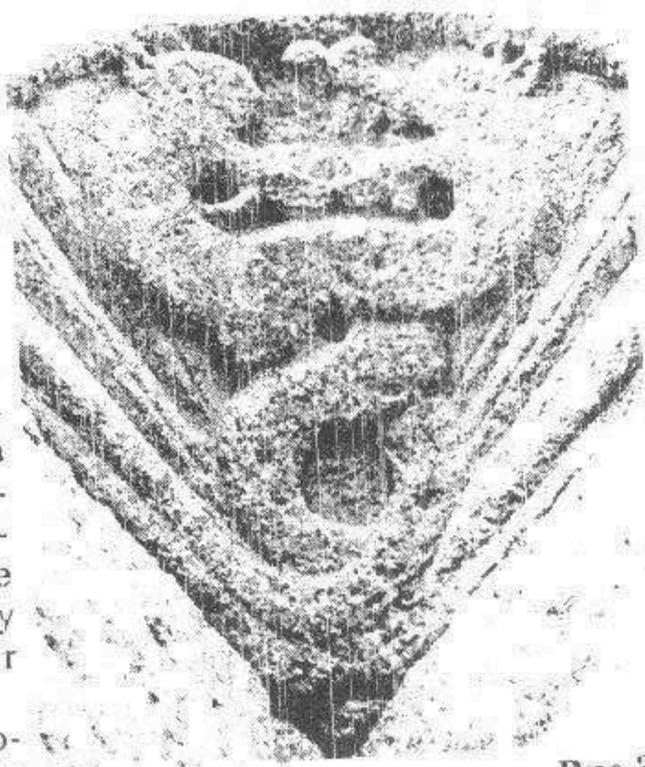

Рис.3.

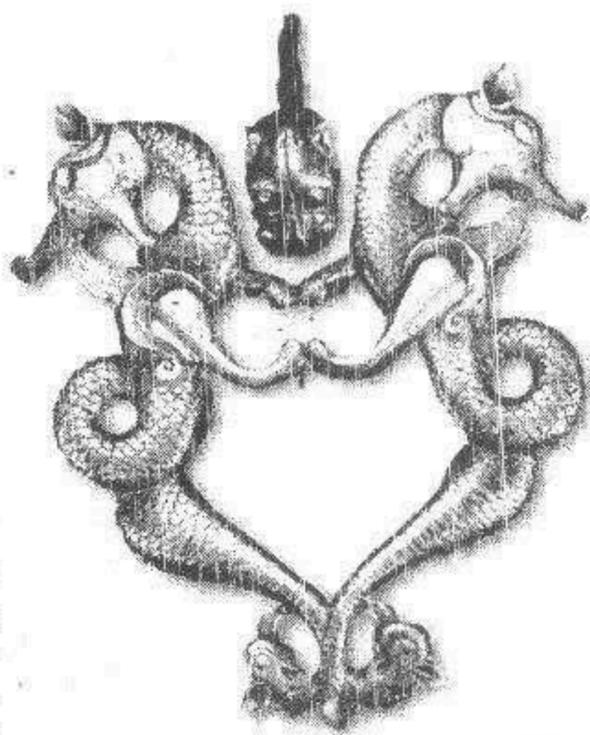

Рис.4.

лим себе не углубляться в перечисление более отдаленных аналогий в сельджукском искусстве, где пары драконов показаны вне сюжета единоборства (например, изображения драконов, «растущих» в разные стороны из одного «корня», либо имеющих единое тело с двумя головами на концах) [Öney 1969, 194-195, 198, 208-209].

Примечательна та закономерность, что в подавляющем большинстве случаев изображения сражающихся драконов украшают входы в общественные здания: мечети, медресе, караван-сарай, лечебницы, дворцы [Öney 1969, 193]. Здесь налицо определенная традиция, истоки которой лежат в семантике этого древнего символа.

Символ переплетенных ящеров или змей в культурах Востока многозначен. В средневековой мусульманской астрологии он связан с представлениями о небесных затмениях (солнце и луна, проглоченные гигантскими монстрами, — частый фольклорный сюжет у самых разных народов) и круговом движении светил [Hartner, 1938, 130-131]. Подобное значение придавала ему и космогония народов Центральной Азии, в которой движение планет управлялось парой драконов, сплетшихся под земной осью [Öney 1969, 213].

Этот символ, в сути своей означающий единство противоположностей и гармонию вселенной [Öney 1969, 213; Önder 1997], наделялся также присущими мифологическому образу дракона свойствами могучего стража. В соответствии с этим, изображение сплетенных драконов считалось мощной защитой от злых духов, эпидемий, несчастий и нашествий врагов [Öney 1969, 214-215; Bayram 1996, 66; Önder 1997; Bilici 2003, п. 5]. Ту же охранительную функцию изображение пары драконов несло и на магических предметах, призванных отгонять темные силы [Ittig 1982, 79-94; Önder 1997].

Парные изображения драконов использовались как обереги крепостных врат не только в Анатолии, но и в соседних областях Ближнего Востока. Самым ярким примером здесь являлись городские ворота Багдада (построены в XII—XIII вв. и разрушены в 1917 г.), которые носили название «Врата Талисмана» из-за двух изображенных над ними драконов (очень похожих на анатолийских) с символом солнца посередине [Öney 1969, 200; Le Strange 1983, 291-292].

Существование в Малой Азии столь богатой традиции, связанной с использованием символа сплетенных драконов, не оставляет сомнений относительно путей проникновения

этого мотива в Крым. Как убедительно показывает стилистика старейших мусульманских построек Крыма конца XIII — рубежа XV—XVI вв., определяющую роль в формировании крымскотатарского монументального искусства в указанный период сыграли именно влияния сельджукской Анатолии [Башкиров 1926, 108-125; Башкиров, Боданинский 1925, 298-301; Hайворонски 2006]. Более того, отзвуки специфических традиций Малой Азии, являвшейся ближайшим к Крыму центром мусульманской культуры, отчетливо прослеживались также в религиозных традициях и народных поверьях крымских татар вплоть до новейшего времени [Александров 1918, 186-192; Смирнов 1887, 7-8; Hайворонски 2006]. В свете весьма интенсивного культурного взаимодействия между северным и южным берегами Черного моря, заимствование крымскотатарским искусством столь заметного и значимого в сельджукских традициях мотива видится вполне естественным.

Если генетическая связь между сюжетом, изображенным над воротами Ханского дворца, и его многочисленными аналогиями в Малой Азии очевидна, то вопрос о происхождении самого памятника остается открытым. Какова предстория «бахчисарайских драконов»? Когда и зачем плита с их изображением была помещена над входом в резиденцию крымских ханов?

Поскольку о самой плите не имеется совершенно никаких исторических сведений, следует рассмотреть тот контекст, в котором она находится: комплекс построек Бахчисарайского дворца.

Как правило, сведения об истории отдельных объектов дворца весьма фрагментарны и скудны, однако в случае с северной надвратной башней мы встречаемся с редким исключением: год ее постройки и даже имя распорядителя строительства были задокументированы современниками. Эти сведения, а также обстоятельства, в которых была сооружена башня, необходимо изложить подробнее, поскольку они, по нашему мнению, способны пролить свет на предназначение памятника, которому посвящена данная статья.

Вторая половина 1630-х годов была непростым периодом в истории Крымского ханства. Над страной тяготели последствия жестокой межклановой войны, которая разразилась на исходе третьего десятилетия XVII в. и в скрытой форме продолжалась в указанный период. На фоне сложной внутриполитической обстановки происходила массовая миг-

рация из Поволжья в крымские владения многотысячных улусов Большой Ногайской Орды, искавших убежища от наступления калмыков [Новосельский 1948, 223-228; Трепавлов 2003, 418-419]. Ситуация еще более обострилась, когда в 1637 г. стало известно о захвате донскими казаками османской крепости Азака (Азова).

Жители полуострова восприняли это событие как предвестник грядущего наступления Московии на обессиленные улусы Крыма. «У нас пропала почти половина государства», — говорили крымцы, — «и город Перекоп люди из Азова, следует ожидать, возьмут, потому что город Перекоп плох, городские стены низки, да и те развалились, и укреплений никаких нет. И как возьмут Перекоп, тогда и всем Крымом завладеют» [Новосельский 1948, 264].

Донцы и не скрывали своих дальнейших намерений, угрожая: «хотим прибавить себе город Темрюк, и Тамань, и Керчь, а может, даст нам Бог и Кафу вашу» [Новосельский 1948, 271]. К тревожным известиям о событиях в Азаке добавилось страшное пророчество крымских книжников о том, что московцы скоро придут на Крым и захватят его, после чего полуостров будет заселен калмыками, а крымцы доживают в своем краю последние годы [Новосельский 1948, 264].

Занятый в то время войной с Персией, османский султан Мурад IV не имел возможности самостоятельно выступить на защиту своего удаленного владения, и по этой причине поручил освобождение Азака крымскому хану Бахадыру I Гераю.

Хан оказался в сложной ситуации. Поход, в котором крымской коннице надлежало противостоять массированному артиллерийскому огню из-за крепостных стен, без поддержки османских пушек стал бы самоубийственным предприятием. Неудивительно, что против участия в бессмысленной кампании выступила крымская знать, да и сам хан, более всего нуждавшийся в усмирении зачинщиков внутренней смуты, не слишком желал покидать свою ослабленную страну ради битвы за интересы султана. Однако, учитывая грустный опыт своих недавних предшественников, решавшихся отправиться к устью Дона [Новосельский 1948, 267-269].

Покидая Крым, хан взял с собой в поход нурэддина Сафу Герая, а распорядиться государством в свое отсутствие оставил калгу Исляма Герая и Сулейман-пашу (занимавшего,

очевидно, известный по документам последующих десятилетий [Маркевич 1896, 5-6] пост каймакана — столичного наместника).

После отхода хана и значительной части крымской военной силы к Азаку крымцы особо остро ощутили угрозу внешнего вторжения и стали готовить оборону. Калга (которому вскоре было суждено стать ханом Ислямом III Гераем) занялся восстановлением обветшавших фортификаций Перекопского перешейка, а Сулейман-паша тем временем приступил к укреплению ханской резиденции в Бахчисарае. Как сообщают материалы московского дипломатического ведомства за 1641 г., паша возвел вокруг Ханского дворца стены и построил каменную башню над проходом во внутренний двор [Новосельский 1948, 289].

Это было не реконструкцией старых сооружений, как на Перекопе, а именно новым строительством, поскольку раньше дворец не имел фортификаций. Об этом свидетельствует сделанный со старой гравюры рисунок, хранящийся под №10444/Г1524 по книге поступлений в фондах Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника и изображающий общий вид Бахчисарая с окрестных высот. Дворец предстает на нём лишенным оградных стен и надвратных башен (а также, что важно для датировки, южного дюрбе — мавзолея Исляма III Герая, возведенного не ранее 1654 г. [Халим Гирай 2004, 71]). По целому ряду деталей (которые находят подтверждение в текущих архитектурно-археологических исследованиях Заповедника) эту зарисовку можно признать достаточно достоверным источником, который дает представление о состоянии Дворца до оборонительных мероприятий каймакана.

Вероятно, башня изначально была украшена изображением двух драконов и плита с рельефом не является поздней вставкой, поскольку поверхность плиты находится в одной плоскости с лицевой кладкой стены, несколько «утопая» по краям в слоях штукатурок и побелок.

Впрочем, изготовление такого украшения одновременно с постройкой башни, т. е. в XVII столетии, выглядит крайне маловероятным, поскольку на памятниках Турции мы нигде не встретим изображений сдвоенных драконов позже середины XIV в. Изображение двух драконов над входом — типичная черта архаичного сельджукского стиля, хронология распространения которого в Бахчисарае четко ограничена на периодом с начала XIV до рубежа XV—XVI вв.

В этой связи остается лишь предположить, что рельефное изображение драконов должно быть как минимум на полтора столетия древнее башни, в стену которой вмуровано, даже древнее всего Ханского дворца, основанного в 1532 г. [Тарн 1973, 162]. Скорее всего, мы здесь сталкиваемся с примером вторичного использования плиты. Примеры вторичного использования старых камней с надписями или сельджукскими орнаментами в позднейших постройках Бахчисарая нередки. Среди примеров назовем стены мечети в крепости Кырк-Ер, среднюю арку и восточную стену Зынджирлы-медресе, целиком перенесенный в Бахчисарайский дворец из Девлет-Сарая (старого дворца крымских ханов) портал Демир-Капы [Кондаков 1899, 440; Эрнст 1928, 39-41] и др.

Позволим себе выразить мысль, что фортификаторы Ханского дворца в XVII в. вряд ли стали бы возрождать заново давно забытую сельджукскую традицию, если бы плита не находилась издавна на какой-нибудь хорошо известной старой постройке и не была «освящена веками».

Допущения о первоначальном местонахождении плиты могут быть самыми различными. В долине, где стоит ханская резиденция, уже задолго до основания Бахчисарая существовали и дворцы (т. н. «дворец Джучи-хана» [Книга путешествий 1999, 39] с Девлет-Сараем), и укрепления (крепость Кырк-Ер, а также преграждавшие ущелье стены с воротами [Книга путешествий 1999, 39]), и множество прочих сооружений, отмеченных сельджукской стилистикой. Над их входами, по аналогии с анатолийскими постройками, очень легко представить эту плиту.

Не будем теряться в напрасных догадках, а лишь отметим, что во время сооружения въездной башни Ханского дворца «плита с драконами» могла быть позаимствована из более древнего сооружения — скорее всего, обветшавшего и разобранного.

В связи с обстоятельствами постройки башни можно выдвинуть предположение о причинах появления камня над дворцовыми воротами.

Присутствие плиты над входом во дворец обнаруживает прямую параллель с анатолийской традицией помещать изображения двух драконов над входами в общественные сооружения — в том числе, над воротами крепостей и дворцов. Использование этого символа с его традиционным значением мистического стража как нельзя более соответствовало потребностям подготовки Ханского дворца к вероятному

вторжению иноземных захватчиков. Основываясь на анатолійских аналогиях, можно предположить, что сдвоенные драконы появились над новопостроенными укреплениями Бахчисарайского дворца именно в качестве традиционного старинного талисмана. Может быть, плита уже выполняла ранее эту функцию на каком-нибудь старом сооружении, а теперь была призвана защитить ханскую резиденцию.

Остается добавить, что драконы-хранители успешно «несли» свою магическую «стражу», пока в 1736 г., по выражению крымцев, «словно злые духи в чистое тело Крыма» [Смирнов 1889, 62], не вторглись российские войска под командованием фельдмаршала Миниха, не заняли Бахчисарая и не сожгли дворец дотла [Манштейн 1997, 77-78].

Пламя разрушительного пожара 1736 г. уничтожило легкие деревянные и фахверковые постройки дворца, в то время, как каменные сооружения — в их числе, вероятно, и нижний каменный ярус въездной башни с плитой — пострадали меньше. После пожара во дворце прошли масштабные восстановительные работы, и ханская резиденция была основательно перестроена — по этой причине мы не решимся утверждать, что дворцовая въездная башня с воротами осталась в точности такими, какими их столетие назад построил Сулейман-паша. До проведения тщательного анализа конструкций въездной башни и точного определения ее строительных периодов нельзя исключать даже того, что плита с драконами могла впервые попасть на заново перестроенное здание уже после пожара, будучи взята из руин старых зданий (недостатка в руинах в ту пору в городе не было: российские войска превратили в пепел четвертую часть городских построек [Манштейн 1824, 83]).

Впрочем, на наш взгляд, даже обнаружение факта полной перестройки башни в 1740-х — 1760-х гг. не внесет существенных корректив в предложенную интерпретацию функционального предназначения плиты. Будь два дракона помещены над дворцовыми воротами задолго ante factum (чтобы отвести нашествие) либо, тем паче, сразу post factum (чтобы предотвратить повторное) — их присутствию над дворцовыми воротами сложно найти более уместное обоснование, чем хорошо известная по памятникам Турции функция талисмана общественной постройки.

Таковы основные соображения, которые мы желали высказать в рамках первого опыта научного анализа «плиты с драконами» — этого замечательного памятника крымскотатарского монументального искусства.

Пополняя перечень образцов «сельджукизма» в Крыму и будучи уникальным, единственным в Европе представителем ближневосточного мотива битвы драконов, этот памятник раскрывает богатый и разноплановый пласт сведений об искусстве, мифологии и истории малоазийских тюрок и крымских татар.

ЛИТЕРАТУРА: Azarpay G. *The Eclipse Dragon On An Arabic Frontispiece-Miniature // Journal of American Oriental Society*, 1978, Vol. 98; Bayram S. *Vakıflar Genel Müdürlüğü Hali Müzesinde Bulunan Hayvan Figürlü Halılarda Ejder – Kaplumbağa – Akrep – Kertenkele Figürü // Türk Soylu Halklarının Hali Kilim ve Cicim Sanatı Uluslararası Bilgi Şöleni Bildirileri*, Ankara, 1996; Bilici Z. K. *Bronze Door-Knockers Of Cizre Great Mosque. A New Example // Transoxiana: Eran ud Aneran. Webfestschrift Marshak 2003, October 2003*. [<http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/bilici.html> – Checked 26 Mar 2006]; Doğan N. *Alanya-Obaköy Medresesi Portal Süslemeleri: İkonografik Bir Çalışma // Uluslararası IV. Türk Kültürü Kongresi Bildirileri*, 2. cilt, Ankara, 2000. [http://www.akmb.gov.tr/turkce/books/turkkong4-2/tk4-2-25_dogan.htm – Checked 26 Mar 2006]; Haiworonski O. *Anatolian Influences In Crimean Tatar Monuments in Bağçasaray // Uluslararası VI. Türk Kültürü Kongresi Bildirileri*, Ankara, 2006 [in print]; Hartner W. *The Pseudoplanetary Nodes of the Moon's Orbit in Hindu and Islamic Iconographies // Ars Islamica*, 1938, Vol. 5; Ittig A. *A Talismanic Bowl // Annales Islamologiques*, 1982, Vol. XVIII; Le Strange G. *Baghdad During the Abbasid Caliphate*. Westport, 1983; Santoro A. *On The Two Intertwined Dragons From Pendzikent // Transoxiana: Eran ud Aneran. Webfestschrift Marshak 2003, October 2003*. [<http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/santoro.html> – Checked 26 Mar 2006]; *Tarih-i Sahib Giray Han*. Ankara, 1973; Önder M. *Konya'da Selçuklu Devri Alaiyye Dar'uş-şifası Yerinde Yenibulunan Ejder Sembolü // Uluslararası Osmanlı öncesi Türk Kültürü Kongresi Bildirileri*, Ankara, 1997. [<http://www.akmb.gov.tr/turkce/books/turkkong2/tk2-18-onder.htm> – Checked 26 Mar 2006]; Öney G., *Dragon Figures in Anatolian Seljuk Art // Türk Tarih Kurumu Belleten*, 1969, Vol. XXXIII, No. 130; Zwalf W. *A Catalogue Of The Gandhara Sculpture In The British Museum*. Vol. 1, London, 1996; Александров И. Ф. *О пребывании в Крыму анатолійских дервишей с чудесной водой против саранчи // Известия Таврической ученой архивной комиссии*, 1918, №55; Башкиров А. С. *Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым*, 1926, №2; Башкиров А. С., Боданинский У. Э. *Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток*, 1925, № 8-9; *Книга путеше-*

шествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме [1666-1667 гг.]. Симферополь, 1999; Кондаков Н. П. О Бахчисарайском дворце и его реставрации // Искусство и художественная промышленность, 1899, № 6; Легенды Крыма. Симферополь, 1996; Манштейн Х. Записки о России генерала Манштейна / Перевороты и войны. Москва, 1997; Манштейн. Описание дворца хана крымского и столичного его горда Бахчисарая, учиненное по приказу графа Миниха капитаном Манштейном // Отечественные записки, 1824, № 31; Маркевич А. И. Список с статейного списка подъячего Василия Айтимерева, посыланого в Крым с предложением мирных договоров // Записки императорского Одесского общества истории и древностей, 1896, Т. 19; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. Москва, 1948; Скульптура и живопись древнего Пянджикента. Москва, 1959; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Санкт-Петербург, 1887; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. Москва, 2003; Халим Гидай султан. Розовый куст ханов или Краткая история Крыма. Симферополь, 2004; Эрнст Н. Д. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. Кн. Ивана III фрязин Алевиз Новый // Известия Таврического общества истории, археологи, этнографии, 1928, Т. II (59).

ЗОЛОТОВА Г. И., старший научный
сотрудник Бахчисарайского государственного
историко-культурного заповедника

ИСТОРИЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЭКСПОНАТОВ ИЗ ФОНДОВ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ

Музейные фонды — это кладовая исторических и художественных ценностей, источник знаний о прошлом и настоящем, это основа жизни музея.

Фонды Бахчисарайского заповедника хранят свыше 155 тыс. экспонатов, 80% из этого числа предметы археологии.

История первых музейных коллекций, поступивших в фонды, связана с именами известных учёных-археологов, академиков архитектуры — Кондакова, Н.П. Котова, Усеина Боданинского и бахчисарайского полицмейстера А.Г. Иваненкова. Ими было собрано во дворце — 180 предметов татарского быта. Эта маленькая коллекция и стала ядром будущего музея.

В настоящее время благодаря целенаправленной и самоотверженной работе сотрудников музея по сбору экспонатов, для пополнения этнографических коллекций в фондах хранится: предметов этнографии — свыше 2000, из них:

- металл — 490 ед. (металлическая посуда, ювелирные украшения бахчисарайских мастеров);
- предметов из кожи, дерева, кости;
- талантливые вышивки местных мастериц — 376 ед;
- сохранились фотонегативы на стекле — ценнейший документ эпохи становления музея — 1547 ед.;
- произведения живописи и графики по крымской тематике — свыше 500 ед.;
- собрана уникальная коллекция нумизматики — 10424 ед.

Ценный дар в нумизматическую коллекцию поступил от гражданина США Абдурхайма Демираяка — 196 ед.

В нумизматической коллекции большую историческую ценность представляют клады монет Крымского ханства;

Клад римских монет был найден в с. Долинное — 119 ед. III-IV в.в. н.э.;

Бахчисарайский клад монет Крымского ханства, найденный в 1925 году в окрестностях Бахчисарая при У. Боданинском — насчитывает 4439 ед.;

В 1978 году Еленой Фуки был передан клад монет Крымского ханства, найденный в Феодосии, состоящий из 2784 ед.

Нумизматическая коллекция постоянно пополняется благодаря археологическим раскопкам наших археологов.

Ценная коллекция рукописных и старопечатных книг спасённых в тяжёлые суровые годы реакции составляет около 800 ед.

Сохранилась книга с дарственной надписью Менгли-Герая; основателя и строителя Ханского дворца и строителя Зынджирлы Медресе в Салачике.

Многие книги, хранящиеся в фондах, имеют штамп Зынджирлы Медресе — когда-то они были преданы в музей. Основатель музея — Усеин Боданинский, много усилий приложил по сбору библиотеки. В фондах сохранились его дневники и отчёты по музею.

В одном из отчётов по музею за 1922 г., Усеин Боданинский приводит выступление Менгли-Герая хана при открытии, построенной им Зынджирлы Медресе, из старинной рукописи, хранящейся в библиотеке Баязида (Константинополь): «При помощи Великого бога Я — Менгли-Герай день ночью старался при содействии верных детей ханства расширению святой земли Крымской и одолению врагов нашей веры и отечества. Благодаря помощи моего Бога я победил. Враги одолены. Земля Крымская стала процветать; но будучи всегда занят делами нашего отечества, я не мог в достаточной степени выполнять возложенных на меня религиозных обязанностей, не нашёл времени подумать о загробной жизни, не мог проливать я слёзы перед величием божьей Кары, не имел времени лелеять в своей душе о Страшном Судном дне — вот почему для искупления своих грехов я заложил основание этому Медресе для того, чтобы здесь могли обучаться беднейшие ученики. Я обеспечил его землёй (вакуфом). Сильно растёт моя радость при мысли, что будущие талебе (ученики) этого Медресе, которые будут обучаться религиозным и светским наукам — будут молиться день и ночь за мою грешную душу. Я хочу, чтобы в моём Медресе, наряду с религиозными и философскими науками,

также преподавались и светские науки для того, чтобы подготовить людей в достаточной степени способных управлять делами нашего святого отечества».

Дневники Усеина Боданинского и его отчёты по музею — уникальные источники по истории не только музея, но и эпохи 20-х годов XX столетия.

В наших фондах хранится уникальнейший археологический материал — ценнейший исторический источник по истории народов Крыма, когда-то обитавших здесь. Начиная с палеолита, неолита и мезолита (Старосельская стоянка, Кабази, Алимовский навес и др.), поселения киммерийцев, скифов, готов, греков, стоянки римских воинов — дают интереснейший археологический материал. К сожалению, нет у нас пока археологического музея, где бы было возможно показать эти уникальные находки. Спасённые от уничтожения издания И. Гаспринского и архив типографии «Терджиман», явились основой для создания филиала Бахчисарайского музея — музея им. И. Гаспринского. Фонды его постоянно пополняются. Из Турции поступило свыше 2000 ксерокопий изданий газеты «Терджиман». Из фондов музея передано в музей им. И. Гаспринского 2500 ед. изданий. Но не всё, что когда-то поступало в фонды, сохранилось до наших дней. В этом не вина сотрудников. Музей в своей истории пережил несколько трудных периодов. Суровые дни пережил Бахчисарайский музей в период революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны. С апреля 1918 года в Бахчисарае находились германские войска, после их ухода к власти пришло другое правительство, которое опиралось на деникенцев и англо-французских интервентов. Из фондов музея тогда было похищено разного дворцового имущества на сумму 2785 руб.». (Из отчёта У. Боданинского). Колоссальный ущерб кустарным промыслам крымского населения и музею нанёс голод, свирепствовавший тогда в Крыму. Приезжавшие в Крым спекулянты обменивали муку и хлеб на ценные произведения народного искусства — вышивки, ювелирные изделия, старинное оружие, рукописные книги.

К началу Великой Отечественной Войны по старым инвентарным книгам Бахчисарайского дворца—музея числилось 3000 экспонатов. За время войны было утрачено 283 экспоната. Начиная с ноября 1941, года через дворец проходили разные войсковые части немцев, которые нанесли большой ущерб всему дворцу-музею со всеми его пристрой-

ками и садами. Стоимость ущерба, причинённого всему архитектурному комплексу дворца во время войны, оценивалась в 500 000 рублей. Особенно пострадали коллекции нумизматики, оружия, ткани, изделия из драгоценных металлов, ковры. Часть старинных ковров по приказу свыше, была выдана после войны начальнику госпиталя Грунину, после ликвидации госпиталя Кустовой М.Г. удалось собрать «только часть их». В результате общей проверки фондов было установлено следующее: часть экспонатов пришла в негодность и изъята на списание, часть списана по актам в разные годы, как украденные, часть пропала бесследно и часть экспонатов этнографического отдела музея изъята из фондов — вероятно после выселения крымских татар (акт не сохранился).

В этот период сотрудники музея тайком по ночам (по воспоминаниям Кустовой М.Г.) собирали оставшиеся вещи в домах спецпереселенцев, но экспонировать собранные экспонаты, было запрещено. В 1953 году, 30 ноября был вновь издан строгий приказ за № 164, в котором предупреждались директора музеев о их личной ответственности за идеологическое содержание как в экспозиции, так и в фондах. Приказывалось «систематически очищать фонды от вредных, устаревших, потерявших научно-музейную ценность предметов. Весь материал с изображениями врагов народа должен быть немедленно изъят из фондов музеев и предан в архив МВД. Новая экспозиция, выставка может быть открыта для посетителей только после разрешения органов цензуры и утверждения списка экспонатов цензором.

Ученица Усеина Боданинского и продолжательница его дел Кустова М.Г., частично восстановила экспозицию музея и значительно пополнила фонды новыми экспонатами.

По акту № 427 от 1 октября 1957 г. из Государственного Эрмитажа Мария Георгиевна привезла 489 экспонатов этнографического характера. Это нумизматика, одежда, вышивки, мебель, ткани, фарфор, ковры, посуда. Артиллерийский музей г. Москвы поделился оружием, Государственный исторический музей по акту № 236 передал Бахчисарайскому музею награды. Всего из музеев России было передано в Бахчисарайский музей — 790 предметов. Из музеев Украины собрано Кустовой М.Г. 109 предметов декоративно-прикладного искусства. Из фондов художественных выставок Украины переданы произведения живописи художников: Н.С. Самокиша, И.И. Ижакевича, П.И. Котова, Олей-

ника, Данченко, Тихонова и др. Так же как эти произведения живописи и графики не соответствовали тематике Бахчисарайского музея, в 70-х годах они были переведены из основного фонда в научно-вспомогательный. Не все полученные из других музеев экспонаты соответствовали тематике нашего музея.

Собранная таким трудом этнографическая коллекция в 60-е годы подверглась частичному изъятию и передачи в другие музеи.

Особенно пострадала этнографическая коллекция по истории крымских татар. По приказу Министерства культуры Украины было передано в Киевский исторический музей 103 ед. изделий бахчисарайских мастеров: филигрань, вышивки, посуда, монеты из золота и серебра. В Каховский и Запорожский музей ушло оружие, посуда, кисеты, салфетки. Оружие передано и в Симферопольский краеведческий музей. Во Львовский музей истории, религии и атеизма передали по приказу Министерства культуры Украины 30 редких рукописных и старопечатных книг. В 2007 г. Львовский музей вернул всего 13 книг из 30 переданных. По приказу Министерства культуры Украины в библиотеку им. Салтыкова-Щедрина г. Ленинграда было передано в 1976 г. 304 ед. рукописных и старопечатных книг. В настоящее время ведутся переговоры о возвращении этих книг.

В настоящее время одной из главных проблем заповедника является дальнейшее пополнение фондовых коллекций и возвращение в фонды, когда-то переданных в другие музеи, увезённых в Германию, Австрию и другие страны, во время войны, экспонаты. Из Германии были присланы списки и фотографии, на которых были определены экспонаты из фондов заповедника, в основном вышивки. Появилась надежда на возвращение в фонды утраченных когда-то уникальных этнографических коллекций, так необходимых заповеднику для построения научных экспозиций в настоящее время.

Takayuki YOKOTA-MURAKAMI,
Osaka University, Japan

REPRESENTATION OF CRIMEA IN THE
LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY
JAPANESE LITERATURE AND
PHILOSOPHY: LEV TOLSTOY'S
SEDASTOPOL SKETCHES AND THEIR
LEGACIES

Russian literature was one of the most popular foreign literatures in the early years of modernization in Japan. English literature was, naturally, the most popular and works of the British authors were more commonly translated than others. It is no wonder as the United Kingdom came to be quickly recognized as the most significant superpower and its culture was considered as the best model for civilizing Japan. Popularity of Russian literature is explained in various ways; it is largely believed that the half-modernized, backward condition of the Russian society as described in Russian literature was seen as akin to the condition of the Japanese society on the way to the modernization and was more accessible to the Japanese readers.

The Crimean War, consequently, also came to be known mainly through the English sources than through the Russian. The early references to Crimea or Sebastopol in the post-reformation Japanese literary/political/journalistic discourses are almost exclusively English and carry British perspectives. For instance, in the first collection of modern style poems, *Shintaishisho* (The Collection of Poems in the New [Western] Style), which was to be extremely popular and to exercise a decisive influence on the future development of Japanese modern poetry, a translation of Tennyson's poem *The Charge of the Light Brigade* is included. The poem is dedicated to the command of British cavaliers who fought bravely to death. I quote here the first couple of stanzas.

The Charge of the Light Brigade

I

Half a league, half a league,
Half a league onward,
All in the valley of Death
Rode the six hundred.

II

'Forward, the Light Brigade!'
Was there a man dismay'd?
Not tho' the soldier knew
Some one had blunder'd:
Their's not to make reply,
Their's not to reason why,
Their's but to do and die:
Into the valley of Death
Rode the six hundred. (...)

(206)

We can easily see how this poem was well received by the Japanese readership who are very fond of this kind of mass, heroic self-sacrifice on the battle-field. We may remember the battle at Port-Arthur during the Russo-Japanese War, where the casualty of the Japanese army reached 59,000 after three suicidal Banzai attacks.

Such an act was, however, in complete contradiction with the general image of the English people as being rational, intellectual, and civilized, held by the Japanese. In fact, whereas the Japanese suicidal attacks at Port Arthur were completely intentional, that of the British in Balaclava, described by Tennyson, was an unfortunate blunder.

In fact, the attack of the British brigade appeared to be an act of incomprehensible lunacy to the Russians. To use the words of one historian, "[t]he Russians at the far end of the Causeway who were beginning to withdraw, now stood firm — watching the incomprehensible British cavalry with astonishment" (Barker 167). This aspect is not overlooked by Tennyson, who writes: "the soldier knew some one had blunder'd: Their's not to make reply, their's not to reason why, their's but to do and die." However, unreasonableness of their death is already replaced by the idea that their death was, though tragic, heroic. The emphasis is on the Brigade's soldierly loyalty.

Apparently, the interpretation of their death as a heroic one was properly understood and faithfully reproduced by the

Japanese translator who added an explanatory note to the poem in the following manner:

In 1854 the Great Britain and France, assisting Turkey, started a war with Russia, later to become well-known as the Crimean War. Among the many battles fought during this war the most famous was a battle at Balaclava on June the 25th, 1854. A British brigade of some six hundred rushed into the enormous number of the enemy, achieved an incomparable feat, but as they were outnumbered, most of them were finally killed or captured and very few returned safe. The well-known English poet Tennyson described the scene in the given poem, so popular that anyone who understands English, whether he be an Englishman or no, can recite it. (*Meiji shijin shu* I 7)

The fate of the British Brigade is, thus, defined as completely understandable, that is, as brave, tragic, and laudable. The representation of warfare as something "incomprehensible and astounding" is, thus, quickly dissociated from the military discourse, pertaining to England. The action of the British soldiers is supposed to be reasonable.

Now, the major source of information on the Crimean War in Japan was soon to change. The Russian literature became the predominant source. More concretely, the translation of Lev Tolstoy's *Sebastopol Sketches* became the most important text. The first attempt at their translation was already made in 1893 by the master novelist Koda Rohan, but it was a partial translation and based on the English translation at that.¹ The complete translation of the three sketches appeared in 1901 by Saganoya Omuro from the Russian original.

This led to the new image of the Crimean war, that is to say, a war between civilized, more powerful England and a backward, barbarian Russian, waging a desperate, meaningless attack against the British Empire.

Such is an image, perpetuated by Tolstoy.

As is known to many, among the three sketches, the first and the last are more or less patriotic in spirit, whereas the second is highly negative to the warfare itself. In this second sketch, however, Tolstoy points not so much to the inhumanness as to the irrationality of the war. He pays a constant attention to whatever is absurd on the battle-field. For instance, Tolstoy describes, how the Russian soldiers believed that the French troops shouted "Alla! Alla!" as they had been so accustomed

¹ *Kokkai* (Diet). July-August 1893.

to it, fighting with the Turks (*Short stories* 151). The officers, gathering in a room, playing piano, drinking tea, wonders: "Isn't it strange to think that we're in a besieged town and here's a *pianer-forty*, tea with cream, and a house such as I should really be glad to have in Petersburg?" (146) And of course, this very sane commentary about the bizarreness of the warfare is quickly dismissed by the following retort: "Well, if we hadn't even that much, the constant uncertainty we are living in—seeing people killed day after day and no end to it—would be intolerable" (146). Further, an officer presents his own eccentric vision of the war: "I am so used to these bombs that I am sure when I'm back in Russia I shall fancy I see bombs every star-light night—one gets so used to them" (148).

The description of warfare as something utterly pointless is the idea that Tolstoy repeats in his later life, referring to Sevastopol. In a pacifist essay, "Carthago delenda est" he writes: "[a person who serves in the army] is almost certainly be killed or crippled, as I observed in Sevastopol, where the regiment comes to the bastion, on which two regiments have already been beaten, but this regiment remains there until it, too, is completely destroyed" (*Polnoe sobranie sochinenii* XXXIX 202; the translation is mine).

Such an understanding of a war experience as something absurd and meaningless is, in a sense, described by a Russian literary critic, Boris Eikhenbaum as an effect of defamiliarization. The description of strange actions in the battle defamiliarizes and subverts the cliché romantic notions about war. Heroes are dismissed thus: "Where in this tale is the evil that should be avoided, and where the good that should be imitated? Who is the villain and who the hero of the story? All are good and all are bad" (175).

The literary technique of defamiliarization is exercised by Tolstoy in various manners in a variety of works, of which much has been written already. One method is the unusual comparison, for instance, the comparison of stars to bombs, as is seen in the previous quotation. Another method is an extreme reasoning with purposefully radical ideological content and conclusion. The typical example is given by Viktor Shklovsky, who invented the term "defamiliarization" in the article "Literature as a Device," in which he discusses the example of this effect in the novel *The Kreutzer Sonata* with its theory of absolute asceticism. A similar technique, i.e. defamiliarization

through the radical argument is also observed in *Sevastopol Sketches*. Here is an example:

Мне часто приходила странная мысль: что ежели бы одна воюющая сторона предложила другой — выслать из каждой армии по одному солдату? Желание могло бы показаться странным, но отчего не исполнить его? Потом выслать другого, с каждой стороны, потом 3-го, 4-го и т.д., до тех пор, пока осталось бы по одному солдату в каждой армии (предполагая, что армии равносильны и что количество было бы заменяемо качеством). И тогда, ежели уже действительно сложные политические вопросы между разумными представителями разумных созданий должны решаться дракой, пускай бы подрались эти два солдата — один бы осаждал город, другой бы защищал его.

Это рассуждение кажется только парадоксом, но оно верно. Действительно, какая бы была разница между одним русским, воющим против одного представителя союзников, и между 80 тысячами воющих против 80 тысячи? Отчего не 135 тысяч против 135 тысяч? Отчего не 20 против 20-ти? Отчего не один против одного? Никак одно логичнее другого. Последнее, напротив, гораздо логичнее, потому что человечнее. Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать. (*Polnoe sobranie sochnenii IV 18-19*)

Just as Tolstoy scandalized the decent society of Europe by insisting in *The Kreutzer Sonata* that a sexual act even among the spouses is sinful and that mankind should perish by abstaining from copulation at all, Tolstoy in this passage upsets the reader by his unorthodox idea that war is a lunacy, *sumasshestvie*, and by his apparently logical and mathematic comparison of it to a street fight. One may, perhaps, be reminded of a phrase in Charles Chaplin's film *Monsieur Verdoux*: "Wars, conflict — it's all business. One murder makes a villain; millions, a hero. Numbers sanctify, my good fellow!" Whether Chaplin had Tolstoy in mind or no, I do not know. At least, what we see in both is an extreme reasoning that unsettles the mundane notion about war.

Such defamiliarization and Tolstoy's penchant for numbers and mathematical logic is also observed in his later pacifist writings. Here is a quote from "Bethink Yourselves," a programmatic essay which appeared during the Russo-Japanese war, and which was instantly translated into

Japanese and gave an immense influence on the Japanese peace movement:

Тысячи несчастных уже стонут и корчатся от жестоких страданий и мучительно умирают в японских и русских лазаретах, с недоумением спрашивая себя, зачем сделали над нами это ужасное дело, и другие тысячи гниют в земле и над землей или плавают по морю, распухая и разлагаясь. И десятки тысяч жен, отцов, матерей, детей оплакивают своих ни за что погубленных кормильцев. Но всего этого мало, и готовятся все новые и новые жертвы. Главная забота начальников убийства в том, чтобы с русской стороны поток пушечного мяса — трех тысяч человек в день, обреченных на гибель, ни на минуту не прерывался. (*Polnoe sobranie sochnenii XXXVI 143*)

We, thus, find that Tolstoy's later pacifist writings are the direct development of his earlier military narratives, both in their ideas and in their literary techniques. Of course, his radical pacifism is still in an underdeveloped, dormant stage in *Sevastopol Sketches*. As I mentioned earlier, the first and the last sketches are more or less patriotic in nature, almost valorizing the Crimean War. Even in the second sketch his position is rather ambivalent. For instance, at the end of the sketch he writes thus:

Yes, there are white flags on the bastions and the trenches but the flowery valley is covered with dead bodies. The glorious sun is sinking toward the blue sea, and the undulating blue sea glitters in the golden light. Thousands of people crowd together, look at, speak to, and smile at one another. And these people—Christians professing the one great law of love and self-sacrifice—on seeing what they have done do not at once fall repentant on their knees before Him who has given them life and laid in the soul of each a fear of death and a love of the good and the beautiful, and do not embrace like brothers with tears of joy and gladness.

The white flages are lowered, the engines of death and suffering are sounding again, innocent blood is flowing and the air is filled with moans and curses. (174-75)

But after this passage in the original version of the sketch that appeared in the journal *Sovremennik* one reads a following sentence, which quite undermines the pacifist policy, expressed above: "Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной кров, родную землю" (*Polnoe sobranie sochnenii IV 229*). This sentence is, however, omitted

through the radical argument is also observed in *Sevastopol Sketches*. Here is an example:

Мне часто приходила странная мысль: что ежели бы одна воюющая сторона предложила другой — выслать из каждой армии по одному солдату? Желание могло бы показаться странным, но отчего не исполнить его? Потом выслать другого, с каждой стороны, потом 3-го, 4-го и т.д., до тех пор, пока осталось бы по одному солдату в каждой армии (предполагая, что армии равносильны и что количество было бы заменяемо качеством). И тогда, ежели уже действительно сложные политические вопросы между разумными представителями разумных созданий должны решаться дракой, пускай бы подрались эти два солдата — один бы осаждал город, другой бы защищал его.

Это рассуждение кажется только парадоксом, но оно верно. Действительно, какая бы была разница между одним русским, воюющим против одного представителя союзников, и между 80 тысячами воюющих против 80 тысячи? Отчего не 135 тысяч против 135 тысяч? Отчего не 20 против 20-ти? Отчего не один против одного? Никак одно логичнее другого. Последнее, напротив, гораздо логичнее, потому что человечнее. Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать. (*Polnoe sobranie sochnenii IV 18-19*)

Just as Tolstoy scandalized the decent society of Europe by insisting in *The Kreutzer Sonata* that a sexual act even among the spouses is sinful and that mankind should perish by abstaining from copulation at all, Tolstoy in this passage upsets the reader by his unorthodox idea that war is a lunacy, *sumasshestvie*, and by his apparently logical and mathematic comparison of it to a street fight. One may, perhaps, be reminded of a phrase in Charles Chaplin's film *Monsieur Verdoux*: "Wars, conflict — it's all business. One murder makes a villain; millions, a hero. Numbers sanctify, my good fellow!" Whether Chaplin had Tolstoy in mind or no, I do not know. At least, what we see in both is an extreme reasoning that unsettles the mundane notion about war.

Such defamiliarization and Tolstoy's penchant for numbers and mathematical logic is also observed in his later pacifist writings. Here is a quote from "Bethink Yourselves," a programmatic essay which appeared during the Russo-Japanese war, and which was instantly translated into

Japanese and gave an immense influence on the Japanese peace movement:

Тысячи несчастных уже стонут и корчатся от жестоких страданий и мучительно умирают в японских и русских лазаретах, с недоумением спрашивая себя, зачем сделали над нами это ужасное дело, и другие тысячи гниют в земле и над землей или плавают по морю, распухая и разлагаясь. И десятки тысяч жен, отцов, матерей, детей оплакивают своих ни за что погубленных кормильцев. Но все это мало, и готовятся все новые и новые жертвы. Главная забота начальников убийства в том, чтобы с русской стороны поток пушечного мяса — трех тысяч человек в день, обреченных на гибель, ни на минуту не прерывался. (*Polnoe sobranie sochnenii XXXVI 143*)

We, thus, find that Tolstoy's later pacifist writings are the direct development of his earlier military narratives, both in their ideas and in their literary techniques. Of course, his radical pacifism is still in an underdeveloped, dormant stage in *Sevastopol Sketches*. As I mentioned earlier, the first and the last sketches are more or less patriotic in nature, almost valorizing the Crimean War. Even in the second sketch his position is rather ambivalent. For instance, at the end of the sketch he writes thus:

Yes, there are white flags on the bastions and the trenches but the flowery valley is covered with dead bodies. The glorious sun is sinking toward the blue sea, and the undulating blue sea glitters in the golden light. Thousands of people crowd together, look at, speak to, and smile at one another. And these people—Christians professing the one great law of love and self-sacrifice—on seeing what they have done do not at once fall repentant on their knees before Him who has given them life and laid in the soul of each a fear of death and a love of the good and the beautiful, and do not embrace like brothers with tears of joy and gladness.

The white flages are lowered, the engines of death and suffering are sounding again, innocent blood is flowing and the air is filled with moans and curses. (174-75)

But after this passage in the original version of the sketch that appeared in the journal *Sovremennik* one reads a following sentence, which quite undermines the pacifist policy, expressed above: "Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной кров, родную землю" (*Polnoe sobranie sochnenii IV 229*). This sentence is, however, omitted

through the radical argument is also observed in *Sevastopol Sketches*. Here is an example:

Мне часто приходила странная мысль: что ежели бы одна воюющая сторона предложила другой — выслать из каждой армии по одному солдату? Желание могло бы показаться странным, но отчего не исполнить его? Потом выслать другого, с каждой стороны, потом 3-го, 4-го и т.д., до тех пор, пока осталось бы по одному солдату в каждой армии (предполагая, что армии равносильны и что количество было бы заменяемо качеством). И тогда, ежели уже действительно сложные политические вопросы между разумными представителями разумных созданий должны решаться дракой, пускай бы подрались эти два солдата — один бы осаждал город, другой бы защищал его.

Это рассуждение кажется только парадоксом, но оно верно. Действительно, какая бы была разница между одним русским, воющим против одного представителя союзников, и между 80 тысячами воющих против 80 тысячи? Отчего не 135 тысяч против 135 тысяч? Отчего не 20 против 20-ти? Отчего не один против одного? Никак одно логичнее другого. Последнее, напротив, гораздо логичнее, потому что человечнее. Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать. (*Polnoe sobranie sochnenii IV 18-19*)

Just as Tolstoy scandalized the decent society of Europe by insisting in *The Kreutzer Sonata* that a sexual act even among the spouses is sinful and that mankind should perish by abstaining from copulation at all, Tolstoy in this passage upsets the reader by his unorthodox idea that war is a lunacy, *sumasshestvie*, and by his apparently logical and mathematic comparison of it to a street fight. One may, perhaps, be reminded of a phrase in Charles Chaplin's film *Monsieur Verdoux*: "Wars, conflict — it's all business. One murder makes a villain; millions, a hero. Numbers sanctify, my good fellow!" Whether Chaplin had Tolstoy in mind or no, I do not know. At least, what we see in both is an extreme reasoning that unsettles the mundane notion about war.

Such defamiliarization and Tolstoy's penchant for numbers and mathematical logic is also observed in his later pacifist writings. Here is a quote from "Bethink Yourselves," a programmatic essay which appeared during the Russo-Japanese war, and which was instantly translated into

Japanese and gave an immense influence on the Japanese peace movement:

Тысячи несчастных уже стонут и корчатся от жестоких страданий и мучительно умирают в японских и русских лазаретах, с недоумением спрашивая себя, зачем сделали над нами это ужасное дело, и другие тысячи гниют в земле и над землей или плавают по морю, распухая и разлагаясь. И десятки тысяч жен, отцов, матерей, детей оплакивают своих ни за что погубленных кормильцев. Но всего этого мало, и готовятся все новые и новые жертвы. Главная забота начальников убийства в том, чтобы с русской стороны поток пушечного мяса — трех тысяч человек в день, обреченных на погибель, ни на минуту не прерывался. (*Polnoe sobranie sochnenii XXXVI 143*)

We, thus, find that Tolstoy's later pacifist writings are the direct development of his earlier military narratives, both in their ideas and in their literary techniques. Of course, his radical pacifism is still in an underdeveloped, dormant stage in *Sevastopol Sketches*. As I mentioned earlier, the first and the last sketches are more or less patriotic in nature, almost valorizing the Crimean War. Even in the second sketch his position is rather ambivalent. For instance, at the end of the sketch he writes thus:

Yes, there are white flags on the bastions and the trenches but the flowery valley is covered with dead bodies. The glorious sun is sinking toward the blue sea, and the undulating blue sea glitters in the golden light. Thousands of people crowd together, look at, speak to, and smile at one another. And these people—Christians professing the one great law of love and self-sacrifice—on seeing what they have done do not at once fall repentant on their knees before Him who has given them life and laid in the soul of each a fear of death and a love of the good and the beautiful, and do not embrace like brothers with tears of joy and gladness.

The white flages are lowered, the engines of death and suffering are sounding again, innocent blood is flowing and the air is filled with moans and curses. (174-75)

But after this passage in the original version of the sketch that appeared in the journal *Sovremennik* one reads a following sentence, which quite undermines the pacifist policy, expressed above: "Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной кров, родную землю" (*Polnoe sobranie sochnenii IV 229*). This sentence is, however, omitted

in later editions, showing the trajectory of Tolstoy's pacifist ideas towards the extreme, radical denial of any warfare, including the defensive one. Thus, ultimately, warfare is considered and described by Tolstoy as essentially meaningless and this is to radically shock the ordinary consciousness of the readers.

Now, Tolstoy was the most influential source of pacifism in the Japanese thinkers in the early twentieth century. Other pacifist traditions were not particularly paid attention to. The major competing traditions were English and the North European, with which Tolstoyan pacifism was, actually, considerably alien. This is typically demonstrated at the Pacifist convention of Stockholm in 1909. Tolstoy was invited to the conference and prepared a preliminary lecture to preach his version of total pacifism and non-violence. He was first willing to attend the conference and read the lecture himself, but after all he could not participate. The lecture was sent to them, but the organizers of the conference were embarrassed by the content of the lecture, and finally decided not to read it. It is no wonder as their idea was to rationalize warfare, to think of the reasonable means to control the war, an idea completely incompatible with Tolstoy's idea that warfare was essentially meaningless and insane and that there was no other means than to totally abolish it.

Apparently, Tolstoy's radical pacifist ideas were more influential on the Japanese peace movement than the British, or the North European versions of it. The result was the irrational approach, as it were, of the Japanese pacifist movement, its tendency to emphasize the essential lunacy, hence, the infeasibility of the warfare, rather than the approach to rationally and practically control the war and create the peace.

For instance, a novelist, Kinoshita Naoe, was one of the pacifist thinkers, with whom the ideas of Tolstoy found the most direct influence. In the essay, "The Belligerent Race" he writes:

I, together with all the comrades of the world, insist on the injustice of the war and call for the complete abolition of the armaments of all the nations. For it is absolutely a sin of mankind. People laugh at me, saying that, as the law of the jungle, the principle of the survival, is the common law of all living beings, the expansion of the armaments is, after all, a natural demand of a nation. However, I ask: "Who is it that approves of such a law as a standard?" It is he who simply

admits openly the sin of mankind. It is a shame. How can we justify it? People also insist that the armaments of the nations are the guarantee of the world peace. The nation which abandons it will perish before all. These people, excited by patriotic sentiments risk their lives and strive to enhance military affair. How silly patriotism is! (...) To defend a means which we tentatively call a "nation," we interrupt our final goal of the world peace. People often call me stupid or insane. I personally feel that they have lost their mind themselves. (350)

Here the writer directly echoes and almost repeats Tolstoy's arguments. And just like Tolstoy, the war is represented as some kind of lunacy.

What exactly was the significance of the fact that the Japanese version of pacifism was Tolstoyan rather than English, I am not ready to explain away. The purpose of this paper is to show that the Japanese pacifism was largely constructed on Sevastopol sketches and on Tolstoy's version of pacifism which functioned on the binary opposition of reason and madness. Peace (or war) has been something that one has to consider in the interplay of mental normalcy or abnormality.

At the bottom of the Japanese pacifism was the image of "this originally beautiful landscape (of Crimea)," described by Tolstoy. The landscape arouses in Volodia a heroic, patriotic wish for war, a wish only to be unexpectedly revealed by the author later as essentially unintelligible and lunatic.

Barker, A. J. The War against Russia 1854-1856. NY: Holt, 1971; Kinoshita Naoe shu. Meiji bungaku zenshu 45. Tokyo: Chikuma shobo, 1965; Meiji shijin shu I. Meiji bungaku zenshu 60. Tokyo: Chikuma shobo, 1972; Tennyson. Poems and Plays. Ed. T. Herbert Warren. London: OUP, 1971; Tolstoy, Lev. Polnoe sobranie sochinenii 4. Ed. V. G. Chertkov. Moscow, 1935; Tolstoy, Leo. Short Stories. New York: The Modern Library, 1964.

*МАМУТОВА З. А., старший научный сотрудник
Музея истории и культуры крымских татар
Бахчисарайского государственного историко-
культурного заповедника*

РЕМОНТЫ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА ЗА ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД

Объектами Бахчисарайского Государственного историко-культурного заповедника (БГИКЗ) являются памятники истории и архитектуры крымских татар. Материальное наследие крымцев отражает жизненные процессы на полуострове с древнейших времен до наших дней. Особый интерес представляют исторические объекты, расположенные на территории г. Бахчисарая — столице Крымского Ханства. Город был центром культурной жизни этого государства в 15-18 вв. Среди сохранившихся памятников того времени Дворец крымских ханов — архитектурный комплекс 16-18 вв. Бахчисарайский дворец-уникум. Он — единственный памятник средневековой садово-парковой архитектуры в Украине, один из самых старых среди существующих исторических парков и дворцовых комплексов республики, наследие крымских татар периода расцвета культуры, национальное достояние Украины.

В прошлом площадь дворца охватывала территорию в 4,27 га. До наших дней многие постройки комплекса не сохранились и ныне он занимает площадь в два раза меньше прежней. В состав памятника входят здания различные по назначению, которые объединены между собой Большой дворцовой площадью: Большая ханская мечеть, Свитский корпус с Северной надвратной башней, Главный корпус, Жилой корпус, Гаремный корпус, Соколиная башня, Конюшенный корпус с Южной надвратной башней, мавзолей Дюрбе на ханском кладбище, бани Сары Гузель.

Официальная история основания комплекса датируется первой третью 16 в. В течение двух с половиной веков он был центральной резиденцией крымских ханов (до 1787 г.).

За этот период дворцовые постройки аккумулировали в себе опыт и творчество мастеров различных профессий: архитекторов и строителей, резчиков по дереву и камню, живописцев и каллиграфов.

После захвата Крыма Россией, ханский дворец подвергся многочисленным ремонтам и переделкам, которые повлияли на его первоначальный облик, т.к. ремонты производились посредственными мастерами. Исключение составляет ремонт 1820-30-х гг. под руководством архитектора Ф.Ф. Эльсона. Современники этого ремонта утверждают, что в результате восстановительных работ, произведенных Ф.Ф. Эльсоном, дворец приблизился к своему первоначальному виду. (1)

В начале 20 в. была предпринята попытка научной реставрации памятника. Основанием послужило заключение архитектора Г.И. Котова, «он установил, что еще есть полная возможность возратить существующим зданиям дворца тот вид, какой они имели при ханах, указав на совершенно нетерпимые в них позднейшие переделки и малярные перекраски; обратил внимание на необходимость дальнейшего исследования дворца, составления точных, подробных чертежей и рисунков дворца и частных древних зданий г. Бахчисарая.» (2). С 1900 г. по 1908 г. в ханском дворце велись исследовательские работы Научно-Художественной комиссией от Департамента общих дел М.В.Д. России. За 8 лет были изготовлены чертежи раскопов, фотографии, акварельные рисунки, собраны образцы деревянных резных деталей у жителей города. (3). Весь исследовательский материал остался не востребованным.

Толчком для новых идей послужили события произошедшие в феврале 1917 г. — свержение царизма в России. В октябре 1917 г. в ханском дворце основывается музей тюрко-татарской культуры.

В ноябре-декабре 1917 г. Бахчисарайский дворец становится центром политической жизни крымских татар — здесь проходил первый Курултай. На форуме, наряду с политическими и экономическими проблемами, рассматривались вопросы культуры, истории, искусства. В отношении ханского дворца было принято решение: использовать историческое наследие в качестве национального музея, как источник национального возрождения. Дворцовый комплекс носитель элитного искусства. Он должен был стать местом сбора информации об истории крымцев, о его политическом статусе в прошлом, об искусстве. (4)

Возглавил музей У.А. Боданинский. Под его руководством ведется работа по изучению археологии и этнографии крымских татар, исследуется архитектура и история строительства дворца, исследуются старые строительные технологии. Собранный материал позволил восстановить рецептуру древнего связующего раствора для кладки — «хорасан», были проведены ряд опытных работ на образцах.(5). С целью ведения научной реставрации ханского дворца из г. Ленинграда были приглашены архитекторы. Изыскания и реставрацию возглавил проф. Голландский.

Сталинские репрессии 1930-х г.г. обернулись трагедией для крымскотатарской интеллигенции. У.А. Боданинский в 1937г. был обвинен в национализме, а 17.04.1938г. расстрелян. Начатая им работа по изучению истории Бахчисарайского дворца и его реставрации должного завершения не получила. О результате последующей реставрации в газете «Красный Крым» от 21.08.1940г. сообщалось: ...в 1937г. под руководством проф. Голландского проводились большие реставрационные работы в Бахчисарайском дворце. Но работы эти принесли больше вреда, чем пользы. Так, неизвестно зачем были сняты ценные наружные настенные росписи, исполненные в середине 18-го столетия.(6)

Война 1941-45г.г., а затем депортация крымских татар из Крыма 18 мая 1944г. стали трагедией и для ханского дворца: как материальный свидетель культуры крымских татар он был вне закона.

Следующий этап возрождения научной реставрации дворца относится к 1960-80г.г. Киевскими реставрационными мастерскими института «Укрпроектреставрация» были проведены большие работы изыскательского и реставрационного характера. В результате творческой деятельности группы, возглавляемой архитектором Е.И. Лопушинской, за 20 лет был собран большой научный материал по объектам ханского дворца. В 1983г. была составлена Генеральная Программа по дальнейшему изучению каждого объекта и поэтапной реставрации всего комплекса. Препятствием для проведения в жизнь Программы послужил развал государства С.С.С.Р. В 90-е г.г. научная реставрация дворца остановилась.

Последующие работы, производимые на объектах памятника, носят характер локального ремонта. Работы по составлению проекта научной реставрации не производятся.

В 1997г. были составлены Акты технического состоя-

ния зданий Бахчисарайского ханского дворца. Обследования показали ухудшение технических характеристик памятника. Основные причины разрушений: нарушение кладки черепицы, протекание крыши, намокание конструкций чердачного перекрытия и остова. В результате древесина различных частей зданий подвержена гниению. Разрушение и ветхость кровли снижает несущую способность стен, наблюдается повреждение и трещины, просадка кладки стен.

В сентябре 1999г. ветхость крыши памятника достигла критического момента. Во время осадков протекали здания комплекса, которые являются наиболее ценными в плане историческом, художественном, материальном: Большая ханская мечеть, Главный корпус, Жилой корпус, Свитский корпус.

В связи с этим были приняты меры по перекладке черепицы указанных зданий. Исполнитель работ ЗАО «Крымреставрация», прораб Э.Сарана с бригадой строителей-реставраторов.

Всего по объектам ханского дворца эта бригада за 1999г. освоила 104798грн. Из этой суммы заказчик(БГИКЗ) 61456грн.(большую часть) направил на благоустройство территории (мощение дорожек диоритом), 42342грн. — на текущий ремонт памятника, в т.ч. частично на перекладку черепицы.

Черепичные крыши из «татарки» необходимо раз в 15-20 лет перекладывать вновь.(7) Своевременные профилактические ремонты могут сохранить памятник архитектуры от разрушения, тем самым можно сэкономить средства, не доводя здания до аварийного состояния. Освоенная сумма показывает финансовые возможности заповедника: на исполнение проекта научной реставрации памятника архитектуры деньги у организации есть. Реально ежегодно вести научно-изыскательскую работу по выпуску научно-технической документации и параллельно осуществлять поэтапно научную реставрацию дворца своими средствами.

Состоянием памятников материальной культуры обеспокоена крымскотатарская общественность. Вопрос реставрации ханского дворца был поднят на государственный уровень Меджлисом крымскотатарского народа после президентских выборов 2000г. Перед президентом Украины Л.Д.Кучмой, наряду с политическими, экономическими, культурными проблемами коренных жителей Крыма, был постав-

лен вопрос о выделении средств на реставрацию Бахчисарайского ханского дворца.

Безусловно, для восстановления памятника архитектуры национального значения необходима государственная поддержка. Со стороны Президента была обещана финансовая помощь общей суммой 15млн.грн. Средства должны были поступать ежегодно в течение трех лет для последовательной реставрации объектов дворца.(8)

Обещанные средства поступили в октябре 2003г. Согласно «Сборника нормативно-правовых актов А.Р.К.» (№10,2003г.), постановления №896 о распределении средств резервного фонда Госбюджета Украины на проведение неотложных противоаварийных работ на объектах БГИКЗ». С целью обеспечения освоения выделяемых средств в объеме 1.5млн.грн. Сов.Мин. А.Р.К. 28.10.03г. постановил: Утвердить распределение средств на проведение неотложных противоаварийных работ. Далее был дан список объектов БГИКЗ:

Первоочередные противоаварийные ремонтно-реставрационные работы(РРР) на памятнике архитектуры 17-18в.в. мечеть Исмихан г.Бахчисарай — 137820грн.

Первоочередные противоаварийные Р.Р.Р. на памятнике архитектуры 19в.,бывшая кофейня. г. Бахчисарай — 181117грн.

Первоочередные противоаварийные Р.Р.Р. на памятнике архитектуры и археологии 15в. дюрбе Хаджи Герая, г. Бахчисарай — 86254грн.

Первоочередные противоаварийные Р.Р.Р. на памятнике архитектуры 16в. бани Сары-Гузель, г. Бахчисарай — 222398грн.

Первоочередные противоаварийные Р.Р.Р. на памятнике архитектуры нач. 16-18в.в. Ханский дворец, г. Бахчисарай, дюрбе Диляры Бикечь — 106301грн.

Первоочередные противоаварийные Р.Р.Р. на памятнике архитектуры нач. 16-19в.в. Ханский дворец, г. Бахчисарай, Главный корпус — 341647грн.

Первоочередные противоаварийные Р.Р.Р. на памятнике архитектуры нач.16-19в.в. Ханский дворец, г.Бахчисарай, Большая Ханская мечеть (Биук Хан Джами) — 74730грн.

Первоочередные противоаварийные Р.Р.Р. на памятнике архитектуры нач. 16в. Зынджирлы медресе по ул. Басенко, 57, г. Бахчисарай — 349733грн.

Всего — 1 500000грн.

Из вышесказанного мы видим, что средства были направлены на противоаварийные работы в конце октября. В данном списке отсутствуют еще два объекта, которые также были охвачены ремонтом. Это мавзолей на ханском кладбище в ханском дворце и мавзолей Мухаммед Герая в Азизе г.Бахчисарай.

Работы на памятниках начались проводиться с 1.09 03г., т.е. до утверждения количества объектов и распределения средств. Генподрядчиком по исполнению противоаварийных работ был ЗАО «Крымреставрация».

Охрана и реставрация памятников обеспечивается соответствующими законодательными актами. Согласно закона Украины об охране культурного наследия (ст.5. 26) — любые виды работ, в т.ч. и ремонтные, на памятниках национального значения, каким является Бахчисарайский ханский дворец, должны производиться при наличии научной проектной документации и письменного разрешения центрального органа по охране культурного наследия (Государственная служба по охране культурного наследия, г. Киев).

В состав научной проектной документации входят:

1.Акты технического состояния объектов;

2.реставрационное задание, выданное профильной организацией;

3.составляется научно-реставрационная документация, которая проходит утверждение соответствующих инстанций, и лишь потом выдается разрешение к работе.

На 01.09.03г. научная проектная документация по реставрации ханского дворца была недоукомплектована, существующая морально устарела, т.к. исполнена была в 80-х—90-х г. г. 20 в. Срок действия рабочей документации 3года. Вышеуказанная организация «Крымреставрация» приступила к работам без разрешения Государственной службы по охране культурного наследия и без какой-либо проектно-сметной документации. Для проведения первоочередных противоаварийных работ была составлена смета. На 08.09.03г. она еще не прошла утверждения, т. е. «Крымреставрация» на этот момент не имела допуска к производству работ. Выполняемый на объектах Бахчисарайского дворца ремонт исполнялся аврально и классифицировать его можно как косметический.

В производстве работ были допущены грубые нарушения, не соблюдались технологические процессы реставрации памятника архитектуры:

Отбивалась топорами и молотками штукатурка на цоколе южного фасада Свитского корпуса, на смежной стене Бассейного садика и входа в Посольский дворик;

Обнаженные гнилые деревянные связи в стенах указанных объектов заштукатуривались, либо вынимались и заштукатуривались, вместо того, чтобы заменять на целые;

В штукатурном растворе использовался цемент, что недопустимо на средневековом памятнике — ускоряет процесс разрушения;

На галерее Свитского корпуса двери с живописью были зашпаклеваны современным составом, который не выдержал и одного сезона — отслоился;

Филенчатая роспись на галерее Свитского корпуса содрана была шпателем и был уничтожен зондаж 70-х г. г. роспись 18-го в. роспись полностью заменена новой.

Старую штукатурку аркады Свитского корпуса сбили, тогда как ее полагалось укрепить;

При благоустройстве Большой площади ханского дворца не был учтен ее прежний уровень — путем завоза грунта для газонов еще и завышен. Это способствует капиллярному подсосу влаги стенами зданий.

Во время ремонта 2003г. заповедник освоил значительные средства. За четыре месяца (с сентября по декабрь) были выделены из бюджета Украины — 1,5млн. грн., из бюджета АРК — 2млн. грн., из средств заповедника — 0,8млн.грн. В общей сложности выделенная сумма составляет 4,3 млн. грн. (газета «Голос Украины», 25.12.03г.).

Согласно представленной информации в газете «Голос Украины» (см. выше) производимые работы называются реставрацией. Там же сообщалось о внесении Бахчисарайского ханского дворца в список кандидатов по присвоению статуса памятника всемирного наследия Комиссией ЮНЕСКО. Цель реставрации «воссоздать абсолютную первозданность, аутентичность на период жизни ханов». Одним из обязательных условий ЮНЕСКО: реставрация должна производиться с использованием строительных технологий и строительных материалов, соответствующих 16-18в.в. Лишь после этого дворец сможет претендовать на статус памятника всемирного наследия.

Совет Министров АРК работы 2003г. квалифицирует проведение неотложных противоаварийных работ на объектах БГИКЗ. Это определение позволяет в отсутствие проек-

та научной реставрации использование современных строительных материалов.

Из вышесказанного следует, что процесс научной реставрации дворца отсутствует. Вопрос о восстановлении исторического памятника поднимался задолго до поступления финансов — в 2000г., т.е. за три года можно было подготовить исследовательский материал. Согласно сведений, в газете «Голос Украины», доходы БГИКЗ позволяют заповеднику расходовать ежегодно на научную реставрацию порядка 1млн. грн.

Проводимые работы на объектах ханского дворца в последние годы — 2004, 2005, по своему характеру не изменились. В помещении Посольского зала содран подвесной резной деревянный потолок, хотя он был поврежден фрагментарно, со стены северо-западного угла была содрана старая штукатурка. С окон Золотого кабинета спилены буковые декоративные решетки 18 в. и заменены металлическими из современной арматуры. Работы велись также на фасадах Летней беседки: расчистка с последующей окраской. Но и простые работы по снятию старых красок и покрытие деревянных деталей новой краской сопровождались грубыми нарушениями: были разбиты старые стекла на окнах, подпалена подушка на пристенном диване. В Бассейном садике со стены смежной с Гаремным двором была содрана штукатурка с фресковой росписью 17 в., заменена штукатуркой на цементно-известковом растворе. В этой же стене со стороны Гарема произошли вывалы каменной кладки в двух местах. Площадь разрушения порядка 10кв.м. Причиной послужила штукатурка на цементном растворе: именно под ней связующий раствор кладки стены потерял свою прочность.

В 2005г. велись работы по ремонту интерьера Зала Дивана организацией «Обериг», рук. О. Кушлик. На высоту ок. 2м была отбита старая штукатурка. На западной стене оставались фрагменты левкасной росписи 17 в., их не стало. Раствор новой штукатурки исполнен на основе сухого состава штукатурки «Функазил» для наружных работ, производства ФРГ. Материал предназначен для вытягивания влаги из стен, камня. Исполняется в местах хорошего проветривания. В случае с Залом Дивана, памятником архитектуры 16 в., исполнен внутри помещения. Всю зиму стены в помещении на высоту ок. 2м были мокрыми — из-за новой штукатурки. Такого конденсата до ремонта в Зале не

наблюдалось. По новой штукатурке исполнен трафаретный рисунок.

В Гаремном дворике в 2005г. в попытках археологических исследований был разрушен старый водовод из гончарных труб, который вел к Золотому фонтану.

К сожалению, перечень негатива можно продолжить. Эмпирический ремонт на памятнике архитектуры 16-18 в. путем стремления приданию дворцу впечатления законченности лишь разрушает его. В тоже время научная реставрация гарантирует уважение к оригиналу и стремится исключить возможные дополнения и искажения. Сохранение или же разрушение Бахчисарайского ханского дворца — этого уникального памятника садово-парковой архитектуры, в руках администрации заповедника, а именно в руках нынешнего его директора Петрова Е.В.

ЛИТЕРАТУРА: 1. В. Геригросс. Ханский дворец в Бахчисарае. С-Петербург., 1912г; 2. Известия императорской архивной комиссии. Вып.34. С-Петербург., 1910г; 3. Известия императорской архивной комиссии. Вып.34. С-Петербург., 1910г; 4. Ю. Кандымов. 1917с. Къурултай. О насыл олгъан эди. г. Бахчисарай., 1991г; 5. У. Боданинский. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. г. Симферополь., 1930г; 6. П. Касаткин. «Беречь архитектурные памятники». Газ. «Красный Крым», 21.08.1940г; 7. Информация от старого мастера, строителя Сеит-Умер Халил Сулейман-огълу Сачакъ, г.р.1918, г. Бахчисарай; 8. Газета «Къырым», №44. 2002г.

**МАРЦЕНЮК Р. О., канд. іст. наук,
директор Центру історії та етнополітики
Інституту культурологічних та етнополітичних
досліджень ім. Іларіона Київського при МАУП**

КОЛОРИТ КРИМСЬКИХ ТАТАР В ЕТНІЧНІЙ ПАЛІТРИ УКРАЇНИ

Історія не терпить умовностей. Вона була, є і завжди буде такою, якою вона є. Вона не любить облудництва і облудників, бо все одно правда стане відомою, а облудники будуть викриті. Прикладів цьому достатньо. Як часто поразки ставали перемогами, героями ті, які ними не були, кривда виставлялася правдою, а життя окремої людини не було варте нічого. Але проходив час, змінювалися обставини, приходили нові дійові особи і історія отримувала можливість оцінити власне значення і значення сучасності — не тільки подій, що залишилися у минулому, а ще й тих, що тривають...

Тому розпочавши загальною працею «Національні меншини України: історія та сучасність» Інститут культурологічних та етнополітичних досліджень ім. Іларіона Київського при МАУП продовжує видання наукових пошуків з історії культури етносів, що населяють територію України.

З кримськими татарами, чи правдивіше кримцями нас пов'язує багатостолітня історія. Взаємини із ними складаються ще задовго до приходу татарських племен під керівництвом монголів у складі військ Чингіз-хана, коли вони осіли в Криму. Проте, офіційна наука притримується думки, що сучасні кримські татари — це нащадки тих хто, перемігши руських князів на р. Калці у 1223 р. опанували Кримський півострів, захопивши тодішній руський Сурож, а нинішній Судак. Теплий і своєрідний природним різнобарв'ям Крим став їхньою батьківщиною. Але у їхньому етногенезі взяли участь і давні племена таврів, кіммерійців, скіфів, сарматів, аланів, генуезців, греків, а тому говорити тільки про східний фактор формування кримських татар не випа-

дає, тим більше, що це підтверджується і сучасними дослідженнями.

З того часу кримські татари проходять у плині віків спільної історії з українцями.

Особливо яскраві сторінки взаємовідносин України і Криму склалися у час існування у пониззях Дніпра козацької держави — Запорізької Січі. Скільки залишилося нам з того часу татарських топонімів, гідронімів, прізвищ; цю сторінку історії збережено у фольклорі, усній народній творчості...

Образ кримських татар в українських підручниках та масовій свідомості має на собі відбиток ідеологеми християнсько-ісламського протистояння, помноженої на антитатарські інвективи радянської історіографії, спрямовані на виправдання депортації 1944 року. Стереотип «зрадливих» татар досі побутує в популярній літературі, тому завданням цього видання було по-новому переосмислити українсько-кримськотатарські взаємини не лише минулого, але й сучасного.

Тривале співіснування двох народів відобразилось на їхній культурі. Ще М. Лисенко звернув увагу на подібність української бандури та кримськотатарської бзури, а сучасні дослідники вважають, що поява перших зразків української кобзи була результатом культурного впливу Криму. Відчутний тюркський вплив на славетний образ «Козака Мамає» доведено дослідженнями Я. Дашкевича.

Економічні відносини України та Криму за середньовіччя склалися через чумакування. Кримські хани повідомляли запорожців про час осідання солі і запрошували приїздити по неї. Козаки, у свою чергу, дозволяли татарам випасати худобу в запорозьких степах на випадок неврожаїв у Криму. В 1624 р. запорожці прийняли повсталих кримських ханів Мехмеда та Шагіна Гіраїв і здійснили похід до Криму, де втрутилися в боротьбу за ханський престол.

Звичайно, ідилічна картина сусідства двох народів не буде правдивою, але й змалювання її як «одвічної» конфронтації є грубим спрощенням. Доречніше — намагатися зрозуміти позицію кожної сторони і не поспішати з однозначними висновками.

Неправильним є уявлення про кримських татар, як народ, який жив тільки грабунком сусідів. У XV—XVI ст. Крим експортував хліб, будучи «житницею Константинополя». Слід пам'ятати, що в Криму жили не самі кримські татари. У степовій частині півострова мешкали ногайці. Про

відмінність у господарюванні цих народів пише генуезький префект Кафи д'Асколі (1634 р.): «Кримські татари орють і сіють, їдять звичайний пшеничний хліб. Ногайці не сіють і не жнуть, харчуються напівсирим м'ясом»¹.

У підтвердження цього російський історик В. Возгрін висунув провокативну тезу, що основну масу учасників набігів по ясир становили ногайці, а не кримські татари, багато з яких, у свою чергу, сплачували спеціальний податок на право не вирушати в похід, не бажаючи відволікатися від власного господарства. Утім слід розуміти, що причиною цих набігів був превалюючий спосіб господарства Криму — кочове скотарство, а не «кровожерливість» або войовничість кримських татар.

Варто також зазначити, що найбільше місто торгівлі людьми Кафа (сучасна Феодосія) було генуезьким, не підпорядкованим хану. Щоденникові записи європейських мандрівників XV—XVI ст. засвідчують, що християни становили значну частину не лише серед рабів, а й серед покупців і продавців на невільничих ринках Криму.

Українська й кримськотатарська історія багата на свідчення про походи українців в Крим, і навпаки, кримців в Україну. Адже навіть постання Запорізької Січі наприкінці XV ст. спонукалось, як одним із чинників, і постійною загрозою турецько-татарських вторгнень.

Уже принаймні у 20-х рр. XVI ст. козацькі поселення було засноване аж поблизу татарських кочовищ, з приводу чого хан Сахіб-Гірай висловлював невдоволення в 1527 р. литовському уряду. Освоєння «Дикого поля» (степи між Дністром і Доном) козаками вела до зростання контактів із кримськими татарами.

У XVI Річ Посполита почала активно використовувати українське козацтво у власних політичних іграх з Туреччиною та Кримським ханством. Але в самій Україні прокотилася хвиля козацьких повстань 1591-1596 рр., яка розпочала період півстолітнього козацько-польського протистояння, що закінчився національно-визвольною війною українського народу.

Особливо активними морські походи козаків на Крим стали на початку XVII ст. У 1616 р. після вдалих походів на турецькі фортеці — Ізмаїл, Анкерман, Кілію, козаки здобули Кафу, та визволили тисячі бранців. Серед українських геть-

¹ Цит. за: Портнов А. Закони близького сусідства: з історії відносин України та Криму // День. — 2000. — 28 квітня.

манів у морських походах супроти Туреччини найбільше відзначився П. Конашевич-Сагайдачний.

Подальше протистояння із Річчю Посполитою та назрівання більш активного вибуху національно-визвольних змагань спонукало до пошуку нового союзника. Очільник національно-визвольної війни 1648—1654 рр. Б. Хмельницький такого союзника отримав в особі кримського хана Іслам-Гірая III. Отже, історія взаємовідносин українців і кримських татар набирала нових обертів.

Новітнім дослідженням історика І. Стороженка доведено, що метою союзу Хмельницького із Кримом була ліквідація оперативно-тактичної переваги польської армії шляхом поєднання козацької піхоти і татарської кінноти, що вважалася у той час однією з найкращих у Європі. Значення цієї кінноти добре розуміли і Хмельницький, і поляки, як супротивники.

Кожна із сторін покладала на цю угоду певні надії. Саме стратегічні геополітичні інтереси примусили Б. Хмельницького піти на такий крок. З укладенням цієї важливої угоди вперше створювалася ситуація, коли на весь період воєнних дій була відвернена загроза грабіжницької навали на Україну з боку кримських татар. Це давало можливість усі сили повстанців кинути проти польської шляхти та її союзників. Кримський хан вбачав у цьому договорі вигоди політичного та економічного характеру, сподівався на воєнну здобич та ясир (полонених).

Розвиток відносин Криму з Україною, які почалися від підписання Бахчисарайської угоди, носив позитивний характер: у боях першої половини 1648 р., коли фактично була знищена вся наявна армія Польщі в Україні, вагомим був внесок 4-тисячного загону татарської кінноти під проводом Тугай-бея (битви в урочищі Жовті Води і під Корсунем). Вдало була використана татарська кіннота і під час Пилявецької битви.

З початком воєнних дій у 1649 р. зацікавлений поразками поляків хан Іслам-Гірай уже сам вів свої добірні війська до Б. Хмельницького. Кочівники з великою охотою вирушили на Україну, тим більше, що їх підганяла небезпека голоду, яка нависла в той час над Кримом, та початок епідемії чуми.

Але й події визвольної війни продовжували розвиватися у тісному контакті з крицями. Б. Хмельницький вже й сам не міг обійтися без союзника — кримського хана.

І на весні 1649 року, дізнавшись про наступ польської шляхти на Україну, посилав до Бахчисараю свого сина Тиміша. Мета приїзду молодого гетьманича була у тому, щоб якомога швидше заключити новий воєнний союз з ханом.

Через сина Хмельницький пропонує Іслам-Гіраю III вигідні умови, за якими кримські татари безперешкодно могли перетинати кордони Гетьманщини, брати данину з населення, брати в необмеженій кількості «ясир» (відкупні), а також гетьман зобов'язувався від імені козацької старшини платити кримцям за допомогу чи грошима, чи трофеями. Однак Іслам-Гірай не поспішав з відповіддю. У Бахчисараї в той час перебували польські посланці.

Але, на початку травня, кримський хан оголосив Тимішу про свою згоду спільно з козаками йти війною на ляхів.

З Кримського ханства вирушило 150-тисячне військо, очолюване самим Іслам-Гіраєм III. У цьому поході хана супроводжували брати Азамат-Гірай і Аділь-Гірай, візир Сефер-Гази та краці сераскіри ногайських орд.

На початку червня 1649 р. у містечку Животово відбулася зустріч Іслам-Гірая і гетьмана. У ході переговорів було вирішено розділитися і обом військам зійтися вже під Збаражем. У 20-х числах червня кримці переправились через ріку Случ і 28 червня з'єдналися з козаками біля Збараської фортеці, де знаходилися війська поляків під проводом князя Яреми Вишневецького.

На світанку 29 червня почалася облога Збаража. Польський король, вважаючи, що Хмельницький не зніме облоги, поки фортеці не буде взято, приймає рішення з'явитись з армією найманців під Збараж і вдарити у тил повстанцям. Дізнавшись про плани короля, союзна армія залишає достатньо війська під стінами фортеці, а з головними силами таємно, подолавши 120 км, зупиняється поблизу Зборова.

Пліч-о-пліч воювали українці та кримські татари: Карач-бей і Данило Нечай, Аділь-нур-ад-дін і Іван Богун, ногайська кіннота тощо. Польське військо знаходилося у катастрофічному положенні. Тоді ж Ян Казимир відправляє парламентарів у табори хана і гетьмана з пропозицією вступити у переговори.

Б. Хмельницький був затиснутий у лещата не лише внутрішньої політики, але й лавірування у зовнішній політиці: поміж сусідами не завжди дозволяло обрати найоптимальні-

інший варіант, яким і виявилось підписання Зборівського договору у серпні 1649 р.

Цю та наступну подію, битву під Берестечком у 1651 р., звикли трактувати як зраду кримського хана перед Хмельницьким. Але по іншому ці події трактують альтернативні дослідження, і серед них кримські автори.

Комплексний аналіз ситуації під Зборовом і Берестечком дозволив уже згаданому І. Стороженку висвітлити причину поведінки татар, яку, як правило, називають «зрадою». Зокрема, було виявлено, що час проведення Берестецької битви збігся з релігійним святом Курбан-байраму, під час якого мусульманам заборонено вести війну. На прохання Хмельницького, татари таки вийшли на поле битви, але після вбивства хана Амурата, який упав головою в бік, протилежний розташуванню ворога, вони почали рятуватися втечею, розуміючи це як знак Аллаха про негайний відступ. Звісно, що для козацтва цей вчинок був не зрозумілим, а вже тим більше для наступних історіографів.

Слід відповісти на принципове запитання: чим керувався Кримський ханат, укладаючи угоду із Хмельницьким? Вірогідно, насамперед йшлося про збереження такої нетривкої рівноваги сил між Річчю Посполитою, Москвою, Османською імперією в регіоні. Пізніше спілка Хмельницького з російським царем відчутно посилила позиції Москви, історичним наслідком чого стала поетапна ліквідація Гетьманщини (1764 р.), Запорозької Січі (1775 р.), Кримського ханства (1783 р.), Речі Посполитої (остаточний, третій її поділ — 1795 р.).

Але у воєнній кампанії 1652 р. Б. Хмельницький знову опирається на допомогу кримських татар: у результаті блискавичної перемоги у травні над 20-тисячною польською армією на Брацлавщині під Батогом знову на більшій частині України була ліквідована влада Польщі.

З 1653 р. кримський хан все частіше не виконував своїх союзницьких зобов'язань. Татарські загони, які прибували на Україну з початком чергової польсько-української воєнної кампанії, як правило, не йшли на з'єднання з козацьким військом, а були захоплені отриманням трофеїв та ясиру. Справа нерідко доходила до збройних сутичок між козаками й татарами. На «чорній раді» (червень 1653 р.) козаки висловили обурення діями союзників та почали вимагати якнайскорішого завершення війни, яка жорстоко руйнувала край.

Восени 1653 р. під час останньої битви періоду визвольної війни поблизу Кам'янця-Подільського під Жванцем татари врятували королівське військо поляків від остаточного винищення. Іслам-Гірай 5 грудня 1653 р. уклав з королем Яном-Казимиром сепаратну угоду. Ці ворожі дії примусили Б. Хмельницького зняти облогу і відвести свої війська. А коли татарські загони розсипалися по Україні за здобиччю, вислав козаків громити татар та відбирати ясир, в якому звичайно переважали українці.

З початком 1654 р. Кримська орда з так званого союзника знову перетворилась на відвертого ворога: кримські татари разом з поляками почали пљондрувати українські землі.

Однак не можна говорити про цілковите припинення стосунків між кримськими ханами і українськими гетьманами. У XVII—XVIII ст. спільні дії з кримськими татарами проводили М. Дорошенко, І. Виговський, П. Дорошенко, І. Самойлович, І. Мазепа, П. Орлик. Гетьман І. Виговський домігся від Речі Посполитої внесення до Гадяцького договору 1658 р. статті, яка забезпечувала йому право «бути в дружбі з ханом кримським». Гетьман І. Самойлович добивався від Московії включення до Бахчисарайського договору з Туреччиною 1681 р. положення про необхідність збереження дружніх стосунків між Україною і Кримським ханством. Але це йому не вдалося — Москва була проти цього.

Щоб зкряй посварити ці народи, за Бахчисарайським мирним договором зобов'язали Туреччину надавати пільги запорожцям: риболовити в південних лиманах і користуватися південними соляними озерами. Та це до розбрату не призвело. Обидва народи розуміли, що вони лише пішаки в руках своїх метрополій.

Для Запорізької Січі Крим відігравав роль завіси від сусідніх держав, що її оточували і зазіхали на політичну, економічну та релігійну свободи. А Крим і кримські татари певний час були запорукою незалежності Січі.

У 1709 р. запорізькі козаки, рятуючись від репресій Петра I, просили взяти їх під протекцію Кримського ханату¹.

Козацько-кримські зв'язки існували як у політичній, так і в економічній сферах. У стосунках переважала торгівля: козаки здавна ходили в Крим по сіль. За мирних часів козаки з дозволу ханів ловили рибу в чорноморських лиманах і навіть у прибережних водах Азова. А запоріжці надавали можливість кримським татарам кочів'я і випасу на своїх землях.

Татари і козаки неодноразово допомагали одні одним у випадку біди або стихійного лиха, причому, без якоїсь попередньої домовленості. Не змінилося ставлення запоріжців до кримців і під час погіршення російсько-турецьких відносин. Вони спільно освоювали соляні озера у ханстві та лісові угіддя в Січі. Коли 1769 р. Гірей напав на південь Росії, запоріжці відмовилися допомагати росіянам. У свою чергу, коли запоріжці під час війни потрапили до турецького полону і перебували на території Криму, хан повертав їх до Січі без будь-якого викупу. В судах Січі і ханства кримські татари і запоріжці користувалися режимом найбільшого сприяння.

Захоплення українських бранців та їх вивезення до Криму спричинило до тривалого перебування на півострові великої кількості українців.

Взагалі ж період XVII—XVIII ст. відзначений певною татарсько-козацькою акультуризацією. Показником її може бути не тільки впадаюча в око схожість у таких звичаях, як гоління голови і борода, у вбранні, зброї та інших об'єктах матеріальної культури, в їжі і навіть тактиці степового кінного бою, але і в збільшенні випадків переселення козаків у Крим, а татар у Січ (про те, що серед козаків було багато татар, вказують їхні імена, що збереглися в джерелах).

Слід також зазначити, що і релігійні відміни не являли собою якоїсь стіни. Якщо раніше обопільне переселення носило поодинокий характер, то з XVIII ст. значна кількість козаків назавжди залишалась у мусульманському світі, який прийняв їх. Особливо значними відходи були в післяполтавський період і у 1775 р., після остаточного розгрому козацької республіки російськими військами.

Підводячи підсумок, можна сказати, що відносини України (Запорізької Січі) і Кримського ханства носили здебільшого взаємовигідний характер — як політичний, так і економічний. І тільки втручання Росії, її експансіоністська політика стала на перешкоді цим відносинам. Кримських татар, так само як українців, на багато років спіткала доля поневірянь і страждань під блиском російської корони.

Але у XVIII столітті не стало Запорізької Січі, не стало й Кримського Ханства. У 1775 р. російською імператрицею Катериною II було зруйновано волелюбне Запорожжя, а у 1783 р. умовами Кючук-Кайнарджирського договору відтор-

гнуте від Оттоманської Порти і перетворене в Таврійську губернію Російської імперії і Кримське ханство.

Відтоді над кримськими татарами навис «злий рок зрадників», спочатку їх звинувачували у прорахунках російської армії, у кримських, російсько-турецьких війнах, а потім — за провали у ході перших місяців Великої Вітчизняної війни, та за те, що опинилися у зоні окупації німців.

Так у XX столітті було зруйновано усі кордони. Безжалісний молох ненависті, смерті зривав сотні тисяч людей з обжитих місць, кидав їх у безвість, розривав родини, вчив забувати рідне, відмовлятися від прабатьківського. Усе минуле століття кримські татари і українці ділили спільну долю — і як казав Т. Шевченко, «забулась срамотня давня година». Тоді ж на долю кримських татар випала насильницька депортація та роки довгого вигнання, а згодом болісне та тривале повернення на рідну землю. По праву можна сказати: нас зблизила спільна трагедія лиховісного XX століття. Репресовані і вивезені в різні гулаги мільйони українців і сотні тисяч кримських татар уже ніколи не повернуться з небуття.

У травні 1944 р. кримських татар безглуздо звинуватили у зрадництві і... депортували. Кримську автономію спішно перейменували в Кримську область РРФСР, змінили давню татарську топоніміку в безлику радянську, а сам народ прирекли жити в далеких Узбекистані, Казахстані, Таджикистані, Далекосхідній Росії та інших краях в «спецпоселеннях» за суворим спецрежимом.

За свою багатовікову історію кримські татари не знали страшніших часів, ніж ті, які випали їм за радянської доби. Але, незважаючи ні на що, борючись за право повернутися на прабатьківські землі, вони змогли зберегти себе як окремий могутній і сильний народ зі своїми стійкими народними традиціями. Їх депортували у 1944 р. з території РРФСР, а повертались вони на... Україну. Адже за час їх відсутності півострів нарешті було повернуто тій державі, якій він і мав належати.

... Їм треба починати все спочатку, поступово долаючи власний тернистий шлях!

Дорога кримських татар додому тривала майже 50 років. Довгі 50 років поневірянь, комендантських годин, неприйняття, відмова у людському поводженні, тавро спецпоселенців і зрадників, арешти за вільнодумство, за знання власної історії, за прагнення повернутися до рідних домівок...

У знамениті «шістдесяті» корінне населення півострову теж підняло свій голос правди і боротьби...

У 1991 р. з розвалом Радянського Союзу кримські татари, як, зрештою, й інші народи колишнього «соцтабору», нарешті отримали можливість повернення до Криму. Але, повернувшись, не застали вони ні старих міст, містечок, сіл, вулиць, усе було чужим і незнайомим, у їхніх будинках уже мешкали нові жильці, які звісно не бажали залишати обжитих домівок; спустіли мечеті і вже ніхто не кличе з мінарету до молитов; на місці цвинтарів – торжища...

Тому проблема повернення та облаштування кримських татар у Криму та їхнє єднання з українським суспільством є унікальним. Цьому не було прикладів не тільки в Україні, але й у світі. Як правило, завдання інтеграції виникали у зв'язку з появою у структурі соціуму нових етнічних общин, відірваних від історичних місць проживання свого народу. Репатріація ж кримських татар – унікальне явище придбання етносом історичної батьківщини. Як відомо, за даними ГУ МВС України в Криму, станом на 1 квітня 2004 року в Автономній Республіці Крим чисельність репатрійованих досягла 265,5 тис. осіб, з них: повернулися і проживають за офіційними даними 243,4 тис. кримських татар (за неофіційними даними – 270 тис. осіб). У тому числі переселилися з Узбекистану – 189 тис. (72%), Казахстану – 21 тис. (8%), Таджикистану – 30 тис. (11,5%), Росії – 19 тис. (7,2%), з інших країн СНД – 3 тис. (1,3%). Більшість депортованих вже оформили громадянство України. Приблизно чотири тис. кримських татар, які повернулися за останні два роки, ще не оформили українського громадянства. Загалом же відсоток кримських татар становно кількості усього населення Криму не перевищує 12%.

Ситуація ускладнюється й тим, що Українська Держава опинилася фактично сам-на-сам із цим завданням: ані Росія, ані Узбекистан, та й інші держави не опікуються долею своїх репатріантів, хоча свого часу у Бішкеку було ухвалено рішення урядів цих країн та інших держав СНД про спільну участь у програмі облаштування переселенців. Забулося напевно, що свого часу депортовані кримські татари зробили величезний внесок у повоєнну економіку цих країн своєю працею як у спецпоселеннях, так і в трудових арміях.

Виступаючи на вечорах-реквіємах, присвячених черговій річниці депортації кримських татар, українські політики щоразу підкреслюють, що незалежна Україна відкриває для

депортованого народу шлях додому. Але не все з обіцяного виконано, недосконалість законодавчої бази та фінансування призводять до гальмування розв'язання наболілого питання у регіоні.

Це тільки підтверджує те, чому саме наш вибір впав саме на кримських татар, і що зовсім не випадково. Власні дослідження ми хочемо розпочати із знайомства з тими етносами, що не мають власної державності за межами України і є сформованими саме на українських теренах. Їм немає ні на кого сподіватися як на самих себе і на нашу молоду державу, законодавством якої вони мають керуватися.

Кримські татари переживають нині найкритичніший і найвідповідальніший період своєї історії – чи зможуть вони відродитися як самобутня етно-культурна спільнота, що склалася історично, чи як меншина, що приречена на поступову асиміляцію та зникнення, розчинення в інонаціональній спільноті півострова.

Якщо порівнювати ситуацію в якій опинилися кримські татари щодо також депортованих у 1944 р. греків, вірмен, німців тощо, чи представників інших етносів, що населяють територію України, то на відміну від них кримські татари не мають власної національної держави за її межами. І тепер перед Україною постала проблема забезпечення існування і прав кримськотатарського етносу.

Тривалість, перспектива та перебіг вказаного процесу перш за все визначаються обмеженими сьогодишніми фінансово-економічними можливостями держави; крім того, облаштування репатріантів вимагає проведення такої політики, яка б не загострювала ситуацію у поліетнічному Криму, слугувала б важливим чинником її стабілізації. Основою такої політики має стати етнополітичний моніторинг, неупереджений аналіз та прогноз впливу всіх чинників, які прямо чи опосередковано визначають коло проблем пов'язаних з інтеграцією кримських татар в українське суспільство.

З іншого боку, час від часу виникає питання статусу півострова та його приналежності. Ні для кого не є секретом – політичні претензії на Кримський півострів з боку певних політичних кіл Росії, які спираються на доволі високий відсоток російськомовного населення півострова. І цей чинник (росіяни і російськомовне населення) при розв'язанні кримського питання не може не враховувати Україна.

З певним розрахунком лунають і думки про політичні претензії Туреччини на Крим, береться до уваги лише факт

колишньої васальної залежності середньовічного Кримського ханства від Оттоманської Порти (зазначимо, що обох держав давно не існує) та чисельної кримськотатарської діаспори в Туреччині. Але не враховують до того ж, розігруючи «турецьку карту», ставлення самої Туреччини до цього питання, та те, що ця держава сама потерпає від відцентрових тенденцій.

Колись півострів до того ж мав стати «Кримською Каліфорнією». У 20—30-х роках ХХ століття були усі можливості утворити на півострові Єврейську автономну республіку.

Знайомлячи читача з кримцями, ми прагнули дати по своєму об'єктивне та всебічне висвітлення минулого та сьогодення одного з найколеритніших етносів України; здійснити власну спробу аналізу культурного надбання, політичних зазіхань на Крим тощо.

Не дивлячись на нинішню потужну інформаційну індустрію, сучасний українець недостатньо поінформований про стан речей у Криму взагалі, у житті кримськотатарського народу зокрема. Нас оперативіно інформують тільки про самозахват татарами земельних ділянок у Криму, про різного характеру демонстрації, протести, пікети. Навколо дійсних «кримських проблем» існує цілковитий інформаційний вакуум. Сподіваємося, що власними дослідженнями ми подолаємо ту зловісну стіну неприйняття і у нашому спільному домі, що зветься Україна, пануватиме спокій та злагода, які заповідали нам наші славні предки.

*МУСТАФАЕВА Л. З., зав. сектором
літератури Музея історії
і культури кримських татар
Бахчисарайського державного
історико-культурного заповідника*

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЮРКО- МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Тема образования, просвещения, духовного развития общества всегда была актуальной и интересной. К вопросу образования обращалось не одно поколение исследователей. Так, например, закрытая ранее тема крымскотатарского просвещения, была широко исследована учеными-историками в 90-е годы XX столетия. И сегодня, изучая уровень, положение, систему, методику образования в тюрко-мусульманском обществе в Российской Империи конца XIX — начала XX веков, в основном речь идет о просвещении среди мужчин. Таким образом, тема женского образования мало исследована и перед нами появляется необходимость изучить ее более подробно.

На рубеже XIX—XX столетий уровень развития образования и обучения в крымском мусульманском обществе был низким и неудовлетворительным. Всю систему народного образования крымских татар в данный период представляли этноконфессиональные школы — мектебе и медресе. В те времена исламские принципы и законы в обучении играли главенствующую роль. Таким образом, основными составляющими в системе просвещения были религия, личность, семья, община. «Отец тюркской нации» Исмаил Бей Гаспринский, так писал о мусульманской системе образования: «Мусульманское мектебе близко соприкасается с общиной и служит дополнением школы семейной, где чуть не с пеленок дитя подвергается неотразимому влиянию отца и матери в деле воспитания в духе ислама, так что ребенок 7-8 лет уже имеет столь

сильную мусульманско-племенную закваску, что удивит всякого новичка-наблюдателя и заставит призадуматься рьяного русификатора» [1].

Школой первой ступени в крымскотатарском народном образовании были мектебе. Само слово «мектеб», «мектебе», «мактаб» обозначало — «место, где пишут». В мектебах детей мусульман обучали основам религии и родному языку. Такой тип учебных заведений охватывал практически все мусульманское население страны. Точных сведений о том, когда появляются первые мусульманские школы, в Крыму нет. Известный ученый-историк Ганкевич В.Ю. предполагает, «что они появляются после религиозной реформы золотоордынского хана Узбека, в ходе которой подвластные ему татарские племена приняли ислам» [2].

Известно три типа крымскотатарских этноконфессиональных мектебе:

1. Мечетские мектебе — они были наиболее популярными и авторитетными. Занятия в таких школах вели представители мусульманского духовенства: имамы, хатибы, муллы. Мечетские мектебе существовали на вакуфные средства, то есть деньги, завещанные на богоугодные дела.

2. Второй тип — это «джемаатские» или общественные мектебе. В них также изучали основы Корана и исламского права.

3. Третий тип крымскотатарских мектебе — частные конфессиональные коранические школы. Они создавались на средства богатых мусульман в общине.

Все три формы национально-конфессиональных мектебе содержались за счет пожертвований мусульман, вакуфные средства и на средства мусульманской общины.

Основным предметом изучения в конфессиональных мектебе было чтение священной книги Корана на арабском языке. Как известно арабская письменность была сложной, ее специфика представляла определенные проблемы при чтении и письме для тюркских учеников. Начинали свое обучение дети с изучения арабского алфавита, а точнее с зазубривания его, на которое уходили месяцы, иногда и годы. Таким же образом, заучивались слоги, слова, целые тексты из Корана.

Второй вид мусульманского учебного заведения — конфессиональное медресе. Возникновение медресе в Крыму профессор Ганкевич В.Ю. относит «к Золотоордынскому периоду. Практически сразу после принятия Ислама в качестве

государственной религии в подвластных Сараю регионах началось распространение мусульманской культуры и образования» [3].

Традиционно в медресе готовили квалифицированных законовевов мулл, которые в последующем становились учителями мектебе. Самым популярным крымским медресе было «Зынджырлы медресе» или «Медресе с цепью» в городе Бахчисарае. Свое название оно получило из-за массивной железной цепи, расположенной перед входом так низко, что каждый входящий в медресе должен был поклониться этому «храму знаний».

Обычно медресе в целом и крымские в частности содержались за счет вакуфов. В Зынджырлы медресе студенты-сохты так же содержались за счет вакуфных средств.

Медресе фактически было высшим учебным заведением крымских татар. В нем, кроме сложного преподавательского состава, были еще и вспомогательные служители. Также Зынджырлы медресе обладало своей собственной библиотекой. В библиотечный фонд входили книги не только по религиозной тематике, а и по литературе, географии, истории, грамматике арабского, персидского, тюркских языков. Часть рукописных и печатных изданий из библиотеки Зынджырлы медресе в настоящее время хранится в фондах Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника.

Методы обучения в медресе были консервативными. Всего курсов было семь, занятия были ежедневными и семичасовыми. Сначала изучался арабский язык и грамматика, что было крайне сложно для сохтов, так как в течение первых трех курсов они не понимали по-арабски. Как правило, услышанную информацию студенты заучивали наизусть. После этого изучали Коран и его толкование. Затем правило шариата и мусульманскую юриспруденцию. В начале 80-х годов XIX века Исмаил Гаспринский писал, что метод преподавания в медресе Крыма: «Долбление и зубрение, зубрение и долбление» [4]. Лишь на старших курсах, Сохты понимали все то, что они учили в течение многих лет.

В конфессиональных учебных заведениях крымских татар конца XIX—XX веков, главной целью образования была религиозная сторона. Национальное обучение оставалось на втором плане, что постепенно привело к деградации такой системы обучения. Если ко второй половине XIX века конфессиональные мектебе в Крыму прекращают свое существо-

вание, то ситуация в медресе складывается иначе, они идут по пути реформирования. Для реформирования медресе многие передовые деятели крымскотатарского и тюркского образования предлагали повысить их статус до уровня вузов и ввести учебные заведения второго уровня — мектебе-руштие. Однако, великим просветителем Исмаилом Гаспринским был поставлен вопрос о полном реформировании всей системы образования у тюрко-мусульманских народов Российской Империи. Главной реформой в народном образовании и в национальной педагогике тюрко-мусульманского общества стал джадидизм. Джадидизм — это целое движение, которое охватило мусульманское тюрко-язычное население и регионы не только России, но и территории соседних стран. Комплекс джадидистских реформ был направлен на создание нового, более высокого уровня развития в образовании, просвещении, культуре.

Джадидизм возник в конце XIX века, в переводе с арабского языка «усуль джадид» означает «новый метод». Джадидизм стал новой, качественной лучшей заменой старого, неполноценного метода «усуль кадим». Данные методы, прежде всего, отличались по форме преподавания. Кадимисты (сторонники старого метода) применяли систему слогового преподавания, когда отдельные буквы сливались в слоги, а слоги в слова. Представители идей джадидизма, применяли так называемый «усуль саутия» — «звуковой метод», когда каждой букве алфавита соответствовал определенный звук [5]. Новые преобразования джадидизма сокращали срок учебы с 6-7 лет до 2-3, а также значительно облегчали обучение. Освободившееся свободное время сторонники нового метода использовали для преподавания некоторых светских дисциплин.

Джадидизм как общественно-педагогическое движение возник в Таврической губернии. Совершенно заслуженно его основателем и лидером считается Исмаил бей Гаспринский (1851—1914). Исмаил бей был автором учебных пособий и педагогической литературы. Первым светским учебником для крымских мектебе стал «Ходжа-и Субьян» (Учитель детей), который выдержал несколько изданий и был приспособлен под тюркскую фонетику. Учебник впервые был опубликован в 1884 году, специально для новометодных школ (усул-и джедид). За основу Исмаил бей взял методику известного русского педагога К. Д. Ушинского. В книге после арабского алфавита огромное значение предавалось изучению тюрк-

кого языка, в ней было много различных стихотворений, рассказов, народных сказок. Также в учебнике давались начальные знания по истории и географии [6].

В январе 1884 года Исмаил Гаспринский открыл первое учебное заведение в Крыму, где преподавание велось с использованием нового метода. На страницах своей газеты «Переводчик-Терджиман» он писал о том, что в бахчисарайском приходе Кайтаз Ага открылся мектебе, где будет преподаваться «турецкая и арабская грамота, письмо, чтение, арифметика и правила веры».

Путь истории распространения нового метода был сложным и тернистым. Большая часть тюрко-мусульманского общества не хотела и не принимала реформы нового движения. Сторонникам старого метода какое-то время удавалось влиять на общественное мнение, но, тем не менее, джадидизм начал свою работу, которая постепенно приняла значительные масштабы.

Своеобразным рупором идей джадидизма стала газета «Переводчик-Терджиман», редактором которой являлся Исмаил бей Гаспринский. На страницах «Переводчика» редактор знакомил тюркоязычное население с просветительскими, общественными, политическими событиями. Исмаил Гаспринский был первым, кто заговорил о проблеме женского образования. В XIX веке во всей Российской империи вопрос о просвещении тюрко-мусульманских женщин не звучал. Исмаил бей боролся за женское образование, посредством своей газеты он говорил о тяжелом, бесправном, темном положении мусульманок.

Одной из основных проблем, рассматриваемых в «Терджимане» стала культурно-просветительская эмансипация тюрко-мусульманских женщин. Исмаил Гаспринский был первым и единственным человеком в России, который, не побоявшись, смело заявил о том, что шариат не запрещает женщине учиться. «Мы рождаемся от женщины, растем и начинаем говорить на руках у женщины, живем, работаем с женщинами и даже умираем около женщины — жены или матери, получая последнее облегчение от них. Грешно оставлять их темными, как животных. Чем больше будет женщина обучена и образованна, тем больше она будет полезной как дочь, сестра, жена и мать» [7].

Проблеме просвещения мусульманки «Терджиман» посвятил десятки статей: «Шариат девочке тоже разрешает учиться», «Враги женщины-мусульманки», «Процесс обучения

девочек», «К проблеме женщин» и т.д. Автором этих статей был Исмаил Гаспринский, но не редко в «Переводчике-Терджимане» публиковались статьи образованных мусульманских женщин. Так, например, Шефика Гаспринская в воспоминаниях об издательской деятельности пишет следующее: «Свою публицистическую деятельность я начала со статьи, посвященной женщинам, опубликованной в газете Терджиман» [8].

Шефика ханым дочь великого просветителя, гуманиста, журналиста Исмаила бей Гаспринского, именно она продолжила дело отца на пути просвещения, обучения, эмансипации, а также становление женской журналистики в тюркомусульманском мире. Шефика Гаспринская родилась 14 октября 1886 года в городе Бахчисарае. Воспитывавшаяся в семье либерала, она получила прекрасное классическое образование. Сначала маленькая Шефика обучалась дома, затем свое образование продолжила в первой в Крыму новометодной школе для девочек. Школа была открыта в 1893 году в городе Бахчисарае под руководством Исмаила Гаспринского и его сестры Пембе ханым Булатуковой. С детства Шефика ханым работала в типографии газеты «Терджиман». Сначала она складывала газеты, наклеивала марки, подписывала адреса. С 1903 года при постоянной поддержке отца, в «Переводчике» начинают публиковаться ее статьи. В своих статьях Гаспринская пропагандировала идею просвещения, взаимообогащения с другими культурами. Она страстно болела за образование среди мусульманских женщин, которые были ущемлены в своих правах и возможностях. Она стремилась изменить традиционное отношение мусульман к женскому вопросу, тем самым пыталась внедрить в жизнь идею равенства, свободы и независимости женщин в тюркомусульманском мире.

С 1906 года Шефика ханым становится редактором первого специализированного женского журнала «Алем-и Нисван» (Женский мир). В этом же году она выходит замуж за известного азербайджанского общественного деятеля Юсуфа Насипбейли, ставшего в 1919-1920 годах премьер-министром национального правительства Азербайджана.

В мае 1917 года Шефика Гаспринская в составе крымско-манской делегации участвует в работе I Всероссийского Мусульманского Съезда в Москве. Позже она — делегат I Курултая крымскотатарского народа. В Симферополе Шефика ханым правительством Директории была назначена директором

женского педагогического училища. После разгона правительства Курултая Шефика с семьей уезжает в Баку, где также заведует педагогическим училищем. В результате переворота, национальное правительство Азербайджана было свергнуто, а Юсуф Насипбейли расстрелян. Тогда Гаспринская вместе с детьми эмигрирует в Турцию, где живет и работает в Стамбуле до самой смерти, умерла (31 августа 1975 года). В Стамбуле Шефика ханым была директором сиротского приюта. В Турции она активно участвует в общественной жизни крымскотатарской диаспоры. В 1930 году создает Союз крымскотатарских женщин и становится его председателем [9].

Как уже отмечалось выше, сначала новометодные школы имели не много сторонников, но позже ситуация меняется в пользу нового, более эффективного и прогрессивного метода. Так мусульмане стали отдавать в новые мектебе не только мальчиков, но и девочек. В них учились девочки и женщины, не обучавшиеся ранее ни в одном учебном заведении России.

Таким образом, самой блестящей и радикальной реформой джадидизма, можно считать внедрение образования среди женщин, а также открытие специальных женских школ. В процессе обучения появляются новые проблемы, одной из таких стал вопрос о нехватке в преподавательском составе женских кадров. Отсюда следовало, что женщины непременно должны получать высшее образование, а для этого в мектебе нужно было вводить уроки русского языка. Лидер нового движения Исмаил бей и его дочь отлично понимали, что улучшение общественного и социального положения, повышение традиционного уровня развития среди тюркомусульманских женщин возможно благодаря печатным изданиям на родном языке. Посредством таких изданий женское общество может проникнуть русская речь и русская книга. По мнению, Шефики ханым это было самым действенным способом приобщения женщины к образованию, духовному развитию, а также прекрасной возможностью обучаться в любом вузе российской империи. Сторонники нового метода образования добивались того, чтобы девочки получали не узкие и поверхностные знания в существующих школах, а могли бы учиться в русских школах и в российских высших учебных заведениях.

Женское движение Крыма во главе с Шефикой Гаспринской разорвали оковы невежества, и вышли на новый этап

развития. Вслед за Крымом женские новометодные школы стали появляться в Туркестане, из Сибири это движение перешло на Кавказ, в Казани процесс преобразований в женском просвещении шел особенно активно.

Согласно исследований Эдиге Кырымала, к 1917 году количество новометодных школ в Крыму составляло 360, половина из которых были женские школы [10]. По такой же форме женские школы открывались в Азербайджане и на Кавказе. Там учебный процесс организовывали такие видные деятели как Хасан бей Зердаби и Зейналабиддин Тагиев. В одной из брошюр о биографии З. Тагиева были опубликованы сведения о том, какие женские школы были открыты в Баку при его поддержке. «Он был первым в Баку, кто выделил 5 тысяч рублей на создание школы специально для девочек. В этой школе девочки обучались чтению и письму на тюркском и русском языках, а также домашней работе — шитью, вышивке и т.д. Срок обучения составлял 4 года. Ежегодные расходы на содержание учебного процесса (800 рублей) также оплачивал З. Тагиев [11].

В 1910 году в Баку 24, в Тифлисе 30 тюркских девушек получили высшее образование. Даже в Средней Азии, которая находилась в самом угнетенном положении, в 1908 году десять тысяч девочек поступили в школы [12].

В 1905 году в результате Российской революции, во время создавшейся, так называемой временной свободы и независимости, состоялись три Всероссийских Мусульманских Съездов, на которых Исмаил Гаспринский выступил с вопросами, касающимися тюркского образования. 16 — 21 августа 1906 года в Нижнем-Новгороде состоялся III Всероссийский Мусульманский Съезд, на котором рассматривались вопросы тюркского образования в целом и женского просвещения в частности. Так на этом съезде было принято следующее решение: «Для подготовки женских кадров преподавательского состава, в таких крупных городах как Казань, Баку, Бахчисарай, открыть «дармуаллиматы» — специальные школы или курсы по подготовке учителей для женских школ» [13].

Огромное количество женских школ в этот период были открыты в Казани. Особенно интересной является женская школа на базе «Буби медресе». Известный тюркский деятель Ахмет Вели Менгер оставил об этом медресе интересные сведения. Отец Абдуллы и Убейдуллы Буби, отправил своих сыновей в Турцию и Арабию учиться различным

наукам, а также методике преподавания. В это время их сестра Мухлисе Абстай заведовала женской школой. Абдуллах Буби, Убейдуллах и Мухлисе Абстай Буби, все они занимались преподавательской деятельностью. Убейдуллах преподавал методику обучения, историю, литературу, языки. Абдуллах читал основы религии. Свои лекции и проповеди он излагал на родном татарском языке и строил их таким образом, чтобы ученики знали настоящую веру без всякого фанатизма. Мухлисе Абстай занималась воспитанием детей, просвещением и развитием женской половины общества, реформами в женских школах. Юные ученицы приезжали в школу-пансион Буби со всех уголков России. Они проживали на территории пансиона и получали здесь прекрасное образование. Во время летних каникул, длившихся три месяца, на базе медресе создавались специальные курсы для обучения мужчин и женщин. Эти курсы получили огромную популярность, в результате их работы были подготовлены тысячи учителей для мужских и женских школ.

В сравнении с существующими медресе того времени, программа обучения в пансионе Буби была самой передовой и прогрессивной. В первых четырех классах преподавали тюркский и русский языки, математику, географию, чистописание, рисование и гигиену. В следующем классе изучали кади́сы и толкование Корана. В шестом классе мусульманский кодекс, логику, литературу, экономику, природоведение, физику, химию и даже французский язык. В других медресе, находившихся в ведении Российского государства, позволялись лишь занятия по обучению тонкостям религии, науки и изучение языков были запрещены. Для сравнения возьмем русские школы того периода и увидим, что на уроки религии в них, выделялось всего три часа в неделю.

Вятское и Казанское жандармское управление находили деятельность Буби медресе угрожающей и поэтому пытались его закрыть. В 1910 году 15 августа губернатор Вятки Камышинский вместе с комиссией начали проверку учебной программы в Буби медресе. Сначала они проверили женскую школу. Дочери Абдуллаха Буби Алие ханым они задавали вопросы на русском языке и получили блестящие ответы. В мужской школе комиссия также убедилась в прекрасных знаниях учащихся. Губернатор был доволен уровнем подготовки и не скрывал этого. Таким образом,

дело о прекращении деятельности Буби медресе было закрыто [14].

О новшествах в женском просвещении, образовании, культуре, о событиях происходивших в мире, на страницах специализированного тюркского женского журнала «Алем-и Нисван» (Женский мир) писала Шефика Гаспринская. Ее журналистская и общественная деятельность внесла неоценимый вклад в развитие и становление крымскотатарской и тюркской женской журналистики, а также в равноправие и независимость женщины-мусульманки. «Алем-и Нисван» стал первым изданием для женщин во всем тюркском и мусульманском мире. Начал издаваться он с 1906 года, редактором и штатным корреспондентом журнала была сама Шефика Гаспринская. Его читали не только в Крыму и России, но и в Египте, Туркестане, Индии, Японии. Материалы журнала использовали некоторые ориентальные издания Европы, например, французский журнал «Revue de Monde musulman». Женщины Крыма, Кавказа и других регионов России присылали статьи в «Женский мир», рассказывали о своей жизни, делились проблемами. Деятельность «Алем-и Нисван» была направлена на распространение среди тюрко-мусульманских женщин образования и науки.

Шефика ханым акцентировала внимание на том, что образование должны получать не только молодежь, но и женщины в любом возрасте, для того чтобы не оставаться невежественными, не быть в плену пережитков общества. «Женский мир» также как и «Переводчик-Терджиман» использовал, так называемый общетюркский литературный язык, для того чтобы издания были доступны и понятны широкому кругу читателей всего тюрко-мусульманского мира.

Продолжая путь своего знаменитого отца, Шефика ханым посредством «Женского мира» внедряла в женское общество идеи джадидизма. Она на своем примере показывала, как должна учиться, жить, работать свободная, независимая, полноправная женщина. Для того чтобы оценить деятельность Шефики Гаспринской и ее детища «Алем-и Нисвана», нужно учитывать тот факт, что еще в конце XIX века во всей Российской империи среди тюрко-мусульманских женщин не было никаких организаций, печатных изданий и т.д. В лице Шефики Гаспринской женщины-мусульманки сделали первый шаг на пути к свободе, просвещению, духовному развитию. Шефика ханым внесла огромный вклад в эмансипацию всех тюрко-мусульманских жен-

щин. Известно также, что ее активная общественная и политическая деятельность распространялась на национальное движение женщин не только в пределах Российской империи. Под ее влиянием были открыты женские организации и школы в Казани, Уфе, Баку, Москве. В Казани была создана женская газета «Анг».

Вообще начало XX века для всего тюркского населения России, можно охарактеризовать как время национального, духовного, просветительского возрождения. На первый план вышли национальная печать, литература, образование. Законы Российского государства становятся равными для всех. Женщинам также была дана возможность обучаться, знакомиться с событиями внешнего мира, смело заявлять о себе и своих правах. Для того чтобы наладить контакт и взаимопонимание во всем тюрко-мусульманском мире, был создан и реализован в жизни общетюркский классический язык. Таким образом, сначала появляется общественная, а затем и политическая солидарность, которая указала правильный путь развития.

Отцом нового движения, лидером джадидизма, борцом за новую, равноправную, достойную жизнь, несомненно, был Исмаил Гаспринский. Именно с него началось просвещение тюрко-мусульманской женщины, которое было успешно продолжено Шефикой Гаспринской. Ей удалось приобщить женщин к просветительскому движению, разобраться в сути женского вопроса и роли женщины в тюрко-мусульманском обществе рассматриваемого периода. На сегодняшний день исследование жизнедеятельности Шефики Гаспринской и ее «Женского мира» является историческим наследием для всего тюрко-мусульманского мира, а также важным источником по истории просвещения, вопросам образования мусульманской женщины, национального движения и печати.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА: 1. Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX – начале XX века). - Симферополь: Таврия, 1998. - с. 24; 2. Ганкевич В.Ю. Указ. соч., 1998. - с. 26; 3. Ганкевич В.Ю. Указ. соч., 1998. - с. 36; 4. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли заметки и наблюдения мусульманина. - Симферополь: Изд. тип. Спиро, 1881. - с. 40; 5. Ганкевич В.Ю. на службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851-

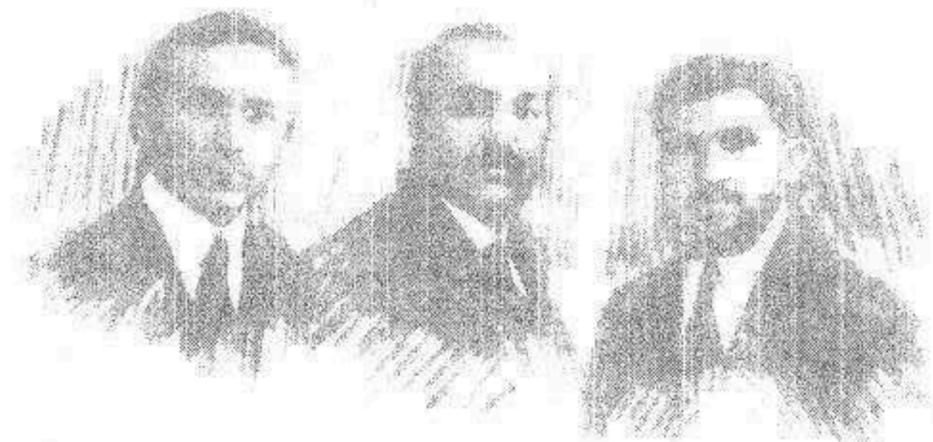
1914).- Симферополь: Доля, 2000.- с. 239; 6. Kırımlı H. *Kırım tatarlarında milli kimlik ve milli hareketler (1905-1916)*.- Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1996.- s. 54-58; 7. Гафаров С. Исмаил Гаспринский великий просветитель.- Симферополь: Тарпан, 2001.- с. 138-139; 8. Hablemitoğlu Ş., N. *Şefika Gaspıralı ve Rusya'da Türk kadın hareketi (1893-1920)*.- Ankara, 1998.- s. 20; 9. Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944). Библиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д.П. Урсу.- Симферополь: Доля, 1993.- с. 69-70; 10. Dr. Edige Kırımlı. *Kırım Türklerinin Milli - Kurtuluş hareketi// Dergi*.- 1967.- '46.- s. 69; 11. Hablemitoğlu Ş., N. *Указ. соч.*- s. 76; 12. Там же.- с.77; 13. Там же.- с.78; 14. Там же.- с.79-80.

НЮРИ Т. МАРИЯ,
доцент университета, Будапешт, Венгрия

БУДАПЕШТСКИЕ СТИХИ Б. ЧОБАН-ЗАДЕ

В когда-то в знаменитом будапештском университете имени барона Йозефа Ётвеша училось ровно 10 турецких и крымско-татарских студентов. Бывшие студенты не опозорили это учебное заведение, более того, вернувшись домой, сделали серьезную карьеру по специальностям!

- Турецко-татарскими студентами университета были:
- Ата Рефик, математик (1911 — 1914)
  - Бекир Сидки (Чобанзаде), лингвист, поэт (1916 — 1919)
  - Хамид Зюбейр (Кошай), лингвист, музеевед (1921 — 1923)
  - Хусейн Намик (Оркун), лингвист (1925 — 1926)
  - Рагип Хулуши (Оздем), лингвист (1925 — 1926)
  - Фуат Аталай, преподаватель торгового института (1927 — 1928)
  - Шири Кишиоглу, инженер (1941 — 1943)
  - Ибрагим Кафешоглу, историк (1942 — 1944)
  - Шефир Бастав, историк (1942 — 1947)
  - Хасан Эрен, лингвист (1938 — 1947)

Budapeşte, 28 Şubat 1918

Soldaki : Bekir Sıtkı Çobanzade
Ortadaki : Ömer Sami Arbatlı
Sağdaki : Abdullah Temircan

(Вышеприведенные данные, а также документы взяты из архива Университета им. Етвеша, зарегистрированы, как «документы Университета им. Йожефа Етвеша за 1895 — 1950 гг., материалы из ящиков №№ 34-35 и 50-53 с использованием документов №№ 1 — 10.

Выражаю глубокую признательность сотрудникам архива за оказанное содействие).

Здесь и сейчас я имею честь и хочу с уважением представить только один отрезок жизни знаменитого сына Крыма Бекира Сидки (Чобанзаде), историю его жизни и творчества в годы пребывания в Будапеште. Я хочу красиво, по порядку рассказать, описать, как же это было... где было, было ли, не было, как жил-был когда-то один исключительно способный и усердный молодой человек, который отправился завоевать мир интеллектуалов, и что творит Аллах, из Будапешта отправился он в путь обновлять интеллектуально-научный турецкий мир, также, как сказал бы наш современный венгерский поэт *Эндрэ Ади*: «... от ручейка до океана»...

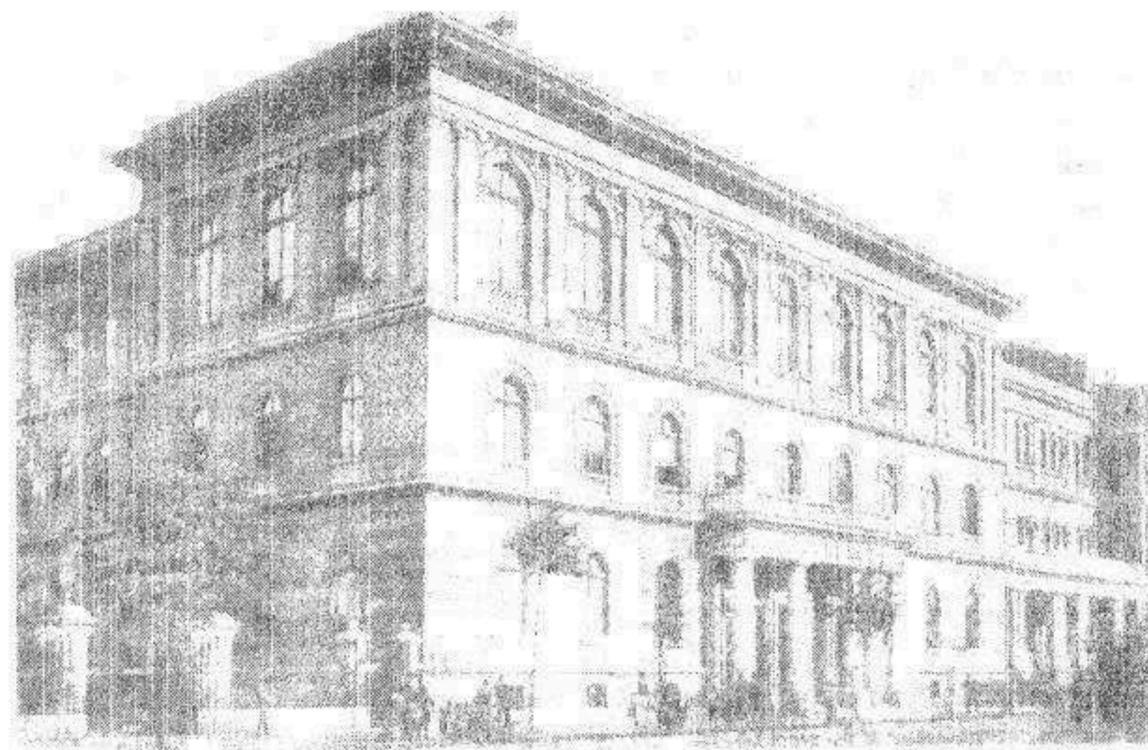
*

С именем Бекира Сидки я встретила впервые, когда начала изучать турецко-венгерские связи, тогда я наткнулась на его имя, статьи, мысли как студента будапештского университета им. Етвеша.

Я начала поиски, расспросы о том, кем же был наш «па-стух», т. к. я знаю, что Чобанзаде был, стал знаменитым сыном турок. Однако, через некоторое время, по мере того, как я продвигалась в своей исследовательской работе, я начала чувствовать, что Бекир Сидки немного и наш, венгров, поскольку в дальнейшей своей беспокойной жизни у него не очень хватало времени, желания, возможности писать стихи, заниматься стихами, вспоминать о стихах, т. к. он пал жертвой истории Советского Союза.

Я знаю, что мои мысли о том, что, если бы ваш Бекир Сидки Чобанзаде со своим научным образованием вернулся бы не на свою любимую родину, Крым, а, скажем, так же, как и Хамид Зюбейр Кошай, который также сделал грандиозную карьеру во многих отраслях науки и культуры, остался за границей - возможно, он мог бы избежать такого трагического конца!, - не совсем верны с научной точки зрения.

Однако, Бекир Сидки вернулся на свою любимую родину из Европы, применяя все то, что он изучал в также люби-

мом «потрясающе красивом городе Будапеште», стал создателем, пропагандистом, глашатаем пробуждающейся духовности советских тюркских народов. И за это он заплатил своей молодой жизнью, что соответствовало политическим традициям того трагического времени. Мы должны сказать, что судьба Чобанзаде и для нас, венгров, не совсем чужда.

*

Давайте посмотрим, что пишет венгерская энциклопедия мировой литературы о Чобанзаде, поскольку и для меня самой она была отправной точкой в моей работе:

«Чобанзаде, Бекир Сидки (писательский псевдоним Бейбек) (Карасу-Базар, 1893 —?)

турецкий поэт, филолог. Сын крымского пастуха. Среднюю школу закончил в Стамбуле, университет — в Венгрии. В 1919 г. защитил докторскую диссертацию по теме венгерской литературы. В 1920 г. вернулся в Советский Союз и сначала стал профессором турецкой филологии в крымском университете, затем в Баку. Он стал жертвой нарушений закона.

Способный филолог и ученый поэт. Он написал многочисленные исследовательские труды, по турецкой литературе, в основном изучал произведения Наваи и Фузули, написал монографию о двух поэтах. Свою поэтическую деятельность он начал в Будапеште. Стихи писал на крымско-татарском

языке, впервые его стихи издали за границей. Собрание сочинений Боран (1928г.), изданное в Симферополе, включает его ранние работы.

Литература: А. Баттал-Таймаз: *Kirimli filolog sair Bekir Cobanzade'yi tanitma tecrü-besi (Türk Dili Arastirmalari Yilligi Belleten, 1954). Bodrogligeti András*"

(*Világirodalmi Lexikon, 2. Budapest, 1972. Akadémiai kiadó, стр. 463*)
(Энциклопедия мировой литературы, 2 Будапешт, 1972. Издание Академии, стр. 463)

Согласно исследованиям Исмаила Отара Чобанзаде умер в Баку в 1937 году.

Однако в турецком мире долгое время господствовала путаница в отношении оценки Чобанзаде. Советский мир, в какой-то мере, запрещал, протестовал против его творчества. Его турецкие коллеги не знали по-русски, да и не могли поехать в бывший Советский Союз вести исследовательскую работу. Несмотря на это, они вели обширные исследования, объясняли, оценивали, обожали, отторгали, преклонялись перед его личностью и творчеством и, как и мы, венгры, на турецкой земле любят создавать вокруг причин, обстоятельств смерти и того, как трагически гибли их великие сыновья, таинственную, романтически-политическую подоплёку.

Однако, я здесь и сейчас хотела бы проследить до конца не слышанную карьеру Чобанзаде, т.к. в это многие уже сделали до меня в Крыму и Турции, с большей или меньшей основательностью, объективностью, привнеся кто больше, кто меньше чувств и смысла в научную объективность. Например, увлекательным был труд ныне покойного Исмаила Отара (да будет ему земля пухом).

Исмаил Бей пожертвовал 40 лет своей творческой жизни для того, чтобы в полной мере раскрыть, увековечить труд своего бессмертного соотечественника с трагической судьбой.

Я имела счастье несколько раз консультироваться в Стамбуле – в его личной библиотеке, в его крымско-татарском музее, – и меня удивляла его исключительная личность. Он был более всего поклонником творчества Чобанзаде, и, поскольку он знал и крымско-татарский язык, мне пришлось признать его источником аутентичности (и) в отношении стихов, написанных в Будапеште!

Позвольте, наконец, мне перейти к теме:

Моя тема – стихи юного Бекира Сидки, которые он написал в Будапеште на крымско-татарском языке и возможнос-

ти их издания когда-нибудь в будущем на венгерском языке. Перевели же уже стихи нашего поэта на русский, украинский, турецкий языки, но не венгерский! Отдельные стихи перевела Анна Беде, а также Элед Ковач, как часть своей научной темы. Перевод стихов, который сделала Анна Беде, финансировал ныне покойный д-р Ласло Гуляш, член Крымского Венгерского общества, которое совместно с крымско-татарской библиотекой им. Гаспринского подавало на конкурс гранд по теме «Венгерский период жизни Чобанзаде» в фонд «Возрождение». Др. Ласло Гуляш по поручению Крымского Венгерского общества собирал материалы о будапештском периоде жизни и творчества Чобанзаде (материалы находятся в Крымском Венгерском обществе). Др. Ласло Гуляш жил в Крыму, был венгерским пенсионером.

С венгерской стороны в проекте, который, к сожалению, был отклонен, не профинансирован, принимали участие зав. кафедрой тюркологии университета им. Етвеша Лоранда Гейза Давид, а также Элед Ковач.

Я так думала, что одной из моих будущих задач будет перевести все стихи, написанные в Будапеште, и я начала об этом говорить, т.е. о Чобанзаде и о его стихах волшебнику слова Денешу Кишу. Наш поэт-кудесник слова принял со всем усердием переводить стихи. Поскольку, к счастью, и его проняла жизнь, судьба, карьера Чобанзаде. Правда, работа не может лететь на крыльях, поскольку это даже для Денеша Киша тяжелая задача – представить себя в то время как в Крыму, так и в Будапеште, среди студентов того времени, прочувствовать мир мыслей и чувств молодого человека в разных ракурсах, т.п. Несколько переводов стихов уже издано в одном из венгерских периодических изданий. (*Мария Нири: Бекир Сидки Чобанзаде; Бекир Сидки Чобанзаде: Будапештские вечера, Звук ..., Тысячадевятнадцать, На безмолвных татарских...; На основе сырого перевода Марии Нири Денеш Киш, изд. Дуна-Парт, Ерд, 2003/3. 54-63*)

(*Nyiri Mária: Bekir Szidki Csobánzáde, Bekir Szidki Csobánzáde: Budaapesti esték, Amüzzin hangja, Ezerkilencszáztizenkilenc, Hangtalan tatár rónákon, Fordította Nyiri Mária nyersfordításai alapján Kiss Dénes. DunaüPart, Erd, 2003/3. 54 ü 63.*)

И, наконец, я хотела бы рассказать, представить венгерского Чобанзаде.

Я здесь не стала бы представлять венгерские исследования по Чобанзаде, это будет тема другого доклада.

Прежде всего, представим сам известный Университет им. Барона Йозефа Етвеша.

Университет им. Барона Йозефа Етвеша

Знаменитый университет был учебным заведением высокого уровня, с демократическими традициями, готовил преподавателей и воспитателей для средней школы, имел общежитие. Университет был основан в 1895 году по образцу французского *École Normale Supérieure*, по предложению физика, барона *Лоранда Етвеша* (1848 — 1919), в память его отца, писателя, политика, который не раз избирался председателем Венгерской Академии Наук, *Йозефа Етвеша* (1813 — 1871). С 1867 и до самой смерти он был министром по делам религии и образования (и по ныне самым успешным). Лоранд Етвеш в 1894-1895 г.г. был министром по делам религии и образования, автором закона Етвеша, который описывает зависимость поверхностного натяжения жидкостей, замеряемого при различных температурных режимах от их молекулярного веса.

Университет Етвеша был государственным, предназначенным для бедных студентов — будущих преподавателей средних школ. Сначала он размещался в арендуемом доме №6 в IX районе, по ул. Чиллаг (ныне ул. Пала Генчи). Новое собственное импозантное здание было построено в 1911 году в XI районе по ул. Менеши 11 — 13. Золтан Гомбоц, ученый-лингвист с европейским именем был ректором университета между 1927 — 1935 гг.

Выпускники университета под руководством выдающихся преподавателей университета в небольших группах продолжали свои исследования и практику. Большой помощью в их развитии, обработке первоисточников была ценная, постоянно пополнявшаяся, тщательно подобранная библиотека, состоявшая из 70 тысяч книг, которой студенты свободно могли пользоваться.

В подготовке студентов выдающуюся роль играло изучение языков и самоподготовка, во время которой студенты приобретали не только необходимые основы знаний, но и навыки самостоятельных научных исследований. Третья часть из ста мест была предоставлена на бесплатной основе способным, но бедным слушателям.

Распоряжением правительства деятельность университета была прекращена в 1949 году, затем с 1959 года, возобновив старые традиции научного университета им Етвеша Лоранда, один из факультетов продолжил работу. В 1990

году снова его организовали по старому образцу, и он начал функционировать под именем Университета им. Йозефа Лоранда. Очень многие выпускники университета стали выдающимися учеными, преподавателями ВУЗов, академиками.

В нынешней библиотеке Университета им. Етвеша можно найти документы, относящиеся к Бекиру Сидки:

(Вышеприведенные данные, а также документы взяты из архива Университета им. Етвеша, согласно регистрационного отдела «документы Университета им. Йозефа Етвеша за 1895 — 1950 гг.», материалы из ящиков №№ 34-35 и 50 — 53 с использованием документов №№ 1 — 10.)

Документы

Из Министерства по делам
религии и образования
№134758/1916

IV. о

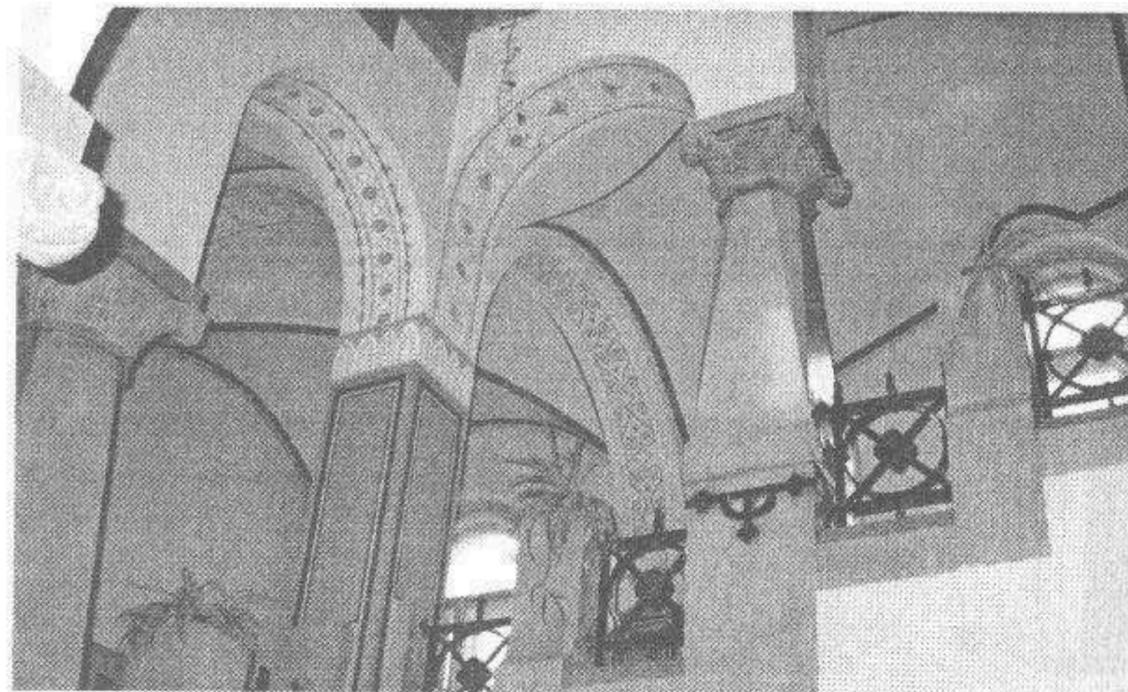
Я одобряю прием в Университет им. Барона Йозефа Етвеша татарина магометанского вероисповедования, беженца из России, Сидки. Поэтому имею честь просить Вашу светлость высказать свое мнение по этому поводу.

Примите, Ваша светлость, мое глубочайшее почтение.

Будапешт, 1916, октябрь 12.

Из распоряжения министра:

Др. Лайош Тот, советник министерства.

3603 szám.

Ara 1 kor. 20 fill.

Mi

a budapesti királyi magyar tudomány-egyletem

Rektora

Köszöntjük az olvasót!

Ismerjük valamennyi kar doktoraival és más mindenkivel egyenként és összesen a kiket illet,

hogy *Bekir Sidki* urat, ki

Krim városban *Karabulbasz* megyében 1893 év május hó 15-ik napján született, mint *bölcsészeti* tudománykari rendes hallgatót egyetemünk anyakönyvébe szabályszerűen beiktattuk; mit aláírásunkkal és kisebb pecsétünkkel ellátott jelen okmánnyal bizonyítunk.

Kelt Budapesten, 1916 évi *október* hó 12-ik napján.

Mikályfi Sándor
Rektor

Köszöntjük az olvasót!
a kir. magy. tud.-egyletem
Rektora
Tomcsányi Károly dékánja.

№ 3603

Цена 1 корона 20 филлеров

Мы

Ректор

Будапештского королевского научного университета

Приветствуем читателя!

Извещаем всех докторов и всех прочих по отдельности, а также всех, кого это касается,

Что мы по всем правилам записали в книгу регистраций научного университета

господина **Бекира Сидки**, который

родился в Крыму, область Крарсубазар 15 мая 1893 года, как безупречного слушателя научной кафедры философии нашего университета, что заверяем данным документом, заверенным нашими подписями и малой печатью.

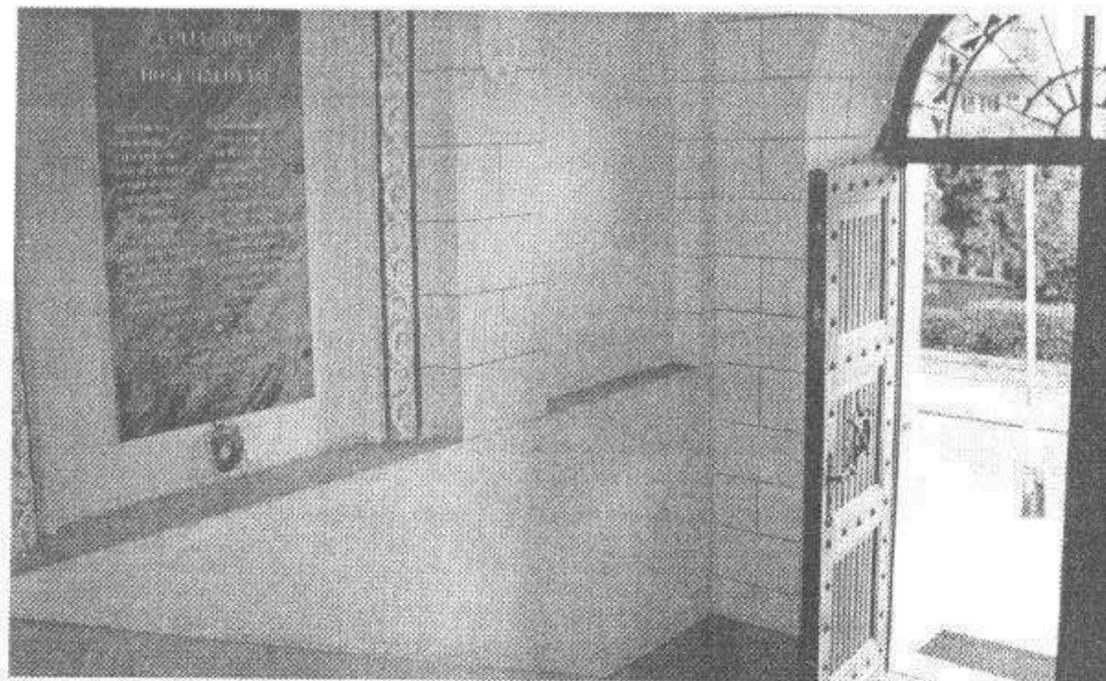
Составлено в Будапеште 12 октября 1916 года

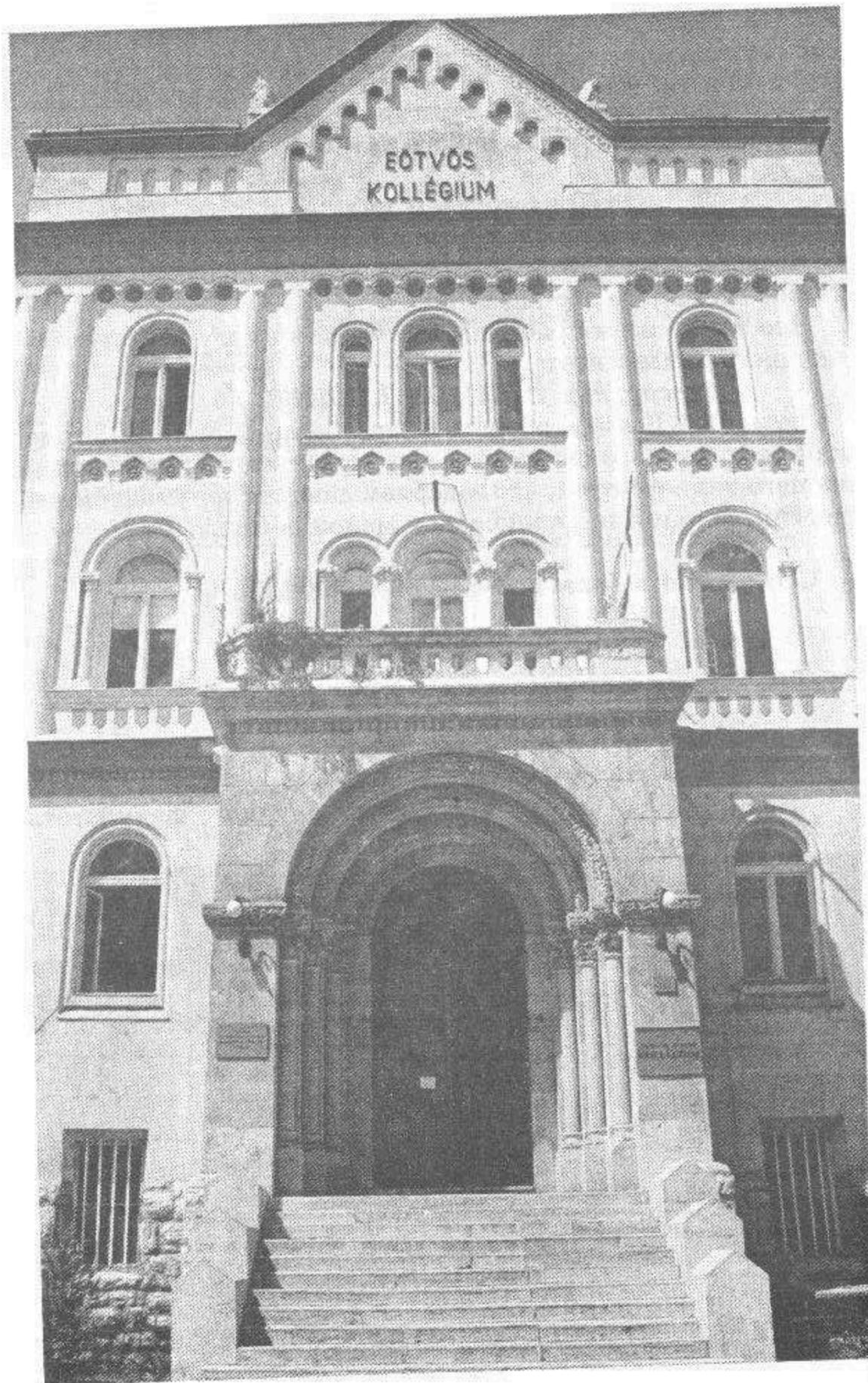
/подпись/ /печать/

Венгерский научный университет

/подпись/

Декан научного факультета

Памяти Бекира Сидки

Наследие наше туранское славное
Где-то кладом лежит глубоко.
Исследователь, придется тебе нелегко!
Тяжкий труд у тебя впереди,
Через тернии придется пройти.
Стань гордостью нашей ты!

1918   *Арпад Земплени*

Перевод Надежды Гладких
(впервые было прочитано на русском языке на митинге,
посвященном открытию памятника Чобан Заде в Карасуба-
заре.)

Татарскому поэту

Брат-татарин, я приветствую тебя
На востоке кровоточащем Европы,
Где в далекие, бывшие времена
Был хмельным от песен и вина!
Теперь уж нет того волнения,
И не бросаюсь я пучину опьянения.
Отсюда наблюдаю я за днем,
Что в том далеке пламенел огнем.
Проходит ночь, упали нетопыри
Все берегись, чьи руки в крови!
Туранский Бог вершит сегодня суд,
И вмиг один трезвеет пьяный люд.
И будут новые народы, земли, небеса
Грядущему поется песнь моя.
Грядущему, что венгра и татарина – закон,
Стада народов соберет в один загон.
Грядущему, чье новое вино
Мне душу опьянит в мгновение одно.

13 мая 1920г.   *Дюла Югас*

Перевод Надежды Гладких (публикуется впервые)

ОЗЕРЯНСКАЯ И. М., главный хранитель фондов Одесского историко-краеведческого музея

КАРАЙСКИЙ ФОНД В ОДЕССКОМ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Карайский фонд, насчитывающий в настоящее время более 200 музейных предметов, начал формироваться в ноябре 1997 г. Инициатором его создания и основным фондообразователем стал Борис Захарович Леви — Почетный работник морского флота СССР, бывший главный конструктор Черноморского Центрального проектно-конструкторского бюро (ЧЦПКБ), один из организаторов Одесского городского общества крымских караимов (караев) «Базлык», автор книг «Карайская школа» (1995), «Русско-карайский словарь» (1996), «Прогулка по Одессе» (1997), «Базлык» (1998), публикаций в московской газете «Карайские вести».

Первое упоминание о караимах в Одессе относится к 1798 году, когда бахчисарайский караим Илья посетил наш город в числе 16-ти иногородних купцов. В 1801 г. из Крыма в Одессу переезжают два брата Мангуби, ставшие родоначальниками известных одесских караимских семей Мангуби — Ботук — Леви, прямым потомком которых являлся сам Борис Захарович. Сохранявшиеся на протяжении многих лет семейные реликвии стали основой для создания карайского фонда в нашем музее.

Это качалка для теста, кувшин керамический (чольмэк), набор из 23-х деревянных резаков для нанесения рисунка на пасхальные лепешки, резец для обрезки кромок караимских пирожков (чир-чиров), секач с инкрустированной рукояткой, полоскательница латунная для чайной посуды, шкатулка-сундучок для ценных бумаг, печка — «чугунка», которой пользовались в их семье в период оккупации г. Одессы в 1941—1944 гг.; мемориальные вещи — пепельница с рекламой гильзовой фабрики Дуван, образцы рукоделия ученицы Одесского караимского начального училища Бюбуш Ботук (мать Б.З.Леви), пряжка от форменного ремня Ильи

Осиповича Ботука, учащегося Одесского реального училища В.А.Жуковского, погибшего в годы первой мировой войны, его же рожок для обуви и приспособление для снятия сапог, карманные часы Захария Леви (отец Б.З.Леви) с дарственной надписью от руководства завода, на котором он работал. В музей также поступили ворота бывшей караимской кенасса, обнаруженные Б.З.Леви в заброшенном состоянии в одном из одесских дворов.

Фотографии членов семей одесских караимов Мангуби, Ботук, Леви, Айваз, Бабаджан, Болек, Дуван, Илик, Оксюз, Тапсашар, Эгиз, Юхневич; групповые фотографии служащих торгового предприятия братьев Мангуби (ул.Дерибасовская, 23) 1870-е гг., учащихся Одесского караимского начального и караимского 3-х классного городского училищ (ул.Троицкая, 31/33) кон.ХІХ — нач.ХХ вв., участников музыкального спектакля по пьесе Эстер Оксюз «Карайская свадьба» (на сцене Народной аудитории) 1918 г., а также несколько фотографий из старого караимского альбома с изображением женщин в национальных костюмах, сделанных в фотоателье А.Мичри в середине ХІХ в.

Печатные издания, среди которых научные труды и популярные книги, авторы которых — караимы; периодика с публикациями о жизни и деятельности представителей карайской национальности.

В 1998 г. в Одесском историко-краеведческом музее открылась выставка «Караимы и Одесса». В подготовке ее принимал непосредственное участие Б.З.Леви. Благодаря его протекции, сотрудникам музея удалось связаться с другими одесситами-караимами, любезно предоставившими свои семейные реликвии на выставку. Материалами из частных коллекций поделились и коллекционеры И.Л.Чопп, С.З.Лущик, А.А.Дроздовский, О.И.Губарь. Украшением выставки стала дипломная работа выпускника 1998 г. Одесского художественного училища им. Грекова Павла Маркевича — сервиз «Карайская свадьба».

Выставка имела большой общественный резонанс, впервые рассказав о жизни и деятельности одесских караимов — одного из национальных меньшинств города за его, более чем двухсотлетнюю историю. Особая благодарность прозвучала в отзывах самих участников выставки — потомков известных караимских семей. После закрытия выставки карайский фонд пополнился еще несколькими экспонатами. Нина Семеновна Кальфа передала черную караимскую шаль

нач. XX в., от Дианы Семеновны Айваз в музей попал портрет семьи Баккал 1886г. и чехол для молитвенника сер. XIX в., Анна Ильинична Рофе передала свадебное платье нач. XX в., Виктор Михайлович Эрак – две ксилитовые плитки для мощения полов производства частной мастерской Ильи Осиповича Эрака нач. XX в., фирменный бланк и групповые фотографии неизвестных караимских семей, от А.Ф.Телал поступили фотографии семьи газана Савускана и Телал. В последующие годы в музей также поступали материалы, связанные с караимами. Из библиотеки Опытной станции карантин винограда и плодовых культур УААН поступили документы и личные вещи бывшего директора станции Ильи Азаревича Казаса; семья профессора Э.К. Лопатто передала документы и печатные издания, связанные с его научной и общественной деятельностью.

Незадолго до своей кончины в 2005г., Борис Захарович передал в музей материалы, связанные с его профессиональной деятельностью, как главного конструктора ЧЦКБ – наградные документы, научные статьи, макет неизданной книги, а по завещанию нам были переданы его награды – знак Почетного работника морского флота СССР, лауреатский значок, знаки участника ВДНХ СССР.

По воле и убеждениям Б.З.Леви, собранный им карайский фонд Одессы был разделен между ОИКМ и Госархивом Одесской области, куда была передана документальная часть фонда.

Карайская коллекция в нашем музее уникальна для многонациональной Одессы. Часть ее нашла отражение в экспозиции музея «Степова Украина», открытого в 2006г.

ОСМАНОВА Г. Н., реставратор Музея истории и культуры крымских татар Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ 1920—30-е гг.

Революция застала дело охраны памятников старины в Крыму в разрозненном, неорганизованном состоянии. Общий надзор за охраной памятников добровольно несла Таврическая Ученая Архивная комиссия, полуофициальное, полуообщественное учреждение, не имевшая для своей цели ни достаточных средств, ни достаточной юридической силы, т.к. еще не было соответствующих законодательных норм. Если деятельность комиссии давала плодотворные результаты в отношении памятников, находившихся на государственной или городской земле, то в отношении памятников, находившихся на территории частных владельцев, а таковых было едва ли не большинство, она была бессильна. Как указывал директор музея У. Боданинский в своей докладной записке о положении дворца-музея в г. Бахчисарае «ценнейшие археологические памятники расхищались и разрушались...»(1)

После восстановления Советской власти в Крыму (13 ноября 1920г.) при Крымнаробразе в составе подотдела искусств, был организован специальный орган — Крымский Областной Комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы (Крымохрис), который объединил в себе дело археологической охраны в Крыму. И уже в 1920г. создал на местах, уездных (тогда) городах соответствующие уездные комитеты (Охрисы) которые с 1925г. были «сокращены с возложением обязанностей по охране на местные музеи».(2)

Заведующим Бахчисарайского Охриса стал директор дворца-музея У.Боданинский.

Выявление, учет, изучение исторических памятников как важнейшие направления их охраны стали приме-

няться музеем с 1923 года, и по отношению к памятникам.

Первоочередное внимание было обращено на быстро разрушающиеся исторические памятники Ханского периода. В годовом отчете музея за 1922 год, посланном У. Боданинским в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР, отмечалось крайне тяжелое состояние таких памятников Бахчисарая как Соколина башня дворца, дюрбе в Эски-Юрте, дюрбе Хаджи-Гирая, старое здание Зынджирлы Медресе, Мавзолей Диляры-Бикеч, мечеть Ешиль-Джами, бани Сары-Гюзель и др. (3)

Однако отсутствие средств не позволяло в начале 1920-х гг. развернуть широкую работу по ремонту разрушающихся памятников. Основными формами работы было выявление и зарисовки памятников. В 1922-23 гг. был проведен первый за годы Советской власти частичный ремонт отдельных сооружений Бахчисарайского дворца.

В 1923 году в полное ведение Бахчисарайского музея переданы бани «Сары-Гюзель», построенные 1532 году, выявлен и взят на учет частный дом с интересной архитектурой в приходе Ени-Джами в Бахчисарае.

В 1923 году У. Боданинский во время научной командировки в Москву и Петроград устанавливает контакты с научными учреждениями и обществами. Там им были сделаны доклады о положении Бахчисарайского дворца-музея, проблемы памятников района во Всероссийской Ассоциации Востоковедения, музейном отделе Главнауки Наркомпроса РСФСР, Академии истории материальной культуры.

Крайнюю обеспокоенность состоянием бахчисарайских памятников Боданинский высказывал на заседании 26 ноября 1923 года Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). После заслушивания доклада У. Боданинского было принято решение изыскать средства на немедленную поддержку разрушающейся Ешиль-Джами в Бахчисарае, реставрационные работы Ханского дворца, командировки специалистов РАИМК для обследования древних памятников Старого Крыма, Эски-Юрта (4).

К сожалению, в 1923—24 гг. не удалось добиться сколько-нибудь существенных средств для реставрации памятников, поэтому основной формой охраны оставались выявление и взятие на учет архитектурных памятников. В 1924 году на учет было взято 7 старосельских домов, 17—18 вв. в приходах Ени-Джами, Сырлы-Чешме, Арслан-Ага и Кады Мале.

1926 и 1927 года прошли под знаком дальнейшего разви-

тия музея, развертывания обширных работ по выявлению, учету и охране исторических памятников. Эта работа в период активизации строительной деятельности в городах и распахки пустующих земель в сельской местности была крайне необходима. Несмотря на предпринимаемые в Крыму меры по охране историко-культурного наследия, ряд ценных памятников были искажены перестройкой или вовсе уничтожены. Многие памятники находились под угрозой искажения или уничтожения. На это указывал в мае 1925 года У. Боданинский в Москве на заседании Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ). О неудовлетворительном состоянии ряда памятников Бахчисарая и его района сообщил на заседании ЦГРМ в 1926 году заведующий Крымохрисом А.И. Полканов. (5)

Для подробного ознакомления с состоянием крымских памятников тогда же было решено командировать в Крым известного специалиста-востоковеда архитектора-реставратора Бориса Николаевича Засыпкина (1891—1955). Б.Н. Засыпкину было поручено обследовать археологическое и техническое состояние архитектурных памятников Бахчисарая, Симферополя, Карасубазара, Старого Крыма и др. Командировка Б.Н. Засыпкина в Крым резко выделяется по результатам многих других командировок из центра, также преследовавших цели обследования памятников. Это объясняется, прежде всего тем, что командировка отличалась высоким уровнем, после нее осталось и сейчас хранится в архивах Москвы большое число актов осмотра, фотографий, описаний татарских памятников.

Главным консультантом Засыпкина в его поездках по Крыму был директор Бахчисарайского музея. У. Боданинский сопровождал Б.Н. Засыпкина 6 августа 1926 года при осмотре всех памятников Бахчисарая, Симферополя, Карасубазара, Старого-Крыма. Все сколько-нибудь привлекательные памятники крымско-татарского зодчества были просмотрены, обмеряны, описаны. Был составлен также подробный план их ремонтно-реставрационных работ. По материалам командировки Б.Н. Засыпкина была опубликована в журнале «Крым» большая статья (6).

Б.Н. Засыпкиным и У. Боданинским был составлен акт по результатам осмотра архитектурных памятников Бахчисарая: Эски-Дюрбе, дюрбе Ненекеджан в Чуфут-Кале, дюрбе Хаджи-Гирая, мечеть Ешиль-Джами, Зынджирлы медресе, бани Сары-Гюзель и другие.

Широкий комплексный осмотр крымских памятников выявил недостаточный уровень охраны памятников, угрожающее состояние некоторых из них, необходимость срочных мер к их сохранению.

Крупной вехой в деле сохранения крымских памятников была организация в Керчи в сентябре 1926 года, Всесоюзной археологической конференции.⁽⁷⁾ Активно на конференции работала тюрко-татарская секция, на которой были обсуждены 12 докладов, преимущественно касавшихся крымско-татарских памятников. Председателем секции был известный советский востоковед И.Н.Бороздин, У. Боданинский был его заместителем, О.Акчокраклы – секретарем секции. В центре работы секции была деятельность этнографической и археологической летних экспедиций 1925 года. Секция постановила обратиться в Главнауку РСФСР и Крымский ЦИК о принятии срочных мер охраны и технических мер по приостановлению разрушения многих памятников татарского искусства. Был также намечен ряд крупных мероприятий, предусматривающих глубокую научно-исследовательскую работу в области изучения крымско-татарской культуры⁽⁸⁾.

Крымская экспедиция 1927 года была намечена реставрационным подотделом после докладов, сделанных членом Совета ЦГРМ архитектором Б.Н. Засыпкиным и заведующим Бахчисарайским дворцом-музеем У.А. Боданинским. Эти доклады вскрыли такую картину разрушения памятников древнейшей художественной культуры Крыма, которая требовала принятия срочных мер к их укреплению.

Крымская экспедиция И.Э. Грабаря в апреле-мае 1927 года обследовала памятники архитектуры и живописи Карасубазара, Бахчисарая, Херсонеса и др., Усеин Боданинский сопровождал И.Э. Грабаря с 24 апреля по 1 мая 1927 при обследовании Бахчисарайского Ханского дворца, Успенского монастыря в Салачике, находившихся в ведении музеев пещерных городов Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Черкес-Кермена, Эски-Кермена.⁽⁹⁾

Вся эта деятельность директора Бахчисарайского музея по привлечению общественного и научного внимания к судьбе исторических памятников Крыма, безусловно, способствовали выделению средств на действительную их охрану. Однако главным объектом заботы директора был сам музей.

В 1926-1927 гг. в значительной степени усилиями У. Боданинского и поддерживавшего его заведующего Крымох-

рисом А.И. Полканова Бахчисарайский музей приобрел большой авторитет. Удалось «выбить ставки сторожей» на охрану пещерных городов Мангуп-Кале и Чуфут-Кале. Используя свое влияние как член горсовета, Боданинский добился создания при отделе коммунального хозяйства постоянной комиссии на паритетных началах (от колхоза и музея) «без осмотра и санкций никто в городе не имеет права разбирать никаких строений». В результате этого решения удалось спасти от разрушения многие старые дома.

Однако в конце 1920-х, достаточно эффективная система охраны памятников, созданная в начале 20-х распалась. Все более проявлявшееся нигилистическое отношение к истории, историческим фактам и культурному наследию – все это трагически сказалось на сохранности исторических памятников и деятельности музеев.

В 1927г. в Крыму прекратил деятельность Крымохрис, а дело охраны памятников лишалось финансовой основы и передавалось местным музеям.

В 1929—30гг. был расформирован находившийся в структуре Нарпкомпроса РСФСР Отдел по делам музеев и охране памятников истории и старины, проводивший по организации охраны памятников.

Крайне отрицательно сказалось на сохранности памятников ослабление в конце 20-х деятельности научно-общественных организаций окончательно упраздненных в 1931—32гг. В это время перестали существовать с ТОИАиЭ, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. Реорганизованное Общество по изучению Крыма, а также созданное областное краеведческое бюро занимались почти исключительно вопросами изучения производительных сил полуострова. К 1931 году прекращено создание всех научных журналов, обществ. Известный ущерб был нанесен и историческим памятникам Крыма. В 1934 году были ликвидированы Центральные государственные реставрационные мастерские, во многом способствующие делу сохранения крымских памятников. Отсутствие системы государственной охраны привели к тому, что при строительстве городов, распашке земли был нанесен значительный ущерб археологическим, архитектурным, памятникам.

Не обошел этот процесс и Бахчисарайский музей. Ученый секретарь АИМК В.И. Селиванов весной 1937 года обратил внимание на катастрофическое состояние Бахчисарайских мавзолеев, дюрбе, надгробных памятников в местностях

Эски-Юрт и Кырк-Азизлер. «...Эти замечательные мавзолеи, памятники тюркской архитектуры в Крыму – Биюк-дюрбе (большой мавзолей), мавзолей Диляры-Бикеч, Эски-дюрбе и др. находятся в плачевном состоянии, они беспризорные. Один из этих мавзолеев, что возле медицинского техникума, используется как уборная. Развертывающееся строительство нового Бахчисарая ставит под угрозу сохранность этих ценных памятников. Ни комитет по охране памятников, ни комитет по охране памятников при президиуме ВЦИК и Академия архитектуры, на которой лежит ответственность за охрану архитектурных памятников, ничего не делают для охраны бахчисарайских дюрбе.(10)

С начала 1930-х гг. фамилия У. Боданинского, как и впрочем, многих других известных в Крыму известных историков, музейных работников О. Акчокраклы, Я. Кемалы, И. Леманова, А.И. Маркевича, А.И. Полканова и др. исчезли со страниц газет и журналов, информация о крымских исторических памятниках.

В феврале 1934г. У. Боданинского уволили с работы, а в 1938г. расстреляли по обвинению в национализме совместно с группой других выдающихся деятелей крымско-татарской культуры.

Музей постепенно перестал заниматься выявлением и собиранием памятников, т.е. лишился того, благодаря чему назывался научным учреждением, центром изучения крымско-татарской культуры.

Крайне неудовлетворительное состояние памятников Бахчисарая во второй половине 1930-х гг. Бахчисарайский музей не мог следить за состоянием средневековых памятников города, которые уже не находились в его ведении. Горсовет Бахчисарая, Наркомпрос Крыма, Управление по делам искусств, при Крымском СНК, т.е. те органы, которые были обязаны обеспечить охрану, ничего не делали для сохранения этих памятников. Интенсивно разрушались памятники XV-XVI вв. бани «Сары-Гюзель», мавзолей Муххамед-шах-бея и др. Некоторые же памятники были разобраны на строительный материал.(11) Разрушение памятников уже не вызывало широкого резонанса общественности в условиях отсутствия краеведческих обществ с их журналами. Под лозунгом борьбы с религией некоторые закрытые мечети и минареты разбирались или искажались перестройками, сносились старинные сооружения. Все эти меры, к сожалению, безусловно, иска-

жали и наносили непоправимый ущерб целым архитектурным комплексам.

Из выше изложенного можно сделать вывод, что Бахчисарайским музеем в 1920—1930-х гг. были достигнуты определенные успехи в научно-исследовательской, культурно-просветительной работе, вели активную работу в деле сохранения исторических памятников. Работа музея была очень сложна и многообразна. Нужно отметить как много и плодотворно поработала многочисленная плеяда ученых исследователей, активистов краеведов, инициаторов и любителей музейного дела. Именно эти люди настойчиво и систематически занимались сбором исторических источников, его изучением и обобщением, организовывали всю деятельность музеев. Таким образом музей сыграл прогрессивную роль в экономической, политической, культурной жизни края.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА: 1. Боданинский У. Докладная записка о положении дворца-музея в г.Бахчисарае за 1917-1922гг.; 2. Андросов С.А. Деятельность Крымохриса по созданию и развитию музейной сети в Крыму (1920-1926гг.) // II Научные чтения. Сб. материалов. - Симф., 2002. - с.26; 3. Боданинский У. Годовой отчет Бахчисарайского музея за 1922гг. БГИКЗ.Фонды; 4. Козлов В.Ф. Директор музея. //Иылдыз. - Симф. 1998г; 5. Там же; 6. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар. //Крым, 1927 №2(4) - 113; 7. Полканов А.И. История музейного дела и охраны памятников культуры за 10 лет Советской власти в Крыму. //Оттиск из ИТОАиЭ. - Симф., 1931; 8. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. - Симф., 1930. - с.6; 9. Козлов В.Ф. Директор музея //Иылдыз. - Симф., 1998 г; 10. Селиванов В.И. Охранить памятники старины в Бахчисарае.// Красный Крым. 1937, 17 мая; 11. Иванин С. Заброшенные памятники // Красный Крым, 1938, 10 мая.

**ОСТАПЕНКО Г. Д., зав. историческим отделом
Музея истории и культуры крымских
татар Бахчисарайского государственного
историко-культурного заповедника**

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ МУСУЛЬМАНСКОГО ИСКУССТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЕТАЛЛЕ (ПО ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА БГИКЗ)

Художественный металл в фондах Бахчисарайского историко-культурного заповедника относится к тому времени, когда религия была всеобъемлющей идеологической формой и когда не могло не существовать религиозное сознание. Особую силу это обстоятельство приобрело в странах, исповедовавших ислам, так как «соединение светской и религиозной сфер в идеологической оболочке и при господстве религиозного фактора, отождествление морали и права делало ислам всеобъемлющей системой, претендующей на удовлетворение всех духовных потребностей». (1)

Глубокая связь религии и искусства в эпоху средневековья включала в себя диалектический момент их движения и взаимодействия.

Благоговейное отношение мусульман к Корану нашло своё выражение в оформлении ремесленных изделий и, в частности, из металла. Слово священной книги, произносимое вслух, выученное наизусть с детства, написанное на страницах манускриптов, на порталах и стенах зданий, вплетённое в орнамент архитектурных построек, тканей, изделий из металла, как бы вмещало для мусульман целый мир, охватывало все стороны жизни. Так слово, выполняя образительную и декоративную функцию, становилось вечным, запечатлённым на века. Высокоразвитая каллиграфия, закрепляя слова во времени и пространстве, расценивалась как искусство, занимаемая среди других его видов одно из самых почётных мест.

Почерк «куфи» возник в VII веке и в связи с декоративной направленностью средневекового искусства Востока получил художественную разработку во всех странах мусульманского мира. Художественно выполненные арабские надписи в виде узоров украшают многие предметы из металла, хранящиеся в фондах Бахчисарайского заповедника. Например, — это поднос с изящной арабской вязью, в которой сказано, что он сделан в Бахчисарае, в XVIII веке; чаша XVIII в. с куфической надписью, восхваляющей Аллаха; великолепные курильницы иранской работы XVIII в., испещрённые художественными композициями животных и людей, дополненные надписями, соперничающими по красоте с растительным орнаментом и другие.

В 1984 году была проведена работа сотрудником Эрмитажа господином А.А. Ивановым по переводу арабских надписей на медной посуде из фондовой коллекции Бахчисарайского заповедника. Выяснилось, что надписи в основном с пожеланиями, именами заказчиков или указанием места изготовления, как это принято в традиционном мусульманском искусстве. Практика надписей на металлических изделиях использовалась очень широко. Слово как бы закрепляло в металле власть человека над прекрасным изделием.

Большую роль в эстетическом идеале мусульманских народов играла религиозная символика, согласно которой красота понималась, как воплощение божественного совершенства, а обладание красотой — как образ Бога в человеческой душе. (2) Так, у мусульман часто изображали полумесяц. Такие изображения встречаются на изделиях из металла из фондов заповедника. Полумесяц, ассоциируемый со звёздами, стал символом воскресения. Корни здесь лежат глубоко, восходят к культу почитания Луны.

Эстетический идеал мусульманских народов исключительно богат и многозначен. В нём отражались древние космогонические представления и неисчерпаемая фантазия народного творчества. Так, в фондах Бахчисарайского заповедника хранится удивительный сундучок из металла, на крышке которого изображён мир, который состоит из трёх стихий: воздуха, воды и земли. Автор изобразил это следующим образом. В центре крышки: слон, на спине которого покоится земля; на ней он изобразил людей, животных, деревья. Справа изображена вода с помощью стилизованных рыб; слева — воздух или небо, — с помощью птиц. Эту картину дополняют каллиграфические арабские надписи, рас-

положенные по периметру крышки. К сожалению, надписи не переведены.

Ведущая роль в изображениях, встречающихся на предметах из металла, хранящихся в фондах заповедника принадлежит орнаменту с его причудливо исполненными переплетениями растительных, геометрических, эпиграфических мотивов. Типичная для всего мусульманского средневековья образная концепция строится на слиянии художественных аспектов, более близких к реальности и в то же время преломлённых в условном плане, отражая и живое воображение и изоощрённую игру ума.

Для украшения изделий из металла широко использовался мотив арабески, который включает в себя целую энциклопедию геометрических, растительных и звериных форм. Арабесковые композиции созвучны восточной музыки и поэзии. Они радуют глаз на иранских и турецких изделиях средневековья. Так, в фондах заповедника мы увидим курильницы и кувшины, подсвечники и подносы, испещрённые растительным орнаментом, нередко перемежающимся с изображениями животных.

Восточный узор — это «музыка для глаз». Спокойный ритм и повторяемость элементов, изобразительные и орнаментальные мотивы, выработанные искусством Востока, получили распространение в ремесленной среде горожан. Так, в фондах заповедника хранится сервиз, сделанный в Бахчисарае в XVIII веке, ни на одном предмете которого не осталось ни одного свободного места от орнамента. И это является иллюстрацией к интерпретации арабески с понятием «боязнь пустоты».

Через всю мусульманскую культуру, искусство и быт проходит образ воды. «От воды всякая вещь получает жизнь». Этот стих Корана показывает, что мусульмане смотрят на воду, как на источник жизни. В ровной, неподвижной поверхности водоёмов, игре их прихотливых отражений, в немолчном голосе воды с его бесчисленными звуковыми и эмоциональными оттенками таился источник неисчерпаемого эстетического наслаждения. Образ воды отличался изысканностью и чувством меры.

Вода в жизни мусульман всегда имела большое значение. К ней всегда относились с большим почитанием и благоговением. (3) Вода — это символ жизни, символ вечности. Это нашло отражение в художественном ремесле. Некоторые изделия из металла имеют непосредственное отношение

к воде, т.е. предназначены для её хранения, перемещения и т.д. Ручки многих кувшинов, вёдер сделаны в виде драконов, змей, ящериц. Они «охраняют» содержимое сосудов и играют роль оберега. Такие изделия есть и в фондах музея. С водой и этими стилизованными животными, олицетворяющими землю, связывают плодородие.

На некоторых иранских и турецких предметах из металла, находящихся в фондах заповедника, есть изображение птицы. Это интересный образ, который оставил след во всём мусульманском искусстве. Традиционный для ислама символ птицы соответствует душе, тайне, ангелам.

Для понимания особенностей изображения птиц и животных в домусульманское и мусульманское время нужно учесть: если в домусульманское время каждое отдельное изображение соответствовало определённому виду птицы, наделяясь собственным символическим значением, то уже в раннее мусульманское время это изображение соотносится не с каким-либо конкретным персонажем, а с закреплённым в сознании мусульман абстрактным понятием. (4) Такой существенный сдвиг в сознании мусульман имел основополагающее значение для восприятия всего мира художественных форм, а не только отдельных персонажей.

Птица и книга являются знамениями Аллаха в земной и запредельной жизни. Любой вид птиц в конечном счёте сообразен с родовыми функциями образов птиц. Так же как и любая книга есть дериват «Матери книг» — Корана. Можно поэтому объяснить широкое распространение в мусульманском ремесле и искусстве изображений птиц, так и арабских надписей.

В мусульманских представлениях периода средневековья существует три «царства природы» — минералов, растений и животных. (5) Эти царства природы предшествуют в космогенезе высшему в этом ряду звену — царству человека. Каждое царство, кроме царства минералов имеет свою «душу»: растительную, животную, человеческую. Высшая в этом ряду «человеческая душа» является результатом эволюционного движения, вбирая в себя все этапы космогонического развития. Каждая из форм (растительных, зооморфных, антропоморфных) может восприниматься в культуре не в своём собственном значении, а в иносказательном — воспроизводя качественные изменения в эволюции Мира и Человека.

Изображения птиц означают не конкретный вид или род

птицы, а то состояние Человека, которое характеризуется выражением «животная душа». Тот факт, что фигуры птиц в орнаменте предшествуют появлению других обитателей мира и изображаются гораздо чаще остальных на посуде, говорит об особом отношении мусульман именно к птицам.

Обитаемая часть мира представлялась мусульманами средневековья в виде 5-частного образа птицы. «Мир создан пятичастным по фигуре птицы с головой, грудью, двумя крыльями и хвостом. Голова её — Мекка, Медина, Йемен; грудь — Сирия и Египет; правое крыло — Ирак; левое — Синд; а хвост — от Зат ал-Хумам до заката солнца. (6)

Эти представления отразились на художественной практике мусульман. Многочисленные изображения птиц на мусульманской металлической посуде (в том числе и из фондов заповедника) приобретают свою осмысленность и логичность в свете существовавших представлений о птице, как образе обжитого мусульманского мира.

В фондах заповедника есть два очень интересных предмета — это сосуд в виде голубя, где чётко очерчены 5 частей — представление мусульман об обитаемой части мира. И курильница в виде павлина — иранская художественно выполненная работа XVIII века.

В домусульманское время образ павлина связывался с плодородием. В мусульманской религиозной традиции образ павлина связывается с историей грехопадения Адама и Евы. Павлин, птица Джабраила, не сумел охранить врата рая от проникновения туда змея, за что и был наказан. Поэтому павлин стал ассоциироваться с понятием похоти, сладострастия. Сцены грехопадения в персидской и турецкой миниатюрах сопровождаются изображением павлина и змеи. Павлин входит в число 30 птиц, ставших олицетворением Симурга — образа Абсолюта. Однако сочетание этих противоречащих друг другу представлений в мусульманском искусстве вполне объяснимо. Образ павлина в его двух ипостасях ассоциирован с одним и тем же эпизодом сакральной истории. Павлин как райская птица и павлин как олицетворение грехопадения прочно привязан к раю и к одному кругу понятий. Единственная цель падшего павлина — это возвращение в рай. Тем самым, образ павлина в мусульманском искусстве, является образом аллегорическим.

В мусульманском искусстве иногда встречаются предметы в виде животных и птиц. Это, в основном, курильницы или сосуды. И подтверждение этому — вещи, о которых речь

шла выше (голубь и павлин) из коллекции заповедника. Эти изделия затрагивают проблему скульптуры в мусульманском искусстве. Влияние религиозного запрета ваяния существовало, но не всегда соблюдалось. К тому же религия не запрещает мусульманину иметь у себя изображения живых существ, если обстановка, в которой они хранятся, и цель, для которой они служат, исключают возможность предположить, что им поклоняются. В соответствии с этим, большинство металлических фигур — курильницы.

В фондах заповедника хранится много изделий из красной и жёлтой меди (крымской, иранской, турецкой работы: кувшины, большие и малые блюда, подносы, вёдра, тарелки, миски и др.). Создание медников с давних времён пользовалось большой популярностью. Медь, которая в странах мусульманского мира к XVI веку почти вытеснила бронзу и своим жарким блеском вносила немало праздничности в атмосферу каждодневного быта, контрастировала со скромной красотой керамических изделий. Ощущению тяжести керамических изделий противостоят отточенное искусство обработки металла и его способность создавать изысканный силуэт и отражать свет. А это полностью соответствовало чувству красоты для человека Востока. (7) Представление о красоте в мусульманском мире связывается с совершенством форм, с трепетом живых, ярких красок, но сильнее всего со светом. Не случайно отсюда тяга к вещам сверкающим, блестящим и отражающим свет.

О большом мастерстве свидетельствует тот факт, что для того, чтобы сделать массивные и крупные сосуды и подносы более изящными, их покрывают тончайшей сеткой гравированного рисунка, орнаментальной чеканкой. Способность отражать свет, создавала чувство простора, образовывала несколько холодную ясную гамму, которая ассоциировалась с водой и символизировала образ райского сада.

Образ рая — цветущего сада оказал огромное влияние на развитие поэзии и искусства мусульманского мира. Он был воспет в стихах, отразился в произведениях архитектуры и художественного ремесла.

Образ рая, цветущего сада в художественном металле непосредственно связан с изображениями деревьев, листьев, цветов, плодов. Очень широко для украшения изделий использовалось стилизованное изображение листа и полулита, бесконечно варьируемое в росписях, сочетаемое с другими растительными элементами.

В XVIII веке (большинство изделий из металла в фондах заповедника XVIII века) в орнаментике росписей, в основном, встречаются мотивы лотоса, розы, гвоздики, тюльпана. Основное место в декоративном украшении изделий из металла занимают всевозможные, своеобразно стилизованные деревья, цветы, плоды. Излюбленными элементами росписей являются цветы. Об этом свидетельствуют фондовая коллекция из местных изделий из металла и привозных.

Таким образом, в коллекции художественного металла Бахчисарайского заповедника отразились и нашли своё развитие общие тенденции мусульманского искусства, характерные для всего мусульманского мира. Эта коллекция является яркой иллюстрацией высокого мастерства мусульманских мастеров прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. Каптерева Т.П. *Искусство стран Магриба. Средние века. Новое время.* М., 1988 г., с. 56; 2. Каптерева Т.П. *Ук. соч.*, с. 71; 3. Эссад Дж. *Константинополь. От Византии до Стамбула.* М., 1919 г., с. 7; 4. Шукуров Ш. *О понятии «птица» в искусстве Ирана.* М., 1991 г., с. 25; 5. Денике Б. *Искусство Востока.* Казань, 1923 г., с. 654; 6. Шукуров Ш. *Ук. соч.*, с. 58; 7. Денике Б. *Ук. соч.*, с. 414.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Галанина М., Граг С. *Ювелирные изделия в Эрмитаже.* Л., 1967 г.; 2. Денике Б. *Искусство Востока.* Казань, 1923 г.; 3. Ломин И.В. *Художественная обработка металла.* М., 1984 г.; 4. Марков Е. *Очерки Крыма. Симферополь, «Таврия», 1995 г.*; 5. Миллер Ю. *Художественная керамика Турции.* Л., 1972 г.; 6. Фоли Дж. *Энциклопедия знаков и символов.* М., 1997 г.; 7. Челеби Эвлия. *Книга путешествий, Симферополь, «Таврия», 1996 г.*; 8. Шукуров Ш. *О понятии «птица» в искусстве Ирана.* М., 1991 г.; 9. Эссад Дж. *Константинополь: от Византии до Стамбула.* М., 1919 г.

ПИРОЖЕНКО И. В., директор Вышгородского историко-культурного заповедника

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ XI СТ.

Ярослав — Георгий Владимирович (983—? — +20.02.1054г) был одним из великих князей Киевской Руси. Он был второй сын Владимира и Рогнеды, одним из 12 сыновей Владимира. Метрополит Илларион в знаменитом «Слове про закон и благодать» называет его «великим» и «благоверным». «Повесть временных лет» величает Ярослава «самодержцем».

Киевская Русь во времена княжения Ярослава Мудрого занимала одно из центральных мест в системе европейских политических взаимоотношений. Рост политических контактов, был обусловлен потребностями экономических связей Руси со странами центральной и западной Европы, о чем свидетельствуют множественные находки на русских землях монет и других европейских вещей. Киевской Руси времен XI ст. не требовалось интегрироваться в Европу, она уже была частью Европы.

Торговые пути, такие как «Великий шелковый путь», «Путь из варяг в греки», проходил через Киевскую Русь. Политические отношения между странами имели глубоко дипломатический характер. Ведущей в политике Ярослава Мудрого была не сила оружия а сила разума. Одно из приоритетов международной дипломатии имело место брачные отношения между княжеским родом Ярослава и иностранными королями, принцессами и т.д. Ярослава Мудрого называют тестем Европы и этому есть причины. Тесными были отношения Руси со скандинавскими странами, и это естественно, т.к. происхождение династии киевских князей связано с норманским севером.

Очень были укреплены связи Киевской Руси и Швеции после брака Ярослава Мудрого с Ингигердою. Это был политический брак, главной причиной которого была стабилизация

ция на севере Руси, обеспечить земли от нападения шведских воинов. Став владением Ингигерды, эта территория получила гарантию ненападения со стороны Швеции и служила буферной зоной между Скандинавией и Киевской Русью. Отношения между Польшей и Русью тоже были не просты. Проявлением добрососедских отношений стали брачные отношения между королем Казимиром и сестрой Ярослава Мудрого Добронеже, а сестра Казимира вышла замуж за Изяслава Ярославовича. Добрососедские отношения поддерживала Русь и с Норвегией. Еще более укрепились русско-норвежские отношения, связанные с деятельностью принца Геральда. У Ярослава он служил воеводой варяжской дружины. Здесь он и познакомился с дочерью Ярослава Мудрого Елизаветой, но она отвергла его. Через 10 лет принц Геральд вернулся в Киев со славой и богатствами и был принят Елизаветой. В 1043г. между ними был заключен брак и Геральд получил Норвежский трон. Также были очень тесными венгерские отношения с Киевской Русью. В Киев прибыли двое братьев – Андрей и Левений и проживали в Киеве около 10 лет. В 1046 г. Венгерская знать пригласила на королевский престол Венгрии Андрея, и тогда он женился на дочери Ярослава Мудрого Анастасии. С ее именем связано создание 2-х православных монастырей в Венгрии.

Русь времен Ярослава Мудрого поддерживала контакты также с Англией. При дворе Ярослава проживали долгое время сыновья короля Англии Эдмунда – Эдуард и Эдвин. Также установились тесные отношения с Францией, с династией Капетингов, благодаря женитьбе короля Генриха с Анной Ярославной. Женитьба произошла в Раймсе. Она приехала во Францию как православная и привезла в Париж древнерусское Евангелие, которое потом было передано реймскому собору и получило название "реймское". Впоследствии французские короли, вступая на престол, присягали на верность Франции на этой книге. Анна участвовала в управлении Францией после смерти мужа — Генриха I. Сегодня в г.Саисе стоит памятник Анне Ярославне, где она и закончила свой жизненный путь.

Ни с одной из стран Киевская Русь не была так тесно связана, как с Византией. В Константинополе постоянно размещалась русская колония, населенная дипломатами, военной дружиной, купцами, паломниками. Центром сосредоточения русских людей из Киевской Руси стал монастырь на Афоне. Финансировался монастырь за счет пожертвований и взносов,

какие приходили из Киевской Руси. В Византии в течение правления Ярослава Мудрого, находился на службе в императорском войске русский корпус. Мирный договор после военных действий в Византии был скреплен браком сына Ярослава Всеволода с дочерью императора Византии Константина Мономаха Марией. Густинская летопись говорит: "По трех же летах смирился Ярослав со греки и поят дщерь у Константина Мономаха царя греческого, за сына своего Всеволода." Таким образом успехи во внешней политике дали возможность Ярославу Мудрому обеспечить стабильное и спокойное развитие своих земель. Было развернуто величественное строительство, в котором участвовали мастера из Византии, из северных стран. Одни размеры укреплений "града Ярослава" удивляют масштабами проведенных работ. Закончено строительство Десятинной церкви, строительство собора святой Софии, святой Ирины, святого Георгия, Золотые Ворота, Княжеский терем. Во времена Ярослава был основан Киево-Печерский монастырь, который получил свой официальный статус в 1051г. Умер Ярослав Мудрый 20.02.1054г. в Вышгороде. Саркофаг Ярослава и Ингигерды и сегодня стоит в соборе святой Софии. Его открывали в 1936 и 1964гг. и проводили исследования. Рост князя был 172-175 см., княгиня на 5см ниже. Правая нога князя Ярослава была короче левой из-за болезни Пертеса. Реконструкция лица Ярослава была создана по черепу известным скульптором Герасимовым.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что Киевская Русь времен Ярослава Мудрого была высокоразвитой европейской страной. Киевская Русь объединяла вокруг себя все страны, налаживая добрососедские отношения, тому свидетельство практическое отсутствие войн и величественное строительство городов.

Когда Ярослав Мудрый умирал в г.Вышгороде 20.02.1054г. он оставил "заповіт" своим детям, который сегодня, в XXI столетии актуален как никогда: «Да еще будете в любви меж собою, Бог будет в Вас, и будете мирно живуще. А ще ли будете ненавистно живущи, то починете сами, погубите землю отец, и дедь своих с таким трудом преобреташа».

ЛИТЕРАТУРА: 1. Леонтій Войтович "Княжа доба на Русі"; 2. Петро Толочко "Київська Русь"; 3. «Повесть временных лет»; 4. Грушевський М.С. «Історія України - Русі»; 5. Рибаків Б.А. «Киевская Русь и русские княжества 12-13 ст.»; 6. Петро Толочко "Володимир святий, Ярослав Мудрий".

*ПЛОТНИКОВА А. М., зав. відділом
охорони пам'яток Вишгородського
історико-культурного заповідника*

ІСТОРІЯ ВИШГОРОДА З X ПО XX СТОЛІТТЯ

Давній Вишгород належить до найстародавніших руських міст. Він був одним з визначних центрів Київської Русі.

Вперше Вишгород згадується в "Повісті времінних літ" під 946 роком у зв'язку з підкоренням княгинею Ольгою древлянської землі. За літописом, дакину, яку брали у древлян, розподіяли між Києвом і Вишгородом. Тут Вишгород згадується як резиденція княгині Ольги "Ольжин град". До середини X ст. належить згадка про Вишгород Костянтина Багрянородного в трактаті "Об управленіі государством". В Іпатіївському літописі від 946 до 1214 р. Вишгород згадується 38 разів з приводу тих чи інших важливих подій. Вже ці згадки свідчать про велику роль і значення міста в історичному житті стародавньої Русі. Письмові джерела про Вишгород не обмежуються літописними відомостями. Давній Вишгород був визначним церковно-релігійним осередком. Тут знаходилися мощі перших руських святих Бориса і Гліба, що привертало особливу увагу до міста церковних книжників.

Наприкінці першої половини XI ст. невідомий автор написав "Сказание о святых князьях Борисе и Глебе", а наприкінці XI ст. було написано "Сказание о чудесах святых Бориса и Глеба" як продовження і доповнення першого твору. Між 1108 і 1115 роками Нестор написав «Чтение о святых князьях Борисе и Глебе». Ці твори є цінним джерелом для історії давнього Вишгорода. В них знаходимо відомості про господарство, про деякі побутові деталі, в них згадуються імена вишгородського боярства, державних і адміністративних осіб та ін. Є підстава вважати, що в основі творів про князів Бориса і Гліба лежать записи, що велися у Вишгороді.

В науковій історичній літературі Вишгород згадується майже у кожній праці, присвяченій історії стародавньої Русі. Особливо часто посилаються на Вишгород у зв'язку з проблемою виникнення і розвитку феодальної власності Київській Русі.

Що ж саме привертає увагу дослідників до Вишгорода, який знаходиться неподалік греблі Київської ГЕС та досить занедбаного і хаотично забудованого райцентру Київської області на дніпровських кручах.

Тут збереглися культурний шар X—XI ст., руїни укріплення та мурований фундамент церкви Бориса і Гліба.

Перші вияви зацікавлення пам'ятками Вишгорода і його околиць містяться в давньоруських літописах, свідченнях і описах околиць Києва мандрівниками-іноземцями, описах Київського замку, ілюстраціях Київського воеводства XVI—XVII ст., статистичних описах київської округи XVIII ст.

З кінця XVII ст. Вишгород опинився в полі наукових інтересів істориків і краєзнавців, серед яких одним з перших був М.Ф. Берлінський. На його думку Вишгород заснував брат Кия Хорив. Такого ж погляду дотримувався Інокентій Гізель (1600—1683) та В.Г. Ляскоринський. Ляскоринський висловив думку, що Вишгород не був окремим містом, а лише частиною Києва — "над Подолом на високій горі", найдавніша укріплена частина цього міста, — писав він, — вважалась верхнім, високим містом, — інакше Вишгородом, як домінуюча над іншими частинами. Отже, за В.Г. Ляскоринським, Вишгород був розташований не на всій нагірній частині Києва.

У творах краєзнавців XIX ст. (Л. Похилевич, Ф. Маніковський) можна зустріти багато фантастичних подробиць, що були почерпнуті з пізніх польських хронік і українських літописів, наприклад, про те ж заснування міста Хоривом або про колодязь з мощами святих Бориса і Гліба.

Ось що пише Лавренті Похилевич у своєму творі "Сказание о населенных местностях Киевской губернии" про Вишгород: "Вышгород — село над Днепром, выше Киева, в 8 верстах от городско черты. По древнему преданию, записаному у Нестора, из трех братьев: Кия, Щека и Хорева, последний поселился на горе где теперь Вышгород, отчего это место называлось Хоревницей. Значит Вышгород современен Киеву. Об этом упоминает также Константин Багрянородны. Олег (вещий) отдал Вышгород в вено святой Ольге как невесте или супруге великого князя Игоря. С того

времени Вышгород «был градъ Вользин». Она любила это место за природную его красоту и, когда сделалась владетельной княгиней по смерти Игоря, то обязала победенных ею древлян доставлять в Вышгород третью часть наложенной на них дани».

Крім того, літопис свідчить про смерть у Вишгороді князя Ярослава Мудрого 1054 року. За літописом 1072 року мощі перших православних святих Бориса і Гліба (братів Ярослава) були перенесені у новий дерев'яний храм, збудований Ізяславом Ярославичем на Вишгородському городищі. Тоді ж під час князювання синів Ярослава Мудрого було доповнено звід законів Русі, відомих під назвою «Руська правда» (Правда Ярослава, 1016—1036рр.). Нова «Правда Ярославичей» 1054—1072рр. являла собою збірку норм давньоруського права. Пізніше її покладено в основу правового законодавства Російської імперії. Археологічні знахідки княжих печаток на городищі свідчать про те, що 1078 року місто стає центром невеликого удільного князівства.

За рішенням київського князя Святослава Ярославича 1074 року, поруч з дерев'яним Василівським храмом розпочато будівництво кам'яного храму — мавзолею святих Бориса і Гліба. Храм завершено 1112 року. Ця найбільша з відомих культових споруд стародавньої Русі висотою понад 30м мала розміри в плані 42 x 22м. Освячення храму та перенесення туди реліквій святих Бориса і Гліба здійснено 1115 року у присутності київського князя Володимира Всеволодовича Мономаха з синами та будівельником храму Олегом Святославичем. Завдяки розташуванню на пагорбі та своїй надзвичайній висоті храм-мавзолей містобудівною домінантою, що панувала над містом та Дніпром.

Спираючись на відомості з історичних джерел та археологічні знахідки можна зробити висновки про наступне: навищий розквіт стародавнього Вишгорода припав на період феодалної роздрібленості.

За своєю містобудівною структурою Вишгородське городище X—XIII ст. складалося з дитинця, окольного міста і посаду. Висота плато городища на правому березі Дніпра сягала 80м над його рівнем. Дитинець мав розміри близько 350 x 250м та займав підвищену частину плато. Він являв собою адміністративно-громадський центр міста, де було розташовано Борисоглібський храм. Зазвичай на дитинці розміщувалися житла князів та бояр. Посад займав схили узгір'я.

Вишгородське городище мало три лінії укріплень. Залишки дерево-земельних укріплень збереглися з західного та південно-західного боку від дитинця. Земляний вал, що оперізував центральну частину, являв собою першу лінію укріплень та сягав висоти 7-9м. Друга лінія укріплень городища за своїм обрисом — дугоподібна. Вона розташована у південній частині плато нижче за дитинець. Її напрямом: з півночі на південь та з північного заходу на південний схід. Поруч з валом на окремих ділянках збереглися фрагменти рову різного ступеня збереженості.

Археологом Ф.Козубовським протягом 1934—1937рр. було ретельно досліджено залишки валів південно-західної частини другої лінії укріплень.

Розкопками виявлено внутрішню конструкцію валів, основу якої у X—XI ст. складала березові зруби (за типом білогородських), розташованих впритул один до одного, розміром 5 x 2м, заввишки 2м, забиті бурою глиною. Під час розкопок 1951—1952 рр. археолог П.Раппопорт дійшов висновку, що у XII ст. укріплення було поновлено заміною березових зрубів на дубові зі щільним глиняним забиванням. Наповнювач глиняного забивання (фрагменти плінфи і вапна) датується XI ст. Конструкцію валів теж було замінено: колоди фронтальних стінок зрубів складені «у перев'яз» з попередніми стінками зрубів. Над верхньою частиною валів були дерев'яні стіни або городні. З боку внутрішнього схилу — сходишки, що забезпечувало пересування людей. Ззовні вали було оточено ровами глибиною до 5м симетричними за розрізом. Ширина ровів сягала 16м при довжині схилу до 35м.

Дослідженнями виявлено фрагменти ескарпованих з боку Дніпра схилів. Розкопками було розкрито місце в'їздних воріт. На думку П.П.Толочка вони мали вигляд дерев'яної башти з підйомним мостом, як і в інших давньоруських містах (Каневі, Родені, Переяславі).

Аналіз рельєфу місцевості дає змогу зробити висновок, що третя, вірогідна, лінія укріплень оперізувала посад Вишгорода ззовні та являла собою земляний насип з високим частоколом. Площа давнього міста (на середину XII ст.) складала близько 80га. Природними межами міста слугували: північний яр, зі сходу — схили пагорбів з боку Дніпра, із заходу Нишков і Глибоки яри.

Що стосується південної частини давньоруського міста, територія посаду гончарів (за історичними джерелами — так

звана "гончарівка") примикала до траси сучасної вул. Шолуденка, а з південного заходу вона була обмежена заплавою струмка. У плануванні городища відбито внутрішні міські та зовнішні дороги.

Головним під'їздом до дитинця слугував шлях, що вів від берега Дніпра з південного боку городища. При цьому радіально спрямовані вулиці було орієнтовано на храм-мавзолей святих Бориса і Гліба, розташований у центрі дитинця.

На посаді вулиці було орієнтовано вздовж схилу пагорба. У X—XIII ст. кількість населення міста складала близько 12 тис. чол.

Різноманітні витвори міського ремісничого виробництва були відомі та користувались попитом не тільки поблизу, але далеко за межами країни (наприклад у Візантії). Археологічні знахідки свідчать про багате життя Вишгорода та про високу культуру його талановитих майстрів, що виготовляли визначні прикраси та знаряддя праці. У відношенні торгівлі Вишгород XI ст. стояв поруч з Новгородом, Смоленськом, Києвом.

Починаючи з XI ст. у Вишгороді існують ремісничі об'єднання за професійними ознаками: гончарів, металургів (ковалів), будівельників-каменярів і деревообробників, косторізів, склоробів.

За літописними джерелами, у яких розповідається про послідовне введення декількох вишгородських храмів, вказано на цехову форму ремісничого виробництва. Там фігурують: будівельник міських укріплень "градник" Миронег, "старейшина огородників Ждан", "здатели", тобто будівельники.

Особливого розвитку серед інших ремісничих виробництв набуло гончарство. Зокрема, цьому сприяли наявність покладів якісної глини вздовж заплави Дніпра і Десни; розташування поблизу Києва на перехресті торговельних шляхів, що полегшувало збут продукції. Дослідники Вишгорода виявили, що масштаб гончарного виробництва XI—XII ст. значно перевищував місцеві потреби. Найбільший за площею осередок гончарства було розташовано у південній частині городища. На поч. 1990 років під час археологічних розкопок між вулицею Шолуденка та вул. Межигірського Спасу на ділянці довжиною 50 м простежено вулицю XI—XII ст. З садибами, які обмежено огорожами. На прилеглих ділянках знадено залишки десятків гончарних горнів. Археологічні

дослідження дають змогу зробити висновок про те, що поселення гончарів займало територію кварталу між вул. Шолуденка і вул. М. Спасу, а також вздовж пров. Старосільського.

Культурний шар району, де жили гончарі, насичений знахідками, типовими щодо міст стародавньої Русі: тут знайдено ножі, пряжки, замки, ключі, сланцеві пряслиця, прикраси з мідних сплавів.

Конструкцію горен XI—XII ст., яка нічим не відрізнялася від горен, відомих за етнографічними даними XIX ст., було досліджено у 1930-і роки. Як правило, горно було глинобитним, з дерев'яним каркасом, що одразу вигорав, складалося з двох камер діаметром від 0,8 до 2,5 м, які розміщувалися одна над одною, тобто було двоярусним. Нижня камера правила за топку і наповнювалася дровами, верхня – гончарними виробами. Між ними була черинь печі з отворами, тобто решітка, через яку довгі язички полум'я обпалювали сирі гончарні вироби. Топкова камера була грушоподібної форми з витягнутими шелепами, довжиною до 3,5 м, верхня камера – завжди кругла, куполоподібна. Широке розповсюдження у Вишгороді досліджуваного періоду мало металургічне виробництво. За даними археологічних розкопок, воно було зосереджене у північно-східній частині дитинця та на південному заході городища. Добре відомі дослідження 1934—1937 рр. комплекси жител і господарчих споруд у східній частині дитинця (так званий квартал металургів) з залишками ковалень, майстерень ливарників та ювелірів. Ремісники, що мешкали на дитинці, займалися ще й видобутком заліза, ковальством, слюсарством, деревообробкою.

Деякі з християнських некрополів XI ст. мали незначні курганні насипи, про що згадував В. Антонович. 1936 р. на відстані 2 км у західному напрямку від центру городища в урочищі "Могилки на ставках" відкрито декілька християнських поховань XI—XII ст. На місцях курганів більш ранньої доби (Мовчанівський, Ф. 20 № 42 Моця 2004, Орлов, звіт, с. 27).

Під час монгольського нашествия орд Батия 1240 р. Вишгород та Борисоглібський храм було пограбовано. Місто довго залишалася у повному занепаді.

1569 р. об'єднано Польщу і Литву, внаслідок чого Вишгородську землю включено до складу Речі Посполитої. Вигідне зі стратегічної точки зору розташування Вишгорода на

північних підступах до Києва притягнуло увагу польського уряду до покинутого городища. 1595 року було відновлено замок та засновано староство. У люстрації королівських ревізорів 1622 р. Вишгород представлено в оренду при Києві.

На зламі XVI – XVII ст. руїни храму Бориса і Гліба було розібрано: будівельний матеріал використано для спорудження у Києві домініканського костелу св.Миколая Мирлікійського (що підтверджено археологічними розкопками на Подолі), а 1744 р. для закладки фундаментів стародавнього мурованого храму у Вишгороді було зведено дерев'яну церкву.

Під час визвольної війни українського народу 1748—1654р. Вишгород увійшов у склад Київської сотні Київського полку за універсалом Б.Хмельницького 1656р. Вишгород (разом з селами Петрівці та Мощани) передано у володіння Межигірського монастиря – головної святині запорозьких козаків. У цьому статусі Вишгород залишався по 1786р.

Війна Росії з Польщею, що завершилась Андрусівським перемир'ям, за яким Вишгород разом з Києвом перейшов до Росії, призвела до руйнування та запусіння міста. Вишгород перетворився у незначне село.

1787 р. село Вишгород переходить із складу монастирських володінь до розряду державного майна підпорядкованого Київській казенній палаті. На початку XIX ст. У селі налічувалося 40 дворів, 180 державних селян чоловічої статі, три млини, цегляний завод.

1846р. Вишгород відвідував Т.Г.Шевченко, залишивши на згадку малюнок олівцем. (зберігається у музеї Т.Г.Шевченка у Києві).

Нова церква святих Бориса і Гліба, споруджена 1862 року на місці розібраної дерев'яної на території колишнього дитинця, стала першою цегляною будівлею Вишгорода. Вона була побудована з місцевої цегли, виробленої на заводі Ф.Березовського. При зведенні церкви за основу було взято "нормальний" проект церкви архітектора К.Тона 1861р. В процесі будівництва було допущено деякі відхилення від авторського задуму, замість п'яти декоративних бань над цегляним склепінням нефу була зведена одна велика зі світловим барабаном, цибулеподібною банею та маківкою; спрощено оформлення вхідних порталів; замість капіталей на фасадах центрального об'єму виконано лопатки.

1934-1936рр. експедицією Української Академії Наук під керівництвом Т.Мовчанівського на території Вишгородсько-

го городища проведено археологічні розкопки. У процесі розкопок відкрито підмурки Борисоглібського храму 1074—1112 рр., знайдено фрагменти західної стіни з фасадною колоною, частиною віконних прорізів, що мали півциркулярні завершення, та залишками двох півциркулярних двоступінчастих ніш, шматочки тиньку з фресковим розписом та графіті, уламки поливних плиток підлоги, шматки свинцевих листів покрівлі. У північно-східній частині дитинця в зоні значної ерозії лесового плато понад урвистим східним схилом пагорбу між двома рядами житлових і господарських будівель простежено смугу завширшки – 10м. Скоріш за все, однієї з вулиць.

Рішення про будівництво Київської ГЕС було прийнято Радою Міністрів СРСР у серпні 1959 р. Нижче за течією Дніпра вже було зведено п'ять гідровузлів: Каховський, Дніпровський, Дніпродзержинський, Кременчузький, Канівський.

Спорудження ГЕС проводилось з 1961 по 1964 рр. За цей період відкрито судноплавний шлюз, затоплено водою котлован, перекрито Дніпро, дала промисловий струм перша турбіна. У жовтні 1968 р. останню (двадцяту) гідротурбіну введено в експлуатацію. Існує декілька доводів доцільності спорудження гідрокомплексу. Перш за все, це — вироблення електроенергії з покриттям пікових навантажень під час добових коливань енергоспоживання. По-друге створення водного, більш ніж тисячокілометрового, шляху від Чорного моря до Чорнобилля, що значно збільшує вантажообіг рікою. По-третє, накопичення великих об'ємів повені дозволяє розширити зрошувальне господарство для хліборобства та поліпшити водопостачання Криму.

Негативними наслідками зведення Київської ГЕС є затоплення — крім лісів, сіножатей, пасовищ, плодючих орних земель, сучасних населених пунктів, ще й великих ділянок археологічного культурного шару, що містив близько 100 стародавніх поселень та могильників: стоянки епохи неоліту (VI тис. до н.е.), поселення трипільської культури, поселення і поховання доби бронзи. У котловані ГЕС було знайдено залишки вимерлих тварин — бивні мамонта, кістки і роги північного оленя, бізона. Таким чином, унікальні історико-культурні цінності було поховано під водою. 1962р. Вишгород офіційно став поселенням міського типу. На цей час вже було споруджено декілька житлових будинків, гуртожиток та дитячий садок. Протягом 1960-х р. будівницт-

во поселення ГЕС було реалізовано майже повністю відповідно до первісного проекту. Громадський центр поселення гідробудівельників за проектом 1962-1963рр. було розміщено біля перехрестя двох нових транспортних вісей — вул. Дніпровської та просп. Молодіжного (зараз — просп. І. Мазепи).

У січні 1968р., за декілька місяців до введення в експлуатацію останньої гідротурбіни Вишгород віднесено до категорії міст районного підпорядкування.

Висновки:

Зважаючи на те, що Вишгород багато разів згадується у давньоруських літописах у контексті різних політичних подій, можна прийти до висновку, що місто дійсно було одним з визначних центрів Київської Русі. Воно займало важливе місце в обороні Київської землі, Першу літописну згадку про Вишгород знайдено під 946р. у зв'язку з підкоренням княгинєю Ольгою древлянської землі. За літописом, данину, яку брали з древлян, розподіляли між Києвом і Вишгородом.

Початок археологічного вивчення міста припадає на 20-ті роки ХІХ ст. І пов'язаний з дослідженням решток пам'ятного храму. У ХХ ст. Широке дослідження на території Вишгорода проводились у 1934—1937рр. (Козубовський, Мовчанівський, Підоплічко, Рибаків, Тараканова, Голубєва, Моргілевський) у 1947 р. (Довженок, Березовець, Кузнєцова, Путь) у 1952р. (Каргер вивчав фундамент храму, а Раппопорт — оборонні споруди міста), у 1972р. (Довженок, Чумаченко)—1989р. (Дорофєєв, Сиром'ятников, Серов), і останній етап — 1990-1998, 2002р. (Орлов, Чабай, Козюба) одним з наслідків роботи експедиції 1934—1937рр. було оголошення давнього городища і прилеглої до нього території заповідником у 1935р.

Давній Вишгород виник на одному з відрогів правого берега Дніпра, за 20 км на північний захід від Києва. Рештки городища з високими (до 10м) валами збереглися у західній та південно-західній частинах. Площа дитинця становила в середині ХІІ ст. — 9га. На решту території міста припадало понад 70га. У конституції земляного валу використано дерев'яні зруби. Крім дитинця, існував ремісничо-торгівельний посад.

Історична топографія показує, що планування міста, яке склалося у середині ХІ ст., не зазнало історичних змін аж до середини ХІІІ ст. Історія Вишгорода як великого економічного, політичного і культурного центру пов'язана з кня-

зюванням Ярослава Мудрого та його нащадків. У Вишгороді був замський двір Ярослава, тут зосереджувалася і певна церковна влада — центром культу перших святих на Русі — Бориса і Гліба — виявився не Київ, а Вишгород.

Під час розкопок знайдено кілька вислих свинцевих печаток, пов'язаних з іменами князів київських Ізяслава, Ярослава (1054-1078), Володимира Мономаха (1113-1125).

Археологічні дослідження пролили світло на характер забудови міста, типи житловогосподарських споруд.

У давньому Вишгороді набули значного розвитку різноманітні ремесла. Поблизу південного кінця східного схилу городища відкрито залишки металургійних горен і залізообробного виробництва. Масові вироби місцевих ковалів підтверджують високий рівень залізообробного і ковальського виробництв.

У південній частині городища відкрито 13 гончарних печей ХІІ ст.

Також у Вишгороді знали склоробне, ювелірне, кісторізне виробництво.

У письмових джерелах згадується ряд церковних споруд, які було зведено у Вишгороді. Перший Вишгородський християнський храм споруджено за часів князювання Володимира Святославича наприкінці Х ст. У 20-х роках ХІ ст. На місці спаленого Василівського храму споруджено нову дерев'яну п'ятикупольну церкву. Храм будували під керівництвом відомого архітектора Мілонєга. Після завершення будівництва в нього були перенесені останки Бориса і Гліба.

Наступні храми зводили під керівництвом Ждан-Ніколи. Урочисте освячення церкви відбулося у 1072 році в присутності синів Ярослава Мудрого — Ізяслава, Святослава, Всеволода. Спеціалісти з історії Київської Русі вважають, що саме тоді у Вишгороді було прийнято "Правду Ярославичів" — важливе зведення законів Русі у зв'язку з розвитком законодавства, започаткованого Ярославом Мудрим.

За Святослава Ярославича в 1072р. у Вишгороді розпочали будівництво кам'яного монументального храму на честь Бориса і Гліба.

Завершення будівництва і освячення храму відбулося 1115р. Це була, як показали археолого-архітектурні дослідження, одна з самих великих у Київській Русі восьмиступова тринефна церква. Її площа становила 924 кв.м. (42x22м).

Цвинтар стародавнього Вишгорода розташований за 2км

Гахана С. Шапшала была создана национальная библиотека-музей «Карай Битиклиги». Постепенно библиотека стала центром сосредоточения караимских вещей, рукописей, картин и книг. Здесь сосредоточилась коллекция портретов выдающихся караимских деятелей, видов архитектурных памятников 17—18 вв. (в т.ч. работы Самокиша и Химона)⁴, библиотека А. Мичри (более 20 тыс. томов различных изданий и старопечатных книг).

В 1921 г. Карай Битиклиги переходит в ведение Евпаторийского Государственного краеведческого музея.

Подобные процессы происходили и в Бахчисарае. Большой крымско-караимский фонд был в Бахчисарайском заповеднике (Бахчисарайском дворце-музее).

С. Кушуль⁵ писала, что в 1932 году дом для приема гостей в Кале «был разобран, а его инвентарь попал в Бахчисарайский музей». Упомянутый дом был построен в конце 19 в. на средства караимских общин. В нем была оборудована гостиная «роскошно убранная»⁶ в национальном стиле. На сохранившихся фотографиях можно увидеть большой в полный рост портрет Екатерины II и портреты российских императоров, изящные столики, столы, стулья, ковер, посуду и прочее убранство большого зала. Кроме него, были и служебные помещения. В фондах заповедника сейчас есть шерстяной ковер ручной работы из дома для приема гостей (3051)⁷. Находится он в экспозиции. Кроме него, указано, что из Кале шестигранный столик, инкрустированный перламутром, черепахой и рогом (669). Ножки столика образуют высокие, узкие, фигурные арочки, а в центре крышки из перламутра вырезаны 3 розы с бутонами. Больше ничего «из имущества бывшего дворца в Чуфут-Кале» найти в фондах не удалось, не сохранились и точные данные источника поступления. Но, наверняка такие материалы есть. Часто встречается фраза «из довоенных поступлений». Такие предметы нуждаются в исследованиях, требующих больших затрат времени по идентификации.

Некоторое имущество, возможно, было и в сохранившейся

⁴ Караимы. // Материалы к серии «Народы и культуры». - Вып. XIV. Кн. 3. - М., 1994. - С. 195.

⁵ Кушуль С. Крымские караимы и историческая связь их с Чуфут-Кале // Мозаика культуры крымских караимов. - Симферополь, 2006. - С. 23.

⁶ Фиркович М. Я. Старинный караимский городок Калэ называемый ныне «Чуфут-Калэ». - Вильна, 1907. - С. 28.

⁷ В скобках указаны номера по КП БГИКЗ

ся до наших дней усадьбе Чалбору. Существует вероятность, что предметы быта из этого дома были переданы музею.

В Бахчисарайский музей также поступило имущество (или его часть) кенаса Кале и Бахчисарая. Из описаний внутреннего убранства храмов и сохранившихся фотографий, мы можем примерно восстановить список предметов, составлявших его имущество. В Соборной кенаса Кале находились⁸: страусиные яйца (2, или 3 шт.) на шнурах, 3 стола с покрывалами (нижними и верхними), алтарь с 3-мя фиалами, алтарные занавеси (минимум — 3), витрина для серебряного кубка, амвон, люстры хрустальные (не менее 2-х), бронзовые и медные свечные люстры (не менее 6-ти), медные подсвечники на 1 свечу (не менее 4), скамьи с покрывалами, ковры и книги. В Бахчисарайском храме находились: алтарь с занавесями, ковры (не менее 8-ми), 3 стола с покрывалами (не менее 6 шт.), амвон, хрустальные большие свечные люстры (не менее 4-х), бра свечные (не менее 6-ти), лампы (не менее 10-ти), скамьи, кресла подсвечники на 1 свечу, Тора, книги. Кроме того, в кенаса обычно находилась и другая утварь — подносы, чайные ложки, металлические (чаще серебряные) рюмочки или чашечки, нож, одежда священника, документация и пр.

Дату поступления можно определить условно — имущество Бахчисарайской кенаса в 1930 г., после закрытия храма и передачи его здания Крымполиграфтресту⁹; имущество Соборной кенаса Кале находилось в Кале и во время войны, о чем говорит фотография в немецком журнале «Сигнал» 1944 г., и в 1959 г., когда сделаны фотоснимки Ю. Панютиным (5076).

Из вышеперечисленного в фондах БГИКЗ сохранились: 4 медных подсвечника на 1 свечу 18-19 в. (3117-3120), большая хрустальная люстра (3052), 7 алтарных занавесей (205, 206, 220, 576, 167, 2-НВ), 1 верхняя полоса алтарной занавеси (394), фиал (НВ 10171), 2 верхних покрывала (286, 574), детали медных и бронзовых свечных люстр (НВ), детали хрустальной люстры (НВ), 3 нашивки на чичит (402, 403, НВ) и книги.

⁸ Полканов А. И. Крымские караимы. - Париж, 1995. - С. 84.

Бейм С. Память о Чуфут-Кале. - Одесса, 1862. - С. 46.

Фиркович М. Я. Старинный караимский городок Калэ называемый ныне «Чуфут-Калэ». - Вильна, 1907. - С. 12-15.

⁹ Архив Ассоциации «Крымкарайлар». Справка БГИКЗ. Исх. №416 от 20.08.2003 г.

ники. Самый известный из них — «Мекабеч» (4974), в котором собраны молитвы покаянного характера. Это первая печатная книга в Крыму, изданная во время правления Кап-лан Гирей хана в 1734 г. в Кале на караимском и древнееврейском языках. Молитвенники (4997) в Кале печатали и при правлении российского императора Александра I в 1804 и 1805 гг. Самый ранний молитвенник в коллекции БГИКЗ издан в Венеции в 1529 г. (9985, 9988, 9990). Он в картоно-кожаном переплете с тисненым орнаментом.

Кроме вышеуказанных есть молитвенники, печатанные в Вильно в 1871 г. в Евпатории в 1903 и др. Надписи на корешках молитвенников, изданных в Вильно в 1892 г. (5028, 5029, 5030) сообщают о том, что они были подарены кенаса Кале (издателем купцом Я. Шипманом).

Книга «Отпрыск Давида», принадлежащая перу Д.Кокизова из известной караимской династии ученых, включает тексты Священного Писания, этику, сведения по астрономии и стихи. Издана в С-Пб в 1897 г. его братом Н.Кокизовым (9991).

Из книг не религиозного характера выделяется меджума — рукописный сборник 19 в. на караимском языке. В такие книги фиксировали все более или менее важные события из жизни семьи или общины. В сборниках также записывались пословицы, загадки, сказки и т.п. Меджума — бесценный клад народной мудрости, фольклора. Она отражает мировоззрение народа. К сожалению, до наших дней дошло очень мало таких рукописей. Отличается от других она и небольшими размерами — 10 x 20,5 см. Книга в кожаном переплете с текстом на голубой бумаге (кроме 4 листов). На некоторых страницах текст заключен в рамку.

Большую часть коллекции (46 книг и 8 фрагментов основного и НВ фондов) составляют сборники надгробных надписей А.Фирковича «Тмунат Гакачбот» и «Авие Зиккарон».

Во многих книгах встречаются приписки, представляющие интерес, прежде всего, для историков и филологов. На некоторых изданиях встречаются фамилии крымских караимов — владельцев книг: Майтоп, Еру, Дубинский, Шапшал и др., а также печати.

На учебнике древнееврейского языка для караимских детей 1-го учебного возраста (9972), написанного на караимском Я.Коккеем, обложка с тиснением «Ефету Чифаньевичу Майтопу». Судя по всему, Е.Майтоп передал книги из своей

библиотеки в фонды, или в библиотеку музея. Этот уроженец Бахчисарая ряд лет сотрудничал с работниками музея и со многими учеными; знал несколько языков, помогал переводить и читать книги и документы. Он безвозмездно провел разборку книг из Кале для Бахчисарайского музея. Был уполномоченным (делегатом) национального съезда в 1911 г. в Евпатории, членом комиссии по поддержанию Кале в порядке, казначеем Соборной кенаса в Кале. В 1918 г. по поручению Духовного караимского правления приступил к ремонту ограды и ворот кладбища Балта Тиймэз.

В собрании музея есть также 2 сборника стихов: И.Казаса (9980) и О.Прик (9971), словарь (10022) и описание поездки в 1833 г. Хаджи Аги Бабовича в С-Петербург (1000).

Часть караимской книжной коллекции Бахчисарайского историко-археологического музея была передана Публичной библиотеке им.Салтыкова-Щедрина в июне 1976 г. (около 90 рукописных и печатных изданий 16-н.20 в., издания Венеции, Вильно, Евпатория, Кырк Йер, Лондон, Вена)¹³.

Кроме книг и предметов из кенаса, в музей попали некоторые этнографические материалы крымских караимов и книги из караимских семей.

Из этнографического материала сохранились вышивки, в т.ч. наверху на фес (577), купленное в Бахчисарае музеем в 1947 г., с широко известной вышивкой речным жемчугом и канителью. Точно такой же орнамент и на фесе О.Прик в национальной одежде в Тракае из коллекции С.Шапшала и на сохранившихся изделиях в домах у некоторых караев.

Кроме вышеуказанного, известно, что в фондах есть медный луженый поднос 19 в. с зубчатыми боками, с караимской надписью «Бераха Эмизик» и блюдо из красной меди середины 19 в. с гравировкой и надписью «Мордехай Тотеш», приобретенный в Бахчисарае у Сары Чореф.

В списке караимской экспозиции музея числится мужская курточка из синего сукна с вышивкой (191). Сохранились фотонегативы караимской выставки в музее. На них запечатлены наволочка караимской работы (4295), женская кофточка (4294, 4292), интерьер караимской комнаты (4293, 4291). По карточкам вышеуказанные предметы найти не удалось.

В фондах сохранились 2 фотонегатива (4198 и 4929),

¹³ Питання повернення втрачених культурних цінностей пам'ятки кримськотатарської історії та культури. Додатковий матеріал науково-практичної конференції. - Сімферополь-Бахчисарай, 2005. - С.16-22.

представляющих большой интерес для караев. На них запечатлены группа караимского и православного духовенства на Кале в 1889 г. и группа караимского духовенства на Кале. На них сфотографированы Гахан С. Панпулов и газзан С. Нейман, идентифицировать других персонажей пока не удалось.

Из семей Каракаш, Оксюз, Дубинских в фонды музея были переданы различные фото: портрет Р. Кумыш 1934 г. (НВ 2232); свадебное фото Эмили и Товия (Леви-Бабовича?) 1918 (НВ 2243); С. Кефели и коллектива караимского училища (НВ 2248, 2210); коллективное фото Бурче, Майкапар, Хаджи, Оксюз (НВ 2211); групп туристов на Кале 1930 г. (10095, 10097-10103); портрет А. Дубинского (4509). Есть фото А. Болека (НВ 10016, 10018).

Во время Великой Отечественной войны часть предметов была расхищена. Например: алтарная занавесь шелковая малинового цвета, вышитая серебром «маклама», узоры – вазы с цветами (КП 2625)¹⁴. Возможно, крымскокараимские экспонаты попали в 1955–1966 гг. в другие музеи (Киевский исторический музей, Каховский краеведческий музей, Запорожский краеведческий музей и др.). Например: «кружок для шапочки» (950), ведь крымскокараимские экспонаты очень трудно выделить среди крымскотатарских – они похожи, различаются тонкостями. Есть часть очень специфичных деталей в одежде, вышивке и ритуальных предметах. Отличаются они и надписями, если таковые есть.

В описи экспонатов этнографического отдела Дворца-музея, изъятых из фондов, упоминается чичит с кистями¹⁵. Дальнейшая судьба этих экспонатов неизвестна.

К сожалению, из-за инвентаризации фондов БГИКЗ, мне не удалось полностью исследовать находящийся там материал и выявить интересующие меня предметы. Надеюсь, что с помощью сотрудников БГИКЗ большая работа по идентификации крымскокараимских этнографических и религиозных материалов будет успешной.

ИСТОЧНИКИ: 1. Архивы; 1.1. Архив Ормели Г.П. Воспоминания Ормели Т.И. – Рукопись; 1.2. Ассоциации крымских караимов «Крымкарайлар». Справка БГИКЗ. Исх. №416

¹⁴ Питання повернення втрачених культурних цінностей пам'яток кримськотатарської історії та культури. Додатковий матеріал науково-практичної конференції. – Сімферополь-Бахчисарай, 2005. – С.9.

¹⁵ Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг. – Л.70.

от 20.08.2003 г; 1.3. Архив БГИКЗ. Дела музея за 1945-1953 гг; 2. Опубликованные источники; 2.1. С.И. Описание выставки крымского горного клуба // Записки Крымского горного клуба. – Одесса, 1895. – №№ 7-8; 2.2. Питання повернення втрачених культурних цінностей пам'яток кримськотатарської історії та культури. Додатковий матеріал науково-практичної конференції. – Сімферополь-Бахчисарай, 2005; 3. Инвентарные книги фондов БГИКЗ.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Энциклопедии; 1.1. Караимская народная энциклопедия. Т.2. Религия крымских караев (караимов). – М., 1998; 2. Сборники научных работ; 2.1. Бахчисарайская книжная коллекция в Российской национальной библиотеке. Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им.М.Е.Салтыкова-Щедрина./Сост.Н.Р.Абдульваап. – Симферополь: Доля, 2007; 2.2. Бейм С. Память о Чуфут-Кале. – Одесса, 1862; 2.3. Дубинский А. Основы караимской религии. // Крымские караимы. Происхождение, этнокультура, история. – Симферополь: Доля, 2005. – С.38-56; 2.4. Ельяшевич Б.С. Евпаторийские кенасы. // Крымские караимы. Происхождение, этнокультура, история. – Симферополь: Доля, 2005. – С.57-65; 2.5. Загряцкайте А. Наследие караимского народа в экспозиции и фондах Тракайского исторического музея. // Karai kiim'ları. – Wrocław, 2004. – S.204-221; 2.6. Караимы. / Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. XIV. Кн.3. – М., 1994; 2.7. Кушуль С. Крымские караимы и историческая связь их с Чуфут-Кале // Мозаика культуры крымских караимов. – Симферополь, 2006. – с.4-29; 2.8. Медведева Л.Я. О коллекции караимских и крымчакских рукописей. // Советская тюркология, 1988. – № 6 - С.90-102; 2.9. Озенбашлы Э. Этнический состав Крыма. К концепции Крымского этнографического музея // Крымцы. Сборник работ по истории, этнографии, фольклору и языку. – Акмесджит: Доля, 2006 - С.8-14; 2.10. Полканов А.И. Крымские караимы. – Париж, 1995; 2.11. Полканова Т. Ожившее предание. Открытие Ашырын йол./ Джуфт-Кале в легендах и преданиях крымских караимов. – Симферополь, 2002. – С.19-21; 2.12. Фиркович М.Я. Старинный караимский городок Калэ называемый ныне «Чуфут-Калэ». – Вильна, 1907; 2.13. Фиркович М. На память о посещении и осмотре М.Ф.Чуфут-Калэ и поездка в пер-

сидский город Кочан. - Мелитополь, 1911; 2.14. Фиркович Р. Караимика в Литве // Музеи и памятники. Издание художественного музея Литовской ССР. - Вильнюс, 1968. - декабрь; 2.15. Чепурина П.Я., Ельяшевич Б.С. Караимские брачные договоры «шетары» // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. - Симферополь, 1927. - Т.1. - С.181-194; 3. Журналы; 3.1. К этнографии караимства // Караимская жизнь, Кн.10-11. - Москва, 1912. - С.30-33; 3.2. Положение Чуфут-Кале // Караимская жизнь. - Кн.11. - Москва, 1911. - С.78; 3.3. Чепурина П. // Бизым Йол. - 1927. - С.91; 4. Газеты; 4.1. Полканова Д., Полканов Ю. Династия Узюнов // Къырымкарайлар. - Симферополь, 13.06.2007. - № 6 (29). - С.6.

СОЛОДОВА В. В., директор Одесского
историко-краеведческого музея

ИСТОРИЯ РЕГИОНА В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОДЕССКОГО ИСТОРИКО- КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Одесский регион является одним из многонациональных в Украине, здесь проживают представители 134 национальностей. Многие годы сотрудники музея собирали экспонаты, связанные с украинцами, болгарами, русскими, молдаванами, греками, гагаузами. За последнее десятилетие фонды пополнились материалами по немцам и караимам.

Создание этнографических комплексов в Одесском историко-краеведческом музее стало возможным благодаря таким источникам комплектования музейных фондов, как:

1. Музейные фонды;
2. Историко-этнографические экспедиции;
3. Поступления от частных лиц.

В 1994 г. в музее была создана экспозиция «Многонациональная Одесщина», основу которой составили комплексы украинцев, русских, болгар и гагаузов. Со временем добавились разделы о греках, евреях, корейцах, азербайджанцах, молдаванах, цыганах, немцах и др., построенные на фондовых экспонатах и материалах национально-культурных обществ. В октябре 2003 г. была открыта этнографическая экспозиция «Немцы Причерноморья», экспонаты для которой были собраны во время этнографических экспедиций 2001—2003 гг.

История Северного Причерноморья насыщена яркими событиями, а его многонациональное население, сложившееся в целом к середине XIX в., владеет богатым историко-культурным наследием.

Исследовательская и собирательская деятельность любии-

телей истории и древностей XIX — нач. XX вв., краеведов 1920—1930-х гг., быстрое накопление материалов уже за короткое время обусловили необходимость создания центров их хранения и изучения, т.е. музея Одесского общества истории и древностей (1839), этнографо-лингвистической секции Одесской комиссии краеведения при Всеукраинской Академии наук (1923), музея «Степная Украина» (1925).

Члены этнографо-лингвистической секции под руководством профессора

Р. Волкова, занимались сбором материалов по диалектологии, фольклору и материальной культуре, составлением этнографо-диалектологической карты Херсонщины, Екатеринославщины, Бессарабии, Крыма и Кубани, что и определялось как степная Украина. Поэтому созданный ими музей получил название «Степная Украина».

В действительности, появление музея соответствовало политике партийного руководства страны, в которой «украинская культура должна было быть национальной по языку, форме и материалу и пролетарской, интернациональной по содержанию»¹.

К моменту открытия этнографического музея в Одессе, в СССР насчитывалось 563 музея. Из них — 12 этнографических: Караимский в Евпатории, Восточный в Ялте, Крымско-татарский в Бахчисарае; Историко-этнографический музей Грузии, Калмыцкий историко-этнографический музей, Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук в Ленинграде; 73 музея с этнографическими отделами и 2 еврейских музея — в Самарканде и Ленинграде при Еврейском историко-этнографическом обществе.

В 1931 г. музей в Одессе прекратил свое существование, из-за своей «идеологической бесхребетности».

В условиях развития украинского суверенного государства, опираясь на результаты историко-этнографических экспедиций, архивные документы, создание выставочных вариантов экспозиций, научные сотрудники Одесского историко-краеведческого музея выступили с идеей воссоздания и возрождения историко-культурных традиций Украинского Причерноморья.

Новому этнографическому музею было возвращено название «Степная Украина» («Степова Україна») по решению

¹ Скрипник М. Про завдання культурного будівництва на Україні // Бюлетень народного комісаріату освіти УСРР. — Харків, 1928. — С. 2.

Коллегии управления культуры и туризма Одесской областной государственной администрации (15.02.2006 г.). Это стало закономерным шагом к возрождению и развитию целого направления музейного дела на Одещине, т.к. культура многонационального региона является предметом исследования ученых-историков, этнографов, искусствоведов, фольклористов.

*Neşecan UYSAL, Türk Tarih Kurumu
Kütüphanesi Müdürü, Ankara-TÜRKİYE*

TÜRK TARİH KURUMU KÜTÜPHANESİ'NDE BULUNAN KIRIM HAKKINDA KİESERLER

Türk tarih ve medeniyetinin bütün yönleriyle, ilk kaynaklardan, bilimsel yollarla araştırılarak sonuçlarının uluslararası bilim çevrelerine sunulmasına yönelik ilk planlı, programlı çalışmaları başlatan Atatürk, bu doğrultuda ilk hamle olarak 1931 yılında Türk Tarih Kurumu'nun kurulmasını sağlamıştır. Türk Tarih Kurumu'nun amacı, Türk tarihi, Türkiye tarihi ile dünya tarihi ve bunlarla ilgili konuları, bilimsel yollarla incelemek, araştırmak, tanıtmak, yaymak ve yayımlar yapmak; bunlara dayanarak da Türk tarihini ve Türkiye tarihini yazmaktır. Aynı zamanda yabancı dillerde Türkler ve Türkiye hakkında kaleme alınan eserleri de Türk tarihçiliğine kazandırmak, Kurumun temel amaçları arasında yer almaktadır.

Kurum, kuruluşundan başlayarak, amacı doğrultusunda gerek üyelerinin, gerekse Türk ve Türkiye tarihi alanında çalışan diğer bilim adamlarının yaptıkları bilimsel çalışmaları yayınlamayı günümüze kadar sürdürmüştür. Kurum tarafından yayınlanan 'Belleten' adlı dergi, 1937 yılından beri kesintisiz olarak yayın hayatını sürdürmektedir. Dolayısıyla yerli ve yabancı bilim adamlarının yayınladıkları araştırmalarla Belleten, uluslararası düzeyde haklı bir saygınlığa sahip olmuştur. Kurumun yayınladığı diğer bir dergi de 'Belgeler'dir. 1964 yılından beri yılda bir kez çıkan Belgeler'de, Türk ve Türkiye tarihi ile ilgili belgeler açıklamalı olarak yer almaktadır. Bu yönüyle "Belgeler" yerli ve yabancı araştırmacıların vazgeçemedikleri belge koleksiyonu niteliğindedir.

1931 yılında Kurum ile birlikte kütüphanesi de kurulmuştur. 1933'de daha önce İstanbul'dan Ankara'ya nakledilen İstanbul Rum Edebiyat Derneği 1861—1923 (Elinikos Filolopikos Sillogos = Rum Cemiyeti Edebiyyesi) Kütüphanesi'nin tarih ve arkeoloji ile ilgili kısmı Kurum kütüphanesine verilmiştir. Aynı yıl, Osmanlı Tarih Encümeni nin kütüphanesindeki 3 bin cilde yakın kitap ve dergi dermesi de Kurum'a devredilmiştir. (İğdemir, 1960) Bunun sonucunda kütüphane dermesi birdenbire büyümüş ve değer kazanmıştır. 1934 yılında Zayti Ferencz'in, Dr. Reşit Galib'in, 1935 yılında Prof. Yusuf Akçura'nın ve 1939 yılında da Halil Ethem Eldem'in çok değerli kişisel kitap koleksiyonları satın alınmıştır. Daha sonraki yıllarda da Kurum

başkanlarından ve üyelerinden Osman Ferit Sağlam, Şemsettin Günaltay, Tevfik Bıyıklıoğlu, Faik Reşit Unat, Ord. Prof. Yusuf Hikmet Bayur ile Ali Galip Pekel, Esat Fuat Tugay, Prof. Dr. Cemal Arif Alagöz, zengin kitap koleksiyonlarını Kurum kütüphanesine bağışlamışlardır. Ayrıca Prof. Muhammed Tanci ve Cevriye-İbrahim Artuk'ların kişisel kitap koleksiyonları satın alma, Fahir Armaoğlu'nun kitapları ise bağış yoluyla Kurum Kütüphanesine kazandırılmıştır.

Türk Tarih Kurumu'nun misyonu ve hedefleri doğrultusunda dermesini yurt içi ve yurt dışından satın alma, değişim ve hediye yolları ile geliştirmektedir. Kurum Kütüphanesi, tarih araştırmaları için çok önemli olan bazı basılmamış eserleri de dermesinde bulundurmaktadır. Bunlardan birincisi, Bab-ı Âli Kanunlar müdürü Serkiz Karakoç'un hazırladığı 'Külliyat-ı Kavânin' (Osmanlı Mevzuatı Derlemesi) adlı eserdir. Türk hukuku ve Türk tarihi için çok önemli olan bu eser, 1517 yılından 1908'e II. Meşrutiyetin ilanına kadar Osmanlı Devleti'nde çıkarılan kanunları, nizamnâmeleri, fermanları, beratları, talimatnâmeleri, antlaşmaları ve imtiyaznâmeleri kapsamaktadır. Bu külliyyatın metin kısmı 40 cilt olup, ayrıca 5 cilt alfabetik ve 5 cilt de kronolojik indeksi bulunmaktadır. Ülkemizin batılılaşma döneminde devlet hizmetlerini düzenleyen mevzuatının birarada toplanmış ve tasnif edilmiş olması bakımından, hukuk, kurum ve kuruluşlar tarihimiz alanlarında çalışan araştırmacılar için özel bir nitelik taşımaktadır. Özellikle azınlıklara Osmanlı hükümeti tarafından tanınmış hukuki haklar ve imtiyazlar ile kapitülasyonların uygulanması bakımından da önemli belgeleri kapsayan bu eserin kronolojik fihristinin Latin harflerine transkripsiyonları yapılarak, 2006 yılında 2 cilt halinde yayınlanmıştır. Böylece ünük bir yazma olarak saklanan bu eserden, isteyen araştırmacılara geniş ölçüde yararlanma imkânı sağlanmıştır. İkinci eser ise, 1955 yılında telif hakkı ödenerek satın alınan Mehmed Zeki Pakalın'ın Sicill-i Osmaniye Zeyli'dir. Mehmed Süreyya Bey'in 'Sicill-i Osmaniye' adlı eserini tamamlayan bir eserdir. 1896—1922 yıllarını kapsayan bu eserde 1000 adet biyografi bulunmaktadır. Ayrıca Osmanlı İmparatorluğunun son dönemine ait (1870—1913) 34 defterden oluşan "Adalet Bakanlığı Adliye Nezareti Sicill-i Ahval Defterleri" de dijital ortamda Kütüphane dermesine kazandırılmıştır.

Günümüzde, 250 bin cilt esere sahip olan Kurum Kütüphanesi dermesinin içinde bulunan Kırım hakkındaki eserlerin bibliyografyası hazırlanmıştır. Bir kütüphaneci gözüyle bibliyografyayı incelediğimiz zaman Avrupalı tarihçilerin Kırım Savaşı hakkında yaptıkları çalışmalar ile Avrupalı seyyahların seyahatnameleri dikkat çekmektedir. Bibliyografyamızda da yer alan Evgeney Viktoroviç Tarle'nin 1950 yılında Moskova'da basılmış olan "Krimskaya Voyna" adlı eserinin bibliyografyası ile Fikret Turan'ın 2000 yılında İstanbul'da basılan "The Crimean War 1853-1856: a bibliography of monography" adlı bibliyografik eserini incelediğimiz zaman Avrupa'da Kırım Savaşı hakkında çok ciddi çalışmaların yapılmış olduğu açıkça görülmektedir. Türkiye'de ise hem Osmanlı döneminde hem de Cumhuriyet döneminde bu konuda yeterli çalışmanın yapılmadığı acı bir gerçek olarak

karşımıza çıkmaktadır. Türkiye’de ilk ciddi ve belgelere dayanan eser, Hariciye Nezareti Hazine-i Evrak Müdürü (Arşiv Müdürü) olan Hayrettin Nedim tarafından 1910 yılında “**1270 Kırım Muharebesinin Tarihi Siyaseti**” adı ile yayımlanmıştır. Bu eser 1980’li yıllarda Şemsettin Kutlu tarafından yayına hazırlanarak yeni harflerle basılmıştır. Ancak bu değerli eser, daha itinalı olarak yeniden yayına hazırlanarak basılmayı hak etmektedir. Türkiye’de Cumhuriyet döneminde yayınlanan Kırım sürgününü anlatan Necip Abdülhamitoğlu’nun “**Yüzbinlerin sürgünü: Türksüz Kırım**” adlı kitabın bu konudaki ilk mühim eser olduğunu söyleyebiliriz.

2006 yılında, Kırım Savaşının 150. yıldönümü sebebiyle Türkiye’de bazı çalışmalar yapılmıştır. Bunlardan ilki Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü tarafından yayımlanmış olan “**Osmanlı Belgelerinde Kırım Savaşı: 1853—1856**” adlı eserdir. Osmanlı Arşivindeki Kırım Savaşı ile ilgili belgelerin yayınlanması açısından mühim bir eserdir. İkincisi, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Araştırma Merkezi tarafından 2006 yılında düzenlenmiş olan sempozyumda sunulan bildirileri kapsayan eser, 2007 yılında “**Savaştan barışa: 150. yıldönümünde Kırım Savaşı ve Paris Antlaşması 1853—1856, 22-23 Mayıs 2006 bildiriler,**” adı ile yayımlanmıştır. Kırım Savaşını her açıdan irdeleyen bildirilerin bulunduğu bu eserin, Cumhuriyet döneminde yapılmış olan Kırım Savaşı konusundaki en mühim eserlerden birisi olduğunu söyleyebiliriz. Candan Badem tarafından hazırlanmış olan “**Kırım Savaşı Üzerine Seçilmiş Rusça Eserler Kaynakçası**” başlıklı bibliyografya da bu eserde yer almaktadır. Üçüncü çalışma ise, Sadberk Hanım Müzesi’nde düzenlenen “Kırım Savaşı’nın 150. Yılı Sergisi” adlı serginin kataloğudur. Sergi kataloğunda konu ile ilgili orijinal eserler, belgeler, fotoğraflar, madalyalar, biblolar ile Norman Stone, Edhem Eldem, Sinan Kunalp ve David Barchard’ın makaleleri de yer almaktadır.

Ayrıca Türkiye’de basılmış Kırım’ın milli kahramanı, aydın ve devlet adamı İsmail Gaspıralı hakkındaki kitaplar ile yine Kırmırlı aydın ve devlet adamı olan Cafer Seydahmet Kırmırlı’nın Kırım milli mücadelesi dönemine dair yazmış ve çevirilerini yapmış olduğu kitapların da Kurum Kütüphanesinde mevcut olduğunu görüyoruz.

Burada, Tarih Kurumu Kütüphanesinde ve ekli bibliyografyada bulunan, Kırım hakkındaki eserlerden bazılarını ayrıntılı olarak ele alacağız. İlk olarak Kütüphanenin Yazma eserler koleksiyonunda Y/119 numarada kayıtlı bulunan, **Kırım Harbi Hkkındaki Ruzname** ile ilgili bilgi verilecektir. Yazma eserin sırtı, meşin kaplı olup, üstü ebrulu mukavva kapaklıdır. 69 varak ve satır sayısı 23 olan yazma eser, 20.5x13.0 cm. boyutlarında filigransız kağıt üzerine siyah mürekkep ile yazılmıştır. Yazma eser, isimsiz olup müellifinin adı yer almamaktadır. Kırım Savaşının 2 Safer 1270 (4 Kasım 1853)’den 5 Şevval 1271 (20 Haziran 1855) tarihine kadar geçen dönemlerini kapsamaktadır. Tamamen savaş ve savaşa dair haberlere yer veren eserin bilgilerine kimi zaman, Kırım’dan İstanbul’a gelen bir vapurun getirdiği bilgiler, Hatt-ı Hümayun’lar, Kırım’daki zaferleri bildiren

Başkumandanlık zafer ilanları, telgraflar ve kimi zaman da Petersburg Resmî Gazetesi’nde yazılan bilgiler (Rus askerlerinin ölüm ilanları) dayanak oluşturmuştur. (Ekinci, 2005) Diğer taraftan bibliyografik kaynaklara bakıldığı zaman Kırım Savaşı’na katılan İngiliz ve Fransızlara ait günlüklerin, hatıraların ve kişilerin savaş hikayelerinin Avrupa’da yayımlandığını görüyoruz. Bu cümleden olmak üzere kısaca hakkında bilgi vermiş olduğumuz yazma eserin yayına hazırlanarak basılması ile Kırım savaşı araştırmalarına bu anlamda bir katkı sağlanacağı inancındayız.

İkinci olarak da, Kütüphanemizin harita koleksiyonunda yer alan iki harita hakkında bilgi verilecektir. Etkili bir kültürel araç olan haritalardan birincisi 1794 tarihinde Londra’da basılmış olan matematikçi Samuel Dunn’un “**First part of Turkey in Europe, Containing Moldavia with Bukovina and Little Tartary with Krimea now called Touris to which is added the whole of the Black Sea, London: Laurie & Whittle**” adlı haritasıdır. Harita, 35.0x46.5cm. boyutlarında ve renklidir. Kara ve deniz mili olarak iki çizgi ölçek verilmiştir. Haritada Kırım’daki yer adlarının yazılış biçimleri dikkat çekicidir. Örneğin Tuzla, Türkmen, Eski Kırım, Ak Mescit, Ölü Deniz, Yeni Kale gibi.

Hakkında bilgi vereceğimiz ikinci harita ise, bilimsel keşifler için Kırım’a seyahat eden Anatole de Demidoff’un “**Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie : exécuté en 1837**” adlı seyahatnamesinden alınmış olan “**Carte de la Crimée: pour suivres les operations de la Guerre d’Orient**” adlı haritadır. 1854 yılında Paris’de basılmıştır. Harita 57.5x92.0 cm. boyutlarında olup, metre, mil ve versta cinsinden 3 çizgi ölçek bulunmaktadır. Çok ayrıntılı olan bu harita üzerinde özel işaretler ile Kırım’daki şehir, 20 hane ve üzeri köyler, 5-20 haneli yerleşim yerleri, 5 haneden az yerleşim yerleri, evler, eski yerleşim yerleri, kilise, manastır, cami ve postane belirtilmiştir. Harita Şark Savaş Harekatını takip etmek amacıyla hazırlandığı için çok ayrıntılı bilgiler harita üzerinde belirtilmiştir. Bu haritanın Kırım tarihi açısından önemli bir kaynak olduğunu düşünebiliriz.

Coğrafi, iktisadi ve jeopolitik konumu nedeniyle tarih boyunca bir çok medeniyetin beşiği olan Kırım, yabancı seyyahların da hep ilgisini çekmiştir. Bu seyyahlardan Anatole de Demidoff (1813—1870), 24 yaşında iken Moldova, Kırım ve Güney Rusya’ya adım adım dolaşarak yaptığı keşif gezisinin sonucunda elde etmiş olduğu coğrafik, zoolojik, jeolojik, minerolojik, botanik ve sosyolojik bilgileri içeren seyahatnamesini 1840 yılında Paris’de “**Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie : exécuté en 1837**” adı ile yayımlanmıştır. 624 sayfa olan bu seyahatname, Denis Auguste Marie Raffet’in yapmış olduğu gravürlerle zenginleştirilmiştir. Tatar ailesinin ev hali, Tatar fırıncı, Tatar posta sürücülere, Tatar kahvehanesinin içi, İnkerman madeni, Yunan kilisesine dönüştürülen eski cami resimlerden bazılarıdır. Kırım hakkında zengin bilgiler içeren bu eserin ikinci baskısı da 1854 yılında yapılmıştır. Kitabın her iki baskısı da Tarih Kurumu Kütüphanesi’nde mevcuttur.

Batılı diğer bir seyahatname ise, 1836 yılında Batı Kafkasya sahillerinde uzun haftalar seyahat eden Edmund Spencer'in eseridir. "Travels in Circassia, Krim-Tartary & c. including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea" adlı bu seyahatnamenin Londra'da 1837 yılında birinci, 1838' de ikinci ve 1839 yılında da üçüncü baskısı yapılmıştır. Tarih Kurumu Kütüphanesi'nde 3. baskısı bulunan bu seyahatnamede de Tatar çiftçisini, Tatar köylüsünü ve Tatar evini tasvir eden resimler bulunmaktadır.

Son olarak değineceğimiz eser ise, Kaysunizade Nidai Remmal Hoca'nın "Tarih-i Sahip Giray Han" adlı eserinin Bibliotheque Nationale Paris'deki Supplement Ture 164 de kayıtlı nüshası ile; "Haza Tevarih-i Sahib Giray Han-ı Adil Hazretlerininindir" adı ile SSCB Bilimler Akademisi, Asya Müzesi, Şarkiyat Enstitüsü, Elyazmaları Bölümü B 766 da kayıtlı olan nüshasının tıpkı basımlarını içeren kitap 2000 yılında İstanbul'da basılmıştır.

Kaysunizade Nidai Remmal Hoca'nın eserinin edisyon kritiği ise daha önce Özalp Gökbilgin tarafından yapılarak 1973 yılında Atatürk Üniversitesi tarafından yayınlanmıştır.

Türk Tarih Kurumu, batı dillerinde yazılmış Türk tarihine ait eserlerle, tarih kültürüne hizmet edecek eserleri 1940 yılından itibaren Türkçeye tercüme ettirmiştir. Bu eserler basılmamış olup Kütüphanede tercüme koleksiyonu olarak araştırmacıların hizmetine sunulmaktadır. Kırım ile ilgili dört Rusça eser de bu tercüme koleksiyonunda bulunmaktadır. Bunlar bibliyografyada "Tercüme eserler (basılmamış)" başlığı altında verilmiştir.

Türk Tarih Kurumu Kütüphanesi'nde bulunan Kırım'la ilgili kitapların, haritaların, yazma eser ve tercüme eserlerin listesi bildirimize eklenmiştir. Görüldüğü üzere Türkiye'de konu ile ilgili basılan eserlerin arzu edilen bir sayıda olmadığı açıktır. Ayrıca Türkiye'deki üniversitelerde yapılmış olan yüksek lisans ve doktora tezlerinin de bir listesi verilmiştir. Tezler de kitaplar gibi yetersiz kalmaktadır. Bununla beraber Tarih Kurumu Kütüphanesi'nde, Kırım hakkında küçümsenmeyecek bir bilgi birikimi olduğu da gözden uzak tutulmamalıdır. Yapılması gereken Kırım'ın tarih ve coğrafyası hakkındaki bu kaynakların bir taraftan yeni araştırmalar için kullanılması ve diğer taraftan da bunların içinden en temel kitaplardan bir kısmının yeniden basılarak bir Kırım tarihi külliyyatının oluşturulmasıdır. Aynı zamanda 19. yüzyılda Osmanlı İmparatorluğu'nun siyasi ve ekonomik gelişmelerine damgasını vurmuş en önemli olaylardan biri olarak kabul edilen Kırım Savaşı konusunda, üniversitelerde bilimsel çalışmaların yapılması için girişimlerde bulunulmalıdır.

KAYNAKÇA: İkinci, Mehmet Rezan. (2005). Osmanlı-Rus İlişkileri Çerçevesinde Kırım Savaşı (1853- 1856), Yüksek Lisans Tezi, Ankara: Ankara Üniversitesi, 2005, 133 s; İğdemir, Uluğ. (1960). "Türk Tarih Kurumu Kütüphanesi kuruluşu, gelişmesi ve görevleri", Türk Kütüphanecilerinin Gelişmesinde Üniversitedeki Kütüphanecilik Öğretiminin Rolü. Ankara: Kütüphanecilik Enstitüsü.

ЧОРЕФ М. М., старший научный сотрудник Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника

НОВЫЙ ТИП БИЛЛОНА САХИБ ГИРАЯ I

Важнейший фактический материал о ходе политических и экономических процессов в Крымском ханстве дают его монеты. Подчас они являются единственным источником информации о важных преобразованиях, происшедших в этом государстве¹. И, хотя изучение монетного дела Крымского ханства началось уже более 200 лет, ввод в научный оборот новых типов серебра, биллона и меди его чекана продолжается до сих пор.

В настоящее время представилась возможность описать вновь выявленную разновидность акче Сахиб Гирая I (939—957 гг. х., 1532—1550 гг.), правление которого было одной из важнейших вех в истории Крымского ханства². Нам известны две монеты этого типа.

МОНЕТА 1

Ее размеры 1,2 * 1,1 см, вес 0,65 г, соотношение осей 0 ч (Рис. 1). Монета была выбита на биллонной, отбеленной

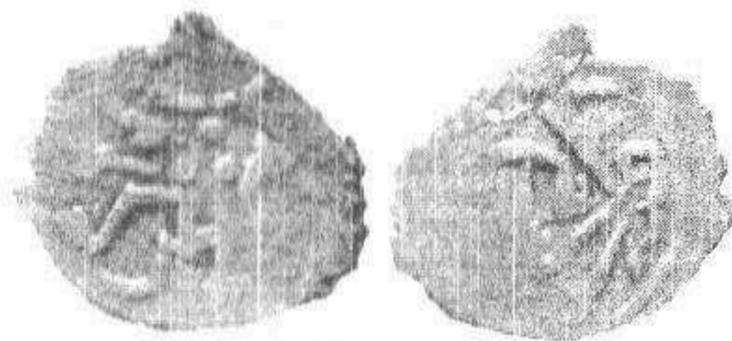

Рис. 1

¹ К примеру, только в результате тщательного изучения монетного материала удалось установить, в каких городах Крыма были резиденции Гираев в тот или иной период.

² В ближайшем будущем мы планируем издать собственное исследование биографии этого правителя.

заготовке, изготовленной в проволочной технологии, свойственной денежному делу Крымского ханства со времен Хаджи Гирая I (845—871 гг.х., 1441—1466 гг.)³ и до последних лет существования татарского государства.

На аверсе, вокруг трех крупных точек была выбита надпись в две строки:

[©Аф]КҮВу - «Сахиб [Гирай]
©Аф ©...÷⊗┘ ⊕I сын Менгли Гирая»

На оборотной стороне видна тамга Гираев, вписанная в ромб, вокруг него остатки легенды. Можно разобрать только два первых слова:

ᲗᲚᲙᲗ ᲘᲑᲣᲗ - «чекан Крыма»⁵.

Отметим, что такое обрамление тамги было свойственно монетному делу Крымского ханства и ранее. К примеру, его размещали на реверсах серебра и биллона Менгли Гирая I (871-872, 874-879, 880, 883, 884—921 гг.х., 1466 — 1467, 1469 — 1474, 1475, 1478, 1479 — 1515 гг.) [1, с.80-81, №95-97, Таб. IV; 8, р.295-296, №124-128, Taf. V; 9, р.55-56, №124-128, Taf. V].

МОНЕТА 2

Монета выбита на биллонной заготовке, изготовленной по проволочной технологии. Ее размеры 1,25 * 1,1 см, вес 0,66 г, соотношение осей 12 ч (Рис. 2).

³ К сожалению, несмотря на длительность изучения, и к настоящему времени нет единства трактовки многих, важнейших вопросов истории Крымского ханства. К примеру, и сейчас в среде специалистов идут споры по вопросу о дате прихода к власти Хаджи Гирая I - основателя государства. Действительно, недостаток письменных источников, способных осветить события той эпохи, значительно затрудняет процесс выяснения истины. Но, к счастью, нам доступны многочисленные монеты Хаджи Гирая I. Самые ранние из них были чеканены в 845 г.х. (1441 г.) [8, р.244-246, №1-5, Taf. I; 9, р.4-6, №1-5, Taf. I]. А так как каждый претендент на престол Орды в тот период спешил заявить о себе выпуском денег от своего имени, то мы имеем право предполагать, что Хаджи Гирай I впервые пришел к власти в этом же году.

⁴ Заметим, что этот элемент оформления свойственен только описываемой нами разновидности акче.

⁵ К сожалению, большинство специалистов по монетному делу Крымского ханства и сейчас считают, что в этом государстве денежная эмиссия во второй половине XVI в. производилась в г.Кырк-Йер. В нашей статье «К вопросу о периоде функционирования монетного двора г.Кырк-Йера» [3, с.375-382] мы попытались ввести в научный оборот нашу точку зрения по этому вопросу. Чтобы не утомлять читателя, отметим только, что в 1550-1588 гг. единственным центром денежного производства был г.Крым.

На аверсе, вокруг трех крупных точек была выбита надпись в две строки:

[©Аф КҮ]Ву
©Аф ©...÷⊗┘ ⊕I

- «Са[хиб Гирай]
сын Менгли Гирая»

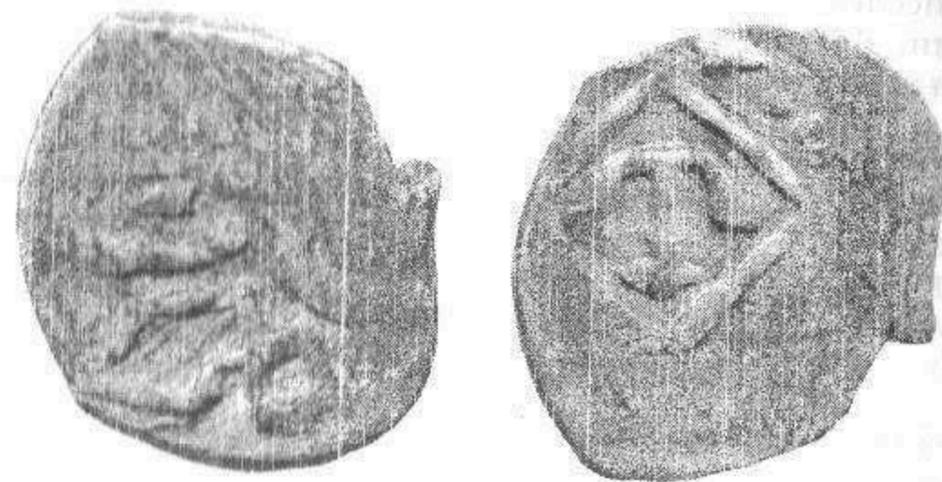

Рис. 2

На оборотной стороне видна тамга Гираев, вписанная в ромб, вокруг него остатки легенды. Можно разобрать только два первых слова:

[ᲗᲚᲙᲗ]ᲘᲑᲣᲗ

- «чекан Крыма»

Просмотрев все доступные работы по монетному делу Крымского ханства, мы пришли к выводу, что монеты описываемой нами разновидности ранее изданы не были. Кроме того, заметные отличия в их оформлении от принятых для хорошо известных типов биллонов Сахиб Гирая I позволяет нам предположить, что они должны быть выделены в особый вариант. Считаем, что описанные нами монеты можно отнести к этой серии, называемой в турецких источниках *kefevi*⁶.

⁶ В турецких источниках биллоны крымского ханства фигурируют под названиями: *kefevi*, *kefe*, *kefe-i cedid*, *kefe-i atik* (тур.: «кафинские, кафские, кафские новые, кафские старые») [4, с.1-17; 5, с.54-73; 6, с.63; 7, с.9]. Так как в таможенных реестрах Кафы сохранились данные о различных котировках монет этих типов в османской валюте, то мы предположили, что они представляли собой денежные единицы разных номиналов [2, с.77-81].

Судя по данным таможенных реестров Кафы, пять таких акче стоили один османи⁷. Известно, что кефевы выпускались в 1542-1550 и в 1552-1555 гг. [4, s.1-17; 7].

К сожалению, на данный момент мы вынуждены прекратить исследование, удовлетворившись только этими результатами. Дело в том, что редкость монет выявленной нами серии не позволяет выделить отдельные разновидности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАИЭТ	Материалы по истории и этнографии Таврики
BOA	Başbakanlık Osmanlı Arşivleri
D.KFM	Bab-ı Defteri Kefe Mukataası Kalemi
MAD	Maliyden Müdevver Defterler
TD	Tahrir Defterleri

ЛИТЕРАТУРА: 1. Ретовский О. К нумизматике Гиреев / ИТУАК. – Симферополь, 1893. №19; 2. Чореф М.М. К вопросу об эмиссии кафийских акче при Девлет Гирае I и Мухаммед Гирае II // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. №16; 3. Чореф М.М. К вопросу о периоде функционирования монетного двора г.Кырк-Йера // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. Вып. XIII; 4. BOA, D.KFM, Def. 26369; 5. BOA, MAD, 1088; 6. BOA, MAD, Def.71; 7. BOA, TD, Def. 214; 8. Retowski O. Die Münzen der Giren // Труды Московского Нумизматического общества. – М., 1901. Т.2 Вып. 3; 9. Retowski O. Die Münzen der Giren. – Moskau, 1905; 10. Srečković, S. Osmanlijski novac kovan na tlu Jugoslavije. – Beograd: Samostalno izdanje autora Slobodana Srečkovića, 1987.

⁷ Акче Османской империи. В XVI в. проба и вес этой монеты, а, следовательно, ее стоимость в золоте регулярно падала. К примеру, если при Селиме I Явузе (1512-1520 гг.) османи стоил 1/50 алтына (турецкого золотого, являвшегося подражанием флорину), то 1520-1541 гг. уже не более 1/53, а в 1541-1572 гг. уже только 1/60 [10, p.68, 92,149].

ЭБУБЕКIROV С., директор Музея истории и культуры крымских татар

СТРАНСТВУЮЩИЙ СЮЖЕТ

Медленно, ритмично, капля за каплей, спадает с одной чаши в другую вода, усыпляя ваше сознание. Вы поневоле прислушиваетесь к этому медлительному речитативу, к этой музыке слез: ваш глаз не ищет целого, он поневоле начинает следить за маленькой молекулой воды, вместе с ней он выбирает один мотив за другим, одну деталь за другой.

Вы догадываетесь, что здесь не в единстве и замкнутости общей композиции суть, а в непрерывности и переливчатости отдельных мотивов, в медлительном ритме их чередования.

Вот так, поэзией в прозе в 20-е годы нашего столетия был описан знаменитый Фонтан слез в Бахчисарае известным искусствоведом М. Гинзбургом. Нами не случайно процитирован вышеназванный автор, в его описании всемирно известного памятника-символа не только Ханского дворца, но и, несомненно, города Бахчисарая как бы подсознательно закодирована информация о художественно-литературном и историческом значении этого всемирно известного памятника.

Несомненно, выдающуюся роль в популяризации этого скромного архитектурного сооружения принадлежит гениальному А. С. Пушкину. Поэма «Бахчисарайский фонтан», являясь чисто литературным произведением в историческом плане, опирается на легенды и предания, легшие в основу ее сюжета. По мнению автора, поверхностный исторический и литературный анализ позволяет говорить, что мы имеем дело со странствующим сюжетом, широко известным еще с античных времен.

Вопрос о фольклорных сюжетах всегда представлял большой интерес, позволяя в какой-то степени восстановить дух давно ушедших эпох, а также отчасти реконструировать те, ставшие классическими, пути, по которым происходило вза-

имодействие древних и средневековых культур Востока и Запада, определить их типологическое сходство. Вопросы сравнительного изучения фольклора были поставлены в трудах акад. А. Н. Веселовского и его учеников. Опираясь на них, В. М. Жирмунский в 1965 году писал, « что достаточно произвести более или менее систематический просмотр материала, собранного вокруг балладного творчества европейских народов, чтобы установить наличность путей и связей, более или менее прочных, относящихся к определенной исторической эпохе и обусловленных торговыми, военными, культурными отношениями». Высказанная им мысль относится к европейской литературе, однако, она вполне применима и к сравнительному изучению западно-восточных связей во всем их объеме.

В этом плане обращает на себя внимание сюжет предания, легший, как известно, в основу знаменитой поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» — историю любви крымского хана к пленнице и ее трагической гибели.

Впервые вопрос о характере этого предания возник еще при жизни поэта. Маловероятная история с похищением княжны Потоцкой была немедленно подвергнута сомнению, в том числе и самим Пушкиным. По словам его современников, это предание даже в Крыму имело несколько интересных аналогов, повторяющих в ряде мест и имя самого хана, и имя похищенной девушки, не говоря уже о фабуле, практически неизменной во всех вариантах. Внимательное знакомство с некоторыми образцами восточного фольклора наводит на мысль, что мы имеем дело со странствующим сюжетом, широко распространенным на Востоке, с вариантом которого в недоумении столкнулись современники Пушкина. Как указывают некоторые литературоведы, исследовавшие восточную основу творчества Пушкина, он, отчаявшись найти истинную основу предания, попросту объединил все известные ему варианты в один сюжет, откуда появляются сцены гибели Марии, казнь Заремы, образ фонтана и т.п. То есть фабула под рукой Пушкина становится синтетической.

Предание это, однако, имеет глубокие исторические корни.

Наиболее ранний, на наш взгляд, вариант его относится к античному времени, возникнув в Северном Причерноморье, в городах-колониях: Херсонесе, Ольвии, Гермонассе... В предании о Девичьей башне в Судаке упоминается имя

Диофанта, понтийского полководца, участвовавшего в подавлении восстания сармата Савмака. Следовательно, появление предания нужно отнести к 107 году н.э., когда войска Митридата VI Евпатора окончательно очистили Крым от повстанцев. Об окончании войны косвенно упоминается и в предании. Сюжет его таков:

Однажды дочь архонта Судака встретила бедного пастуха и полюбила его. Но отец не пожелал стать родственником бедняка и приказал бросить его в каменный колодец. Обезумевшая от горя девушка лаской, подкупом и хитростью сумела освободить узника из темницы. Застав их снова вместе, архонт не стал более спорить с дочерью, но удалил юношу из города, приказав по дороге убить его, что и было сделано.

Предание сообщает, что все свое время дочь архонта проводила в каменной башне, с вершины которой открывался прекрасный вид на море и горы. Лишь изредка она спускалась к месту, где впервые встретила пастуха. После того, как прошло условленное время, а пастух не вернулся, девушка решила на смерть. Призвав к себе Диофанта, она объяснила ему всю незавидность его поведения, и с вершины башни бросилась вниз, на камни.

Хорошо известный сюжет «Бахчисарайского фонтана» во многом совпадает с этим преданием. Претензии Диофанта, затворничество девушки, обстоятельства ее гибели — все это живо напоминает пушкинскую поэму.

Интересен и еще один момент. На могильной плите служанки, возле которой встречались влюбленные, было сделано небольшое углубление, где собиралась роса, а птицы, утоляя жажду, порхали над могилой и пели умершей свои песни. При известном воображении этот маленький водоем можно отождествить с фонтаном слез — неперменной принадлежностью большинства вариантов предания. На основании этого вполне уместно предположить, что все эти предания являются эволюцией во времени одного и того же сюжета, вариантами, тождественными в основных структурных элементах, но не тождественными в своем историческом контексте. Привязанный к определенному географическому месту, сюжет его изменяется вслед за сменой исторического населения полуострова (героиня-гречанка сменяется героиней татаркой, а та, в свою очередь, полькой или украинкой).

Вариант, более тесно связывающий похищение девушки для гарема с источником, то есть более близкий пушкин-

кому, представлен в предании «Русалка и фонтан Арзы». В сюжетном отношении этот вариант более полон, чем предыдущий, так как более ярко выделяет некоторые структурные элементы.

— Много мискорских женихов присылали сватов к Абий-аке, но посмеивался старик, и притаилась Арзы. Не могла она забыть веселого парня из дальнего села, которого встретила однажды у прибрежного фонтана. О нем-то и думала она подолгу, глядя на волны и на чаек, носившихся над морем.

Ночью, в канун свадьбы с любимым юношей, когда Арзы сидела у любимого фонтана и вспоминала детство, она была похищена пиратами и продана в сераль к султану. Образ фонтана при этом вырастает до размеров высокого символа, олицетворения молодости и погибающей жизни.

— «Тосковали о бедной девушке не только несчастные, не только жених, не только односельчане. Зачах и любимый ее фонтан. Прежде он весело журчал, давал обильную влагу, а исчезла Арзы — стал иссыхать. Наконец, лишь тяжелые капли как горькие слезы, покатались с желобка».

— ... «В неволе тосковала, плакала Арзы, не находила себе места в гареме, дичилась жен, рабынь, евнухов и таяла не по дням, а по часам».

Сюжет обогащается новыми бытовыми подробностями, связанными с новыми историческими условиями его существования. Невольничий рынок, где Арзы была продана, пираты, похитившие ее, описание замка — ее нового жилища и т.п., передают колорит новой эпохи. Но кульминационный момент — гибель героини — остается неизменным. Ровно через год — повторяется и срок, приведенный в предании о Девичьей башне — Арзы гибнет, бросившись с башни в море.

Предание появляется не ранее XV века, т.е. времени возвышения Османской империи, когда столицей ее становится Константинополь — Стамбул, а южный берег Крыма — вассальным владением Турции.

Тема любви хана к гордой красавице раскрывается в более позднем предании «Фонтан слез», приведенном в том же сборнике. Античный мотив, связанный с темой верности первой любви, здесь почти исчезает. На первый план выступает образ жестокого хана, который, как и Диофант, играет роковую роль в жизни молодой девушки.

— «Свиреп и грозен был хан Крым-Гирей, — сообщает пре-

дание. Никого он не шадил и никого не жалел. Сильный был хан, но сила его уступала жестокости. К трону пришел кровожадный Гирей через горы трупов. Он приказал вырезать всех мальчиков своего рода, даже самых маленьких, кто был ростом меньше колесной чеки, чтобы никто не помышлял о власти, пока он, хан, жив.

Когда набеги совершал Крым — Гирей, пепел оставался. Никакие жалобы и слезы не трогали его сердце, он упивался кровью своих жертв. Трепетали люди, страх бежал впереди имени его».

Характер хана здесь обрисован предельно ясно. Борьба за власть — знамение этой кровавой эпохи, бесконечные пограничные войны, давление со стороны Султанской Турции, все это вместе взятое оставило о себе жуткую память среди потомков. Тем более велик контраст его по отношению к молодой пленнице: «Однажды в гарем к старому хану привезли невольницу, маленькую худенькую девочку. Диляра ее звали. Привез ее главный евнух, показал Крым-Гирею, даже зачмокал от восхищения, расхваливая ее». Начало вполне традиционное для Востока. Но Диляра «не согрела лаской и любовью старого хана, а все равно полюбил ее Крым-Гирей. И впервые за долгую жизнь свою он почувствовал, что сердце болеть может, радоваться может, что сердце живое.

Недолго прожила Диляра, зачахла в неволе, как нежный цветок, лишенный солнца».

Предание постепенно подводит к мысли о закономерности появления «Фонтана слез», как символа ханского горя. Образ фонтана становится ведущим, гуманистическое содержание преобладает над другими аспектами темы. Именно этот вариант и заставил Пушкина сомневаться в достоверности предания о княжне Потоцкой, поскольку на мавзолее, связанном с ним, в траурной надписи стояло имя Диляры. И, несомненно, образ грозного Гирея, губителя народов, вместе со знаменитым фонтаном, заимствован из этого же источника. Это предание возникло не ранее 1764 года, поскольку фонтан был построен по приказанию хана именно в этом году.

Крымский цикл преданий имеет еще один вариант, переданный Горьким (рассказ «Хан и его сын»). Предание построено уже на несколько иной идейной основе. Происходит романтическое переосмысление ценностей, что было характерно для раннего творчества Горького.

Пленница у Горького гибнет уже не только как жертва ханской жестокости, бросившей ее в ненавистный гарем, а как жертва конфликта внутри ханской семьи, конфликта отца и сына, хана Мосолаймы эль Асваба и его наследника Толайка Алгаллы. Меняет свою, в который уже раз, национальность, и пленница, превращаясь в русскую полонянку. Место высокой башни, вообще исчезающей в «Фонтане слез», занимает утес, с которого старый хан бросает невольницу в пучину, а затем прыгает ей во след и сам.

Этот важный структурный элемент, как мы видим, здесь не является основным объединяющим мотивом, выпадая в целом ряде случаев или отходя на задний план. Более жизненным становится мотив фонтана. И это не просто точка, вокруг которой завязывается действие. Фонтан — олицетворение более глубокого содержания предания, а именно олицетворение погранных человеческих чувств. Образ фонтана выпадает лишь там, где это гуманистическое начало выражено недостаточно ярко. Интересно отметить, что это гуманистическое начало в той или иной степени присутствует во всех преданиях крымского цикла, что говорит о наличии соответствующей почве в народной среде, сумевшей сквозь длинные века войн и насилия провести его до нашей эпохи.

Историческую основу имеют под собой все предания крымского цикла. Поэтому А. С. Пушкин, а вслед за ним и его современники, не могли определить ни давности, ни этнографической достоверности услышанных ими преданий о Крым — Гирее. Древний сюжет, трансформируясь в каждой новой исторической эпохе, давал все новые и новые варианты, отражающие реальность психологического настроения именно той обстановки, в которой они возникли и существовали.

При этом изменяются и формы некоторых ведущих элементов сюжета, например знаменитого фонтана. Понадобилось почти 15 веков, чтобы из маленького водоема на могильной плите погибшей служанки возник поэтический фонтан, символ глубокого лирического чувства.

Типологическое сходство, как показывает анализ, мы, очевидно, найдем во всех крупных литературах мира, в том числе и русской. Поэтому искать какой-то общий источник возникновения сходных циклов преданий было бы бесполезным, поскольку он вряд ли существует. Но, как и подчеркивает Жирмунский, многие так называемые странствующие сюжеты восходят в своей основе к различным древ-

ним отношениям, обычаям, обрядам и т. д. Возникновение, самый характер их типологически обусловлены. Позднее такие сюжеты, утрачивая непосредственную связь с тем или иным этнографическим субстратом, начинают передаваться от одного этноса к другому. При этом акт передачи и процесс усвоения и трансформации в новой среде подчинены историко-типологическим закономерностям и более широким процессам в народном творчестве в целом. Из этого следует, что, прежде чем пускаться в поиски путей, хронологии и способов передачи и усвоения того или иного сюжета, необходимо тщательно выяснить его исконные этнографические связи, наличие и характер которых непременно укажут на возможность самостоятельного и независимого возникновения сюжета в разных местах и у разных этносов и поставят вопрос о заимствовании на реальную почву истории.

ЛИТЕРАТУРА: В. М. Жирмунский. Сравнительное литературоведение. — Л., Наука. 1979. с. 14-15.

*ЭБУБЕКIROVA Н. М., зав. этнографическим
отделом Музея истории и культуры крымских
татар Бахчисарайского государственного
историко-культурного заповедника*

ПРАЗДНИЧНАЯ И РИТУАЛЬНАЯ ПИЩА КРЫМСКИХ ТАТАР В XIX — XX ВЕКАХ

В духовной жизни крымских татар много сложных и различных по своему историческому происхождению и социальному назначению явлений. Среди этих явлений наиболее ярко выражены национальные календарные праздники и различные обряды. Древняя обрядовая жизнь всецело нивелирована Исламом. От домусульманской религии тюрков едва остались следы. Однако все-таки чисто национальные народные черты можно еще наблюдать и сейчас в некоторых ритуалах и обычаях. В них как в зеркале отражается образ жизни крымскотатарского народа. К таким относятся праздники Наврез, Хыдырлез, Ораза и Къурбан-байрамы, а также свадебный обряд, обряд имянаречения и похоронный обряд. Крымские татары всегда отличаются как своим трудолюбием, так и умением всецело и интересно проводить свое свободное время, отдыхать и развлекаться.

Существует широко распространенная традиция отмечать праздничные дни и семейные торжества приемом гостей, торжественной и веселой национальной музыкой, песнями и танцами, а также очень вкусным угощением — самыми изысканными национальными блюдами.

Сегодня я хочу познакомить вас лишь с некоторыми из них, которые готовятся татарами во время традиционных праздников и ритуалов.

У крымских татар существует два главных праздника: Ораза-Байрам и Къурбан-Байрам.

Один из этих двух основных праздников Ислама Ораза-Байрам наступает по окончании 30-дневного поста — Ораза-Байрам или разговение.

1) Подготовка к празднику Ораза-Байрам начинается за несколько дней.

В последний вечер поста месяца Рамазан-Ариффе к моменту заката солнца готовится много вкусной еды и обязательно какое-нибудь жареное на растительном масле блюдо. Накануне Ораза-Байрама происходит обмен традиционными блюдами с ближайшими соседями. Верующие стараются собрать вместе всех членов своих семей, никуда не пускать их из дома, так как считается, что в этот вечер к своим домам спускаются души умерших, и они, насытившись запахом, вновь покидают землю. Этот своеобразный обряд поминовения усопших родственников и близких существует испокон веков.

Ораза-Байрам — разговение. Праздник длится три дня.

В первый день еще до праздничного намаза беднякам, сиротам и убогим раздают милостыню в честь окончания поста. Ее следует давать от каждого члена семьи. Добровольные пожертвования идут и на нужды мечети. Обычно в первый день праздника в мечетях совершается общая молитва — праздничный намаз, устраивается праздничная трапеза, к которой готовят множество разных сладостей и угощают ими соседей, родных, детей. В праздничные дни следует делать подарки женщинам и детям, покупать новые вещи, обязательно навещать пожилых родственников, поздравлять их и уделять им особое внимание. В последний день праздника по традиции принято посещать кладбище, поминая умерших родных, читать молитвы.

Благотворительные общества организывают раздачу продуктов — сахара, муки, масла, мяса, круп, а также небольших денежных сумм. И хотя Ораза-Байрам называется малым праздником или «кучук-байрам», он знаменует окончание трудного периода поста и является не менее почитаемым, чем Къурбан-Байрам, таким же радостным и значительным.

Сторонники Ислама считают, что ежегодный пост, предписанный всем мусульманам без исключения, стирает грани различия между людьми, не взирая на ранг и не предоставляя индивидуальных условий. Слова Пророка Мухаммеда наставляют:

«Не завидуйте друг другу,
не испытывайте друг к другу ненависти,
не прислушивайтесь к беседующим,
не будьте скардными эгоистами и стяжателями.

Не выискивайте недостатки у других,
не преувеличивайте цену товара, который вы не хотите
покупать,
не покидайте друг друга,
не ссорьтесь и не ропщите по поводу сделок других из-за
вас.

Будьте братьями, рабы Аллаха!»

Къурбан-Байрам — это наиболее значимый для крымских татар праздник — праздник жертвоприношения, который проводится через 70 дней после окончания Оразы и длится 3-4 дня. Он совпадает с днем завершения Хаджа — паломничества в Мекку.

Мусульмане начинают активно готовиться к этому празднику уже за неделю раньше. Они запасаются продуктами, мясом.

Те, кто имеет скотину, специально откармливают выбранное животное к празднику. Это может быть баран, овца, корова, коза и т.д.

Праздновать день жертвоприношений начинают с раннего утра. Чуть свет мусульмане идут в мечеть к утренней молитве. По окончании праздничного утреннего намаза все возвращаются по домам. Затем они могут пойти на кладбище помолиться за умерших. И уже вернувшись с кладбища, приступают к жертвенному обряду.

Над священной, приготовленной к закланию жертвой служитель мечети или просто верующий читает специальную молитву. Жертве должно быть не менее одного года, она должна быть здоровой и не иметь никаких недостатков. Считается, что жертву можно приносить не только за живых, но и за усопших. Кто не имеет возможности принести в жертву большое животное, тот режет мелкую живность — кур, уток, кроликов.

Мясо животного варят и съедают за общей трапезой. В Къурбан-Байрам каждый должен отведать мясное блюдо.

Праздник Къурбан-Байрам — это радостное событие, поэтому и праздничная пища должна быть вкусной и разнообразной. Татары обычно в этот день готовят свои национальные блюда с мясом: кебаб — шашлык, къавурма — жаркое с мясом, татар-аш, шурпа, чебуреки, плов, манты, лагман, кобете, бурма и т.д.

В Къурбан-Байрам и последующие 3-4 дня наносятся визиты к ближайшим родственникам и друзьям, преподносятся разнообразные подарки: мясо, кофе, сахар, продукты.

Считается, что подарки в первую очередь необходимо дарить родителям и близким родственникам, причем они должны быть недорогими, но экстравагантными. Преподнесение подарков рекомендуемо, так как затруднения с их приобретением по причине недостатка средств вынуждают малоимущих избегать визитов.

Во время Къурбан-Байрама в каждом доме царит дух такого гостеприимства и щедрости, что любой человек, зашедший в дом, не выйдет, не отведав праздничного угощения.

Древний праздник земледельцев Наврез отмечается как начало нового года и весны.

Слово «Наврез» — это иранское слово, означающее «нав» — новый, «руз» — «рез» — день, т.е. новый день.

Собственно говоря этот праздник пришел к нам из Ирана, и обычай его празднования возник среди крымских татар не позже XII — XIII вв, вместе с принятием Ислама (так считает Куртнев).

Особое место в праздничных обрядах, совершавшихся в день Навреза — весеннего равноденствия — занимает обряд поминовения предков, который выделяется как особый праздник — (олю байрамы) — праздник умерших, который отмечается в конце апреля (как родительский день 30 апреля).

В этот день после утреннего намаза люди посещают кладбище, где прежде всего участники церемонии поправляют могилы, очищают их от сорняков, затем читают молитвы и поминают усопших.

В своих поминальных молитвах молящиеся поминают Бога и духов усопших, чтобы год был хорошим, урожайным, а скот плодовитым. Таким образом живые как бы общаются с душами умерших. Главная цель Навреза и этого обряда заключается в том, чтобы напоить, накормить и развеселить души умерших.

В заключении обряда остатки пицци раскладываются на могилах, раздают детям и беднякам или просто проходим со словами: «Олюнъынъ джанъынъ тийсинъ!» («Пусть он прикоснется к душе умершего!»). Так в жертвенной пище живые стремятся соединиться с усопшими предками.

Известно, что у многих народов мира поминовение предков связано с представлением о плодородии и благосостоянии, и потому входило в весеннюю обрядность. Эти же представления находят отражение в обрядовой стороне татарск-

кого обычая - поминовения усопших, основной чертой которого является стремление умиловать предков и заручиться их поддержкой и покровительством в начале нового хозяйственного года.

Накануне праздника женщины варят яйца, пекут кобете, готовят суп из курицы с лапшой: считается хорошей приметой, если лапша убежит из кастрюли, значит, год будет урожайным. Главной поминальной пищей этого обряда является эльва (къара эльва или халва), которую готовят, перемешивая муку с сахарным сиропом и бекмезом (вываренным до густоты меда виноградным соком), жарят в казане.

Яйца также являются главной поминальной пищей, т.к. раньше они в заупокойном культе других народов мира служили символом воскрешения к жизни, символом жизненной силы и плодородия (у суннитов).

В этот праздник девочки и мальчики ходят по домам и, распевая песни, поздравляют жителей с праздником.

У крымскотатарского народа первый месяц по календарю называется мухаррам или Ашир-ай. Видимо это месяц март, после которого наступал день весеннего равноденствия 21-22 марта и праздновался Новый год, а затем и праздник Наврез-Байрамы.

17 апреля считается Ашир-куню.

В эти дни наряду с раздачей милостыни издавна существует традиция готовить специальное кушанье Ашир-аш и раздавать его беднякам. Это блюдо состоит из 7 наименований продуктов: из пшеницы, кукурузы, изюма, толченых орехов, фасоли, кураги и бекмеза.

Об этом рассказывала и жительница с. Соколиное Бекирова Афизе-хартана (86 лет), которая являлась свидетельницей, хранительницей многих секретов и обычаев жизни крымских татар, которые не все еще полностью изучены историками и этнографами.

Во время празднования Нового года у татар дети бегут от дома к дому и кричат: «Календа, календа! Новый год! Новый год!» И говорят по-татарски «Бир шей берсенъиз — сизинъ огълунъыз олсунъ, бир шей бермесенъиз — сизде таз къызынъыз олсунъ!» «Если вы что-нибудь дадите — пусть у вас родится сын, а если вы ничего не дадите — пусть у вас родится лысая (плешивая) дочь!» И хозяйка дома обязательно должны были угостить этих детей чем-нибудь вкусеньким: конфетами, фруктами,

печеным, оладостями и т.д. Об этом свидетельствует Рефат Куртиев в своей книге «Календарные обряды крымских татар».

Особое внимание уделяется еде и в праздник Хыдырлеза. В этот день особенно преобладает мясная и молочная пища: в основном вареная или жареная баранина, долма, лепешки с сыром, йогурт, халва с сыром. Традиция запрещает до этого дня есть мясо ягнят.

Во время свадебной церемонии тоже можно проследить несколько очень интересных моментов.

В конце XIX — начале XX века на татарской свадьбе гостей встречают специальной музыкой. Молодой парень встречал гостей и угощал их розовой водой и чашечкой душистого шербета. Затем гостей провожали в дом.

В те времена хозяйка не накрывали такие пышные столы, как предпочитают делать сейчас. По воспоминаниям старожиллов следует, что в былые времена гости несли на свадьбу в качестве подарков — готовые блюда с пищей (о разнообразии ассортимента люди между собой заранее договаривались), и затем этими блюдами украшали столы, затем все гости и хозяйка дружно размещались по местам и праздновали свадьбу. Не смотря на то, что жили всегда богато и зажиточно, эта традиция сохранялась до самой войны 1944 года. Хозяйка также в свою очередь готовили различные горячие блюда (например, кануста тушенная с мясом, жаркое из баранины, шашлык, суп из фасоли или из чечевицы и т.д.).

Гости кроме всего прочего несли подарки на больших подносах — сии, где располагалась вся закуска и подарки: в центре подноса ставили бутылки с шампанским, водкой, коньяком, тортом; по краям подноса по кругу раскладывали печеные изделия: хворост, къурабие, пахлаву, пирожные, фрукты, орехи, виноград, яблоки, груши, сверху в свободное место сыпали конфеты, финики, изюм. Сверху поднос покрывали большим красивым шелковым платком. Поднос нес мужчина — глава семьи и вручал хозяевам свадьбы. Эта традиция еще долго сохранялась и в 50—70-е годы в местах депортации.

Существует обычай, когда невеста с женихом входят в дом родителей (т.е. когда молодоженов встречают родители), то молодых сверху обсыпают пшеницей, конфетами и деньгами (монетами). Это делает обычно старая бабушка, а дети, бегущие вслед, и гости все это подбирают.

К началу свадебного вечера столы для гостей обычно хозяева и их близкие родственники стараются уже покрыть белыми скатертями и заранее сервируют на общее количество гостей. Здесь стоят вазы с красивыми цветами, в специальной посуде красиво сложенные различной формы салфетки, стоят напитки и холодная закуска, посуда персонально для каждого гостя.

Во время свадьбы готовится очень много разнообразной пищи: это первые и вторые блюда, а также и большое количество холодных закусок, десертные блюда, фрукты и всевозможные сладости.

На столах также различные виды и формы печеного: печенье, хворост, кьурабие, кобете, пахлава, пастила, трубочки, рогалики, пирожные, конфеты, торты и т.д.

В самом начале свадьбы ведущий свадьбы или тамада произносит тост, объявляет об открытии свадебного вечера, звучит специальная музыка «Долъу авасы» и только после этого гости начинают откупоривать сосуды с напитками и разливать в фужеры. Вот уже теперь пиршество начинается в полную силу. Если раньше татары употребляли во время застолья бузу, макъсыму, шербет и кьошаф, то в настоящее время пьют коньяк, водку, вино, минеральную воду, лимонад и другие прохладительные напитки, безалкогольные и алкогольные, а также иногда и горячий чай и кофе.

Праздничные столы, накрытые в честь молодоженов, ломятся от разнообразия яств: сарма, долма, голубцы из виноградных листьев и капусты, лепешки, кобете, бурма, напитки, национальные сладости, торты, пирожные, вплоть до импортного мороженого, салаты из свежих овощей, а если свадьба осенью — то туршу — различные соленья: перец фаршированный, баклажаны фаршированные, помидоры. Подают колбасные изделия, мясо в любом виде, сыры, брынзу — пенир, маслины, отварное мясо, птицу (куры, утки, индюки), рыбу в различном виде (жареную, копченую, заливную и т.д.), горячие блюда — шурпу из свежей баранины, люля-кебаб или нохут шербасы, жаркое, тефтели, плов ит.д.

Во время обряда имянаречения — дуа — готовят праздничную пищу. Но это мероприятие, конечно, намного скромнее проводится, чем свадьба (да и гостей бывает от 5-6 до 25-30 человек) в зависимости от состояния и возможности молодой семьи. Сначала всех гостей угощают черным кофе с

сахаром, вареньем из различных фруктов и сливками с каймаком. После этого читается молитва и проводится сам обряд имянаречения. А уже потом угощают всех гостей вкусной праздничной пищей (без алкогольных и спиртных напитков). Эти блюда похожи на те, которые обычно готовят к любому празднику. Это и суп-шурба со свежей бараниной или же суп куриный с лапшой, суп с фасолью, суп с горохом нохут. Готовится одно из первых блюд и одно из вторых блюд.

Из вторых блюд готовится также плов, сарма, долма, чебуреки, манты, татар-аш, кьашикь-аш, кьабакь-бурмасы, кобете различных видов, этли бурма и т.д., а также холодные закуски: туршу или свежие овощные салаты и фрукты на десерт, брынза-пенир, блюда из тыквы, сыры, каймак, маслины. На третье подают напитки: чай горячий или компот какой-либо из 7 видов с лимоном, с медом, с орехами, большое разнообразие варений и большое количество печеных мучных изделий.

У крымских татар во время похоронного обряда готовят специальную поминальную пищу. Это хатлама — лепешечки, приготовленные из дрожжевого теста и жаренные в масле, и эльва — халва (кьара-эльва). Из напитков подают горячий чай или компот. Это готовится в день похорон, и когда все люди возвращаются с кладбища, после обряда захоронения, все моют руки, садятся за заранее накрытые столы, угощаются и уходят домой. У татар после похорон нужно идти только домой (не в гости, ни по делам и т.д.). это очень строго соблюдается. Сейчас же иногда готовят и другие блюда к уже известным, т.к. считают, что не все гости и родственники могут приехать или прийти на поминки в виду различных обстоятельств. Поминки обычно у татар проводят на 3-й, 7-й, 37-й или 40-й день, 52-й день, 100-й день и т.д. (полгода, год).

Во время проведения поминок на 3-й день после похорон обязательно готовят очень вкусную пищу: это и уфакь-аш — очень маленькие пельмени (кьашикь-аш), обязательно должны быть блюда из муки, сыр, брынза, маслины, блюда из тыквы. Хлеб режут ломтями, но ни в коем случае не режут ломти пополам. Много блюд, которые считаются как бы райской пищей — дженнет аш.

Очень много сладких изделий, печеных из муки. Обязательно готовится шербет (сахар, мед, вода, черный перец горошком, 1 яблоко, лимон). Обычно поминки на 3-й, на 7-

й и 40-й день всегда стараются по возможности сделать очень богатыми и пышными. Готовят блюда, которые любил покойник. Из напитков обязательно готовят шербет, кофе с каймаком, чай со сладостями (конфеты, лимоны, мед, варенье, большое количество печеного), компоты, фрукты (яблоки, груши, персики, черешни, клубника, виноград, арбузы, дыни), смешивают 7 видов компотов.

Из первых блюд чаще всего готовят шурпу из свежей баранины, к'яшик'ъ-аш или нохут-шорбасы.

Из вторых блюд готовят плов по-татарски (татар-плав), сарма и долма (голубцы из капустных и виноградных листьев), перец фаршированный, возможно плов по-узбекски, катык'ъ, к'яймак'ъ, пенир - брынза, блюда из тыквы, оливки — зейтун.

Спиртные напитки в похоронном обряде и во время поминок никогда не употребляются.

На дува иногда готовят блюдо из тыквы с мясным фаршем вперемежку с различными слоями овощей. Называется это блюдо дженнет-аш или райская пицца или же еще имам-байылды.

ЛИТЕРАТУРА: 1. А. Э. Тенешева «Празднование Невруза и Хыдырлеза в Турции», (конец XIX - середина XX вв.), ж. «Сов. этнография» № 6, 1991.; 2. Р. Куртчиев «Календарные обряды крымских татар»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Абдульваапов Нариман «Коллекция книг из Бахчисарайского музея в рукописном отделе Российской научной библиотеки Санкт-Петербурга»	6
Алпашкина Оксана Николаевна «Бахчисарайский музей — центр культурной жизни города в 20—30 г.г. XX века»	11
Бадаев Дмитрий Владимирович «Сабля с острова Чертомлык из коллекции Харьковского исторического музея»	21
Баккал Ирина Николаевна «О вкладе семьи Дубинских в сохранение музейных ценностей Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника»	27
Борисов Валерий Николаевич «Сан — древнее название княжеских знаков Киевской Руси»	34
Гайворонский Алексей Евгеньевич «Мотив «битвы двух драконов» на въездной башне Ханского дворца»	41
Золотова Галина Ивановна «История передвижения экспонатов из фондов Бахчисарайского музея»	53
Йокота-Мураками Такаюки «Отражения Крыма в конце XIX — в начале XX в.в. в японской литературе и философии»	58
Мамутова Зера Аблаевна «Ремонты Бахчисарайского дворца за последний период»	66
Марценюк Руслана Орестовна «Колорит крымских татар в этнической палитре Украины»	75
Мустафаева Ленара Закировна «Женское образование в тюркско-мусульманском обществе в конце XIX — начале XX в.в.»	87
Нюри Т. Мария «Будапештские стихи Б. Чобан-Заде»	99
Озерянская Ирина Михайловна «Карайский фонд в Одесском историко-краеведческом музее»	110
Османова Гульнара Нуриевна «Деятельность Бахчисарайского музея по охране памятников в 1920—30-е г.г.» ...	113

Остапенко Галина Дмитриевна «Отражение традиций мусульманского искусства в художественном металле (по фондовой коллекции художественного металла БГИКЗ)»	120
Пироженко Ирина Вячеславовна «Ярослав Мудрый в европейской интеграции XI века»	127
Плотникова А.М. «История Вышгорода»	130
Полканова Анна Юрьевна «Крымскокараимские этнографические и религиозные предметы в фондах БГИКЗ»	141
Солодова Вера Владимировна «История региона в этнографических комплексах музейной экспозиции»	151
Уйсал Нешеджан «Книги о Крыме в библиотеке Турецкого исторического общества»	154
Чорев Михаил Михайлович «Новый тип биллона Сахиб-Гирия I»	159
Эбубекиров Сервер «Странствующий сюжет»	163
Эбубекирова Надежда Мухтаровна «Праздничная и ритуальная пища крымских татар в XIX — XX в.в.»	170

Сдано в набор 10.10.2007. Подписано в печать 26.11.2007.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная 80 г/м².

Гарнитура UkrainianSchoolBook.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,45. Тираж 100 экз.

Свидетельство о регистрации
 субъекта издательской деятельности
 ДК № 343 от 23.02. 2001 г.

Издательство «ДОЛЯ»:

95022, г. Симферополь, ул. Виноградная, 22.

Тел./факс: (0652) 57-30-01, E-mail: vbasurov@mail.ru

Отпечатано с готовых фотоформ

в ООО «Форма»:

95022, г. Симферополь, ул. Горького, 8.